

ISSN 1857-2685

Русь

№ 3 (25), 2011

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2011, № 3 (25)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

доктор истории С. Суляк (Молдавия),

главный редактор

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина),

заместитель главного редактора

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о. Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

доктор истории П. Шорников (Молдавия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2011

© Association «Rus'», 2005-2011

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

- Леонтий ВОЙТОВИЧ**
Границы Галицко-Волынского государства 5-41
Leontii VOITOVICH
The Boundaries of the Galician -Volynian State
- Александр МАЙОРОВ**
Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? 42-49
Aleksandr MAIOROV
Was Daniil of Halich Crowned by Pope Innocent IV?
- Михаил НЕСИН**
Галицкое вече в 1229-1234 гг. 50-73
Mikhail NESIN
The Galician Veche of 1229-1234
- Епископ Иов (СМАКОУЗ)**
Священник Игнатий Гудима (1882-1944) – мученик за православную веру и русские идеалы на Галицкой Руси 74-94
Bishop Iov (SMAKOUZ)
Priest Ignatii Hudima (1882-1944) - Martyr for the Orthodox Faith and Russian Ideals in Galician Rus`
- Тетяна СОЛОГУБ-КОЦАН**
Орнаментальні мотиви гуцульської народної вишивки Закарпаття (ясинянський осередок) кінця XIX – першої половини XX ст. 95-105
Tatiana SOLOGUB-KOTSAN
Ornamental Motifs of Hutsul Folk Embroidery in Transcarpathia (The Yasinian Center) at the End of the 19th to the Middle of the 20th Centuries.
- Василь КОЦАН**
Планування інтер'єру народного житла українців Закарпаття XIX – першої половини XX ст. 106-130
Vasilli KOTSAN
The Interior Plan of the Folk Abode in Transcarpathia of the 19th and first half of the 20th Centuries

НЕКРОЛОГ / NECROLOGY

- Памяти митрополита Никодима (РУСНАКА) 131-134
In Memory of Metropolitan Nikodem (RUSNAK)

ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ / FAMOUS RUSINS

Митрополит Никодим (РУСНАК): Господь управляет шествием моим

..... 135-154
Metropolitan Nikodem (RUSNAK): The Lord Directs My Way

References Transliterated from Cyrilic into Latin Alphabet 155-183

Сведения об авторах 184-185
Information about the Authors

Summary 186-187

Правила публикации в журнале «Русин» 188
Rules of Publication in the Journal «Rusin»

Подписка на международный исторический журнал «Русин» .. 189-190
Subscription to the International Historical Journal «Rusin»

Информация 191
Information

Леонтий ВОЙТОВИЧ

ГРАНИЦЫ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА

История Галицко-Волынского государства исследуется более двух столетий¹, но проблемы его границ все еще остаются дискуссионными. Границы Галицко-Волынского государства, подобно границам любого другого средневекового государства, в разные периоды его существования не были неизменными, хотя в общем на многих участках они оставались стабильными еще со времен племенных княжеств и сохранились в более позднее время, совпадая с границами староств².

Галицко-Волынское государство состояло из двух земель - Галицкой и Волынской, объединенных в 1199 г. династической унией. Каждая из этих земель включала в себя княжества-волости, имевшие в разные периоды отдельных князей, а во времена их отсутствия - находившихся под управлением княжеских наместников. Эти княжества-волости сложились в предыдущую эпоху и тоже имели относительно стабильные границы, точное обозначение которых не всегда возможно из-за отсутствия источников.

На севере Волынской земли в Понеманье находилась Городенская волость, которая сформировалась в 1112-1113 гг. в ходе победных войн с ятвягами волынского князя Ярослава Святополковича³. И первым городенским князем стал его вассал Всеволодко Давидович (1112-1141), сын прежнего сюзерена Волыни Давида Игоревича, которому свадьба с дочерью Володимира Мономаха помогла удержать и закрепить за своими потомками это княжество. Городенские князья всегда выступали на стороне своих сюзеренов – князей Волыни. Даже весной 1151 г., когда политическая конъюнктура была особенно неблагоприятной для волынских князей, городенская рать князя Бориса Всеволодовича принимала участие в борьбе с войсками Юрия Долгорукого и его союзника, галицкого князя Владимирка Володаревича. Также поддерживали городенские князья своих сюзеренов Мстислава Изяславича и Ярослава Изяславича. За весь период домонгольской истории Руси туровские или полоцкие князья не делали попыток подчинить себе Городенскую волость.

Городенское княжество занимало бассейн верхнего течения Немана (без его истоков) с городами Городно (впервые упоминается под 1112 г., при впадении р. Городничанки в Неман, ныне г. Гродно в Белоруссии), Новгородок (Новогрудок) (1212, ныне г. Новогрудок в Бело-

руссии), Волковыск (1252, на р. Роси, левом притоке Немана, ныне город в Белоруссии), Турыйск на Немане (Турск) (1253, ныне с. Турейск Шучинского р-на Гродненской обл.), Слоним (1253, на р. Шарья, левом притоке Немана). Большинство этих городов значительно старше времени первого упоминания в источниках, как свидетельствуют археологические исследования; в частности, Новогрудок развивался с конца X в. и в XII в. уже был классическим городом с укрепленным «окольным градом»⁴.

В начале XIII в. Городенское княжество раздробилось. Один из потомков Всеволодка Давидовича – Глеб в 1255-1260 гг. возглавлял Волковыское княжество. На его дочери Елене женился князь Роман Данилович, бывший ок. 1253-1258 гг. князем Новогрудским. Их сын Василько Романович в 1281-1282 гг. держал Слонимское княжество⁵. Часть Городенского княжества с Городном и Новогрудком в начале XIII в. попала под литовское владение, и, по мнению ряда исследователей (по этому поводу продолжается горячая полемика между литовскими и белорусскими археологами), Новогрудок даже стал столицей короля Миндовга, но уже через некоторое время был передан Роману Даниловичу, позднее снова присоединен к Литве, а в ходе войны 1274-1276 гг. razорен галицким князем Львом Даниловичем⁶. Новогрудскую волость исследователи часто выделяют отдельно и называют Черной Русью (Северной Русью), но это название позднего происхождения – с XV⁷ или даже XVIII в.⁸, но никак не раньше 1351 г.⁹

Через Городненскую волость лежали торговые пути в Литву, Пруссию и Ятвятию.

На северо-западе вдоль границ тянулась Дорогичинская волость. Небольшой участок границы с ятвягами проходил вдоль правого притока р. Нарвы - р. Бебжи. На севере от этой линии находились коренные ятвяжские земли с рядом городищ, обнаруженных археологами¹⁰. При впадении Бебжи в Нарву находился замок Визна, который в 1145 г. польский князь Владислав Изгнанник передал волыньским князьям за помощь против младших Болеславичей¹¹. На основании письма бальгийского комтура Тевтонского ордена от 14 ноября 1325 г.¹² можно утверждать, что Визна и далее оставалась волыньским пограничным замком и крайним северо-западным форпостом.

От Визны на юг граница шла, вероятно, по р. Нарве до г. Сурожа, лежащего на правом берегу. Археологический материал позволяет датировать возникновение Сурожа не позже рубежа XII-XIII вв.¹³ Между р. Нарва и р. Нурец границу прикрывал Бельск, лежащий на р. Орли, притоке Нарвы. В 1288 г. владимирский князь Владимир Василькович украсил церковь в Бельске и подарил ей книги. На р. Орли, вероятно, лежал и Орельск (упомянутый впервые под 1204 г.). Далее граница

шла по р. Нурец, где лежал г. Бранск (конец XII в.), до ее впадения в Западный Буг. От мазовецких земель в районе р. Нарвы и р. Нурец волыньские земли отделялись полосой непроходимых болот и густых лесов. Визна, Сурож, Бельск, Орельск и Бранск были городами Дорогичинского княжества.

Сам Дорогичин (впервые упомянутый под 1142 г., археологические материалы конца VII в.) на Западном Буге, исходя из находок более 10 тыс. свинцовых булл XI-XIII вв., длительное время был, наверное, одной из главных таможен на западной границе Руси. Через город проходили пути в Мазовию, Польшу, Тевтонский орден и большой Балтийский («янтарный») международный торговый путь. Здесь княжили князья младшей ветви волыньских Мономаховичей Василько Ярополчич (ок. 1180 - после 1182) и его сын (до 1192 г.). Здесь в 1253 г. был коронован Даниил Романович. Это княжество передал волыньский князь Любарт-Дмитрий Гедиминович старшему брату Кейсту за его помощь в борьбе за галицкое наследство.

От Дорогичина до Берестья граница проходила, вероятно, по Западному Бугу. Тут находился г. Мельник, появление которого археологи относят к XI в., в 1209-1215 гг. эта территория была захвачена польским князем Лешком Белым, но уже в 1217-1219 гг. Романовичи сумели ее вернуть. Мельник находился на черте Дорогичинского и Берестейского княжеств и, скорее всего, входил в состав первого. Под 1260 г. здесь упоминается церковь Св. Богородицы.

Южнее Дорогичинского княжества находилась Берестейская волость, которая охватывала бассейны р. Лесной, Муховца и верховья Ясельды. За эти важные в стратегическом отношении земли шла борьба в периоды ослабления Волыни в последней четверти XII в. и в 1209-1217 гг., когда на них претендовали пинские, минские и мазовецкие князья. Самым большим центром здесь было Берестье (1019 г., при впадении р. Муховца в Западный Буг, ныне г. Брест в Белоруссии). Каменец (1276) на правом притоке Западного Буга р. Лесной стал приграничным городом на северном кордоне после захвата Литвой Волковыска и Слонима. Здитов на р. Ясельде, левом притоке Припяти (1252 г., ныне с. Здитово Березовского р-на Брестской обл. в Белоруссии), был крайним северо-восточным пунктом на границе с Турово-Пинской землей.

По Бугу граница, вероятно, шла до болот в районе р. Володавы, в устье которой находился одноименный город, впервые упомянутый под 1240 г. Это был крайний северо-западный пункт Холмской волости. В верховьях р. Володавы, возле нынешнего с. Андреева, находился город Андреев, упомянутый впервые под 1204 г.¹⁴ Возникновение этого города можно связать с волыньским князем Андреем

Владимировичем, правившим волынскими землями в 1119-1135 гг. Южнее находился укрепленный пункт Верещин (1204), который локализируют в районе современного Уршулина под Холмом (Польша). Вместе с другими городами Забужья Верещин после гибели Романа Мстиславича был захвачен поляками и в 1219 г. возвращен Даниилом Романовичем.

Далее граница, скорее всего, шла западнее Угровска и Холма по р. Вепр. Угровск впервые упомянут под 1204 г. (ныне с. Угруска). Даниил Романович вначале думал сделать здесь центр Забужья. Между 1213-1223 гг. здесь даже была отдельная епископская кафедра. Наверное, тогда был заложен и монастырь Св. Даниила, упомянутый под 1268 г. Холм был основан немного позже, но до 1223 г., когда туда была перенесена епископская кафедра. Холм периодами был столицей Даниила Романовича, а позднее уделом его потомков до аннексии княжества Польшей в 1387 г. Раскопки, ведущиеся с перерывами с 1910 г., позволили обнаружить остатки мощных укреплений и каменного княжеского дворца¹⁵.

Комов (1204, ныне Кумов на юге от Холма), Ухань (1204) и Столпье (1204, ныне Стовпя) прикрывали подступы к Холму¹⁶. Крайней юго-западной крепостью Холмской волости был г. Щекарев, впервые упомянутый под 1219 г. Ныне это г. Красностав на р. Вепр. Кроме этих городов западную границу прикрывало Бусово (Бусивно, 1248 г.), лежащее на пути из Щекарева на Володаву, Охожу и Дроговск.

На юге от Холмской волости лежала Червенская волость, периодически входившая в состав Белзского княжества или выступавшая как отдельный удел этого княжества¹⁷. Западная граница этой волости и всей Волынской земли шла по р. Вепр от Щекарева до Щебрешина и далее в районе р. Танвы и р. Рати доходила до границ Галицкой земли. Щебрешин, упомянутый под 1352 г. как город королевства Руси, находился на левом берегу Вепра (теперь Щебжешин в Польше). Большинство червенских городов находилось в бассейне р. Гучвы. Червен (981, с. Чермно Грубешовского повета Люблинского воеводства в Польше) был прикрыт городами Грубешив (здесь в 1255 г. в церкви Св. Николая молился Даниил Романович), Грабовец (1263), Тернава (где происходили переговоры с польскими князьями в 1266 и 1268 гг.), Чернеческ (возможно, тождествен с Чернятином вблизи Тернавы¹⁸) и Сутейск (1097, вблизи Червена, с. Сонцяска). Западная граница на этом участке сложилась, вероятно, еще при формировании племенных княжеств¹⁹, а позднее осталась западной границей Белзского княжества и Белзского воеводства.

Крайней юго-западной крепостью Белзского княжества был Любачев (позднее центр повета этого княжества). Южная граница Во-

лынской земли была чертой между Волынской и Галицкой землями. Естественной чертой между обеими землями, то есть между ареалом хорватских и волыньских племен, был водораздел бассейнов Западного Буга и Припяти с бассейнами Сана и Днестра. Граница начиналась от Любачева и верхнего течения речек Любачивка и Рать. В Белзское княжество входили города Плиснеск (первое упоминание - 1188 г., по археологическим данным – VI-VII вв., теперь окрестности с. Пидгирцы Бродовского р-на Львовской обл.), Волынь (1018, на берегу Западного Буга, теперь Городок Надбужный в Польше), Белз (1030, при слиянии рек Солокии и Ричицы), Бужеск (1097, теперь г. Буск Львовской обл.), Ярышев (1148, на р. Ярычевка, притоке Полтвы, между с. Новоселки Лиские и Задворье), Городло (Городок) (1236). Археологами исследованы городища, которые цепью тянутся вдоль водораздела бассейнов Западного Буга, Сана и Днестра. Это, в первую очередь, Глинские, Гринчуки, Завадов, Зарудцы, Куликов, Потелич Жовковского района и Соколовка и Олеско Бусского района. Это следы волыньско-галицкой границы.

Смежные земли в верховьях Иквы, Вилии и Горыни с городами Изяслав Волынский (первая половина XI в., в верхнем течении Горыни, теперь г. Изяслав), Шумск (1149, на правом берегу р. Кумы между с. Бриков и Онишковцы Шумского р-на), Тихомль (1152, в верхнем течении Горыни, ныне с. Тихомль Белогорского р-на Хмельницкой обл.) и Гнойница (1152, ныне с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл.) с середины XII в. сформировались в отдельную Шумскую волость. У Шумске сидели младшие волыньские князья Ярополк Изяславич (1157–1166/68), Изяслав Ярославич (1180-1196), Святослав Ингваревич (?–1223) и Ярослав Ингваревич (1223-1225). С юга Шумск прикрывали мощные замки, следы которых сохранились в Брыкове, Васьковцах и Онишковцах. Замок в Брыкове стоял на высокой горе и был окружен тремя рядами валов и рвов²⁰.

Простор между Плиснеском и Шумском прикрывал Кремянец, впервые упомянутый в 1226 г. Его мощные укрепления не смогли захватить угорский король Андрей III в 1226 г. и хан Батый в 1241 г. Детинец размещался на высокой Замковой горе, валов не было, а каменные стены размещались по периметру горы. С востока к Детинцу примыкает каменистая гряда, вдоль которой в известняковой скале выдолблен широкий ров. Кремянец и Броды (1098, над р. Суховилкой, притоком р. Стыр), южнее которых шла галицко-волыньская граница, были южными городами Луцкого княжества, в состав которого входили также Луцк (1085), Перемиль (1097, на р. Стыр, ныне с. Перемиль Гороховского р-на Волынской обл.), Щеполь (1097, ныне с. Шепель Луцкого р-на), Дубен (1100, на левом берегу р. Иквы, притока Сты-

ра, теперь г. Дубно), Чорторийск (1100, на берегу р. Стыр, возле него шла граница с Турово-Пинской землей), Чернеческ (Чернич-городок) (1142, ныне с. Городок Маневичского р-на), Муравица (1149, на правом берегу р. Иквы, ныне западная окраина г. Млинов), Городок Волинский (1213, ныне с. Городище Луцкого р-на), Торчев (1231, ныне с. Торчин Луцкого р-на).

Луцкое княжество П. Толочко относит к Киевской земле²¹, с чем согласиться невозможно. Все первые луцкие князья были вассалами владимиристо-волинских князей, а Ярослав Изяславич и его сыны – сюзеренами всей Волини. В XIII в. на юге Луцкого княжества образовалась отдельная Перемильская волость, но скоро снова вошла в состав Луцкого княжества.

Сердце Волини – Владимирское княжество с запада, юга и востока граничило с соседними волинскими княжествами и только на севере его границы смыкались с границами Турово-Пинской земли. В состав Владимирского княжества входили такие города: Владимир (988, ныне г. Владимир-Волинский), Турийск (1097, на берегу р. Турьи, притоки Припяти), Всеволож Волинский (1097, ныне с. Литовеж Иваничевского р-на Волинской обл.), Устилуг (1150, на правом берегу Западного Буга), Городен Волинский (1183, ныне с. Городок Камень-Каширского р-на Волинской обл.), Каменец (1196, ныне г. Камень-Каширский на р. Цире, притоке Припяти), Рай (Райгород) (1248, ныне с. Яревище Старовижновского р-на Волинской обл.), Мельница (середина XIII ст., ныне с. Мельница Ковельского р-на) и Любомль (1287).

Погоринские земли П. Толочко также однозначно относит к коренным киевским землям. Согласиться и с этим трудно. В 1149 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, бывший в это время и сюзереном Волини, создал в Погоринье Пересопницкий удел для своего дяди Вячеслава Владимировича. Этот удел включал и Дорогобуж, который со времен Давида Игоревича принадлежал к волинским землям. Потеряв Киев, 2 августа 1149 г. Изяслав Мстиславич отступил на Волинь, где успешной обороной Шумска и Луцка добился компромиссного мира, по которому в 1150 г. Юрий Долгорукий признал границу Волинской земли до р. Горыни²². Поэтому, когда Юрий впоследствии нарушил эту договоренность и посадил в Пересопнице сына Глеба, Изяслав Мстиславич захватил неожиданно Глеба в Пересопнице и заявил ему: *«пойди же, брате, к отцу своему, а то волость моего и моя по Горыню»*²³.

На этом основании М. Грушевский сделал вывод, что Погоринье было волинской волостью. Возражая ему, П. Толочко выдвинул предположение, что Изяслав Мстиславич будто бы продолжал считать

себя не столько волынским, сколько киевским князем²⁴. Но киевский князь никогда не назвал бы пересопницкого князя братом и вообще не вел бы разговоров о каких-то границах на Горыни.

В 1156 г. Дорогобужскую волость получил Владимир Андреевич. Используя свои родственные связи с Ольговичами, пребывая в тесных контактах с галицкими князьями этот князь до своей смерти в 1170 г. проводил совершенно самостоятельную политику, враждебную по отношению к остальным волынским князьям, но скорее не потому, что считал себя верным киевским вассалом, а из-за того, что претендовал на всю Волынскую землю, которой когда-то владел его отец Андрей Владимирович. Похожую политику пробовал проводить его преемник князь Владимир Мстиславич, который пытался также бороться за киевский престол. После 1174 р. Ярослав Мстиславич вернул Дорогобужскую волость в состав Волынской земли.

От Тихомля границу прикрывал Погоринский узел обороны – города Пересопницкого княжества: Зареческ (1106, возле с. Листвин Дубновского р-на), Пересопница (1149, на р. Стубле, притоке Горыни, ныне село Ровненского р-на), Чемерин (1149, на р. Олике, позднее г. Олика), Стожок (1251, с. Стижок Шумского р-на), Данилов (1260, вблизи Стожка) - и Дорогобужского княжества: Дорогобуж (1084, ныне с. Дорогобуж Гощанского р-на Ривненской обл.), Острог (1100, на левом берегу р. Вилии), Корческ (Корец) (1150, на берегу р. Корчик, притока Случи, в 1155 г. был уступлен Юрию Долгорукому, а после 1174 г. вместе с другими городами Дорогобужского княжества возвращен в состав Волыни), Милеск (Мильск) (1150, на р. Горынь, ныне с. Бугрин Гощанского р-на Ривненской обл.), Куниль (1150, где-то на р. Случи), Гольско (Гульск) (1150, ныне с. Гульск Новоград-Волынского р-на Житомирской обл.), Сапогинь (Сапожин) (1151, на р. Случ, ныне с. Сапожин Корецкого р-на), Семич (Симоць, Семань) (1152, на р. Случ выше Возвягеля – теперь Новоград-Волынска), Выгошев (1152, на правом берегу Горыни, ныне г. Гоща), Возвягель (1157, ныне г. Новоград-Волынский).

Восточная граница Волыни с Киевской землей лежала вдоль правобережья Горыни. С конца XII в. Корецкий узел обороны окончательно был закреплен за волынскими князьями. Вместе с Корцом сюда входили Сапогинь, Куниль и Гольско. После походов Ярослава Изяславича в 1173-1174 гг. пограничной рекой стал Случ.

На черте водораздела бассейнов Припяти, Днестра, Южного Буга и Днестра, между Киевской, Галицкой и Волынской землями лежала так называемая Болоховская земля, которая на юге граничила с половецкой степью. Это была густозаселенная территория. Население, исходя из археологического материала, было потомками древлян, полян

и, наверное, уличей. На протяжении X-XII вв. болоховскими городами владел Киев. В XII в. здесь временами возникали особые княжества, зависимые непосредственно от киевского князя. В начале XIII в. галицко-волинский князь Роман Мстиславич передал эти земли сюзерену Волыни – луцкому князю Ингварю Ярославичу, потомки которого в сложных условиях первой половины XIII в. сохранили за собой эту территорию. Один из этих князей – Борис, который упоминается в Меджибоже под 1234 г.²⁵, – брат или сын Ярослава Ингваревича²⁶. Проблема Болоховской земли и болоховских князей имеет солидную литературу²⁷. Болоховская земля была заполнена густой сеткой городов, археологическое исследование которых только начинается: Котельнич (1143, на р. Гуйве, притоке Тетерева, теперь с. Котельница), Меджибож (1146, при впадении р. Бужка в Южный Буг), Болохов (1150, в центре между верховьями Южного Буга, Горыни, Случи и Тетерева, теперь г. Любар), Мунарев (1150, вблизи Болохова), Божеский (1152, в верховьях Южного Буга), Шеломница (1159, вблизи Котельница), Полоний (1169, при впадении р. Хоморы, левого притока Случи, ныне г. Полонное Хмельницкой обл.; мощная крепость, выдержавшая в мае 1169 г. 17-дневную осаду половецкого войска и оборонившаяся от половцев в 1171-1172 гг.), Микулин Волинский (1169, с. Микулин Гошанского р-на Ривненской обл.), Межимостье (1170), Колодяжин (1240, на р. Случ, для его взятия монголы вынуждены были сосредоточить тяжелую метательную артиллерию), Кудин (1241, на р. Иква), Губин (1241, в верхнем течении Случи), Кобуд (1241), Городок Болоховский (1241), Дядьков (1241), Деревич (1241, в верхнем течении Случи, ныне с. Великие Деревичи). Большинство болоховских городов было уничтожено в ходе карательных экспедиций галицких князей Шварна и Льва Даниловичей в 1254-1257 гг., когда король Даниил Романович пытался сбросить ордынское иго и восстановить единую Русь. Болоховские князья, чьи владения непосредственно граничили с ордынской степью, и которые как потомки Ингваревичей, вытесненных из Луцка и других центров Восточной Волыни Романовичами, имели основание не любить последних, стали вассалами ордынского эмира Куремсы и не желали подчиняться королю Даниилу²⁸.

На севере в черте Владимирской, Луцкой и Пересопницкой волостей естественной северной границей были массивы болот на правом берегу Припяти, которые когда-то разделяли земли волинских племен от земель дреговичей. Дреговичи носили крупные металлические бусы, покрытые зернью, которые на территориях других племен практически не встречаются²⁹. За Чорторийск в первой трети XIII в. (1227 г.) волинские князья соперничали с пинскими князьями (остатки пограничных замков в этом районе находятся возле с. Городок и в

районе с. Староселье Маневицкого р-на; в Степани, впервые упомянутой под 1292 г., сидел вассал дубровицких князей). Граница здесь проходила где-то в районе впадения Стублы в Горынь. С середины XIII в. турово-пинские князья стали вассалами сюзеренов Галицко-Волынского государства.

В середине XII в., претендуя на киевский престол, волыньские князья стали добиваться волостей в Киевской земле. Особо важное значение имело Поросье, заселенное черными клобуками, чья конница в междуусобных войнах играла заметную роль. В 1159 г. Мстислав Изяславич получил Белгородское и Торчешское княжества. В Торчешке сидел его посадник Вышко³⁰. С этого времени волыньские князья пытались удержать за собой поросские волости. В конце XII в. это делал Роман Мстиславич, а в 1230-х гг. – его сын Даниил, отдавший потом Торчешек своему тестю Мстиславу Удалому, а по смерти последнего – его сыновьям. Волыньский вассал поросский князь Юрий упомянут под 1289 г.³¹ Эти территории, наверное, принадлежали Галицко-Волыньскому государству до похода Тохты против Ногая в 1300 г.

Киевская земля полностью перешла к Даниилу Романовичу в 1240 г., но вскоре случился Батыев погром. Попытки Даниила Романовича (до поездки в Орду) вернуть себе Киев были неудачными. Также неудачными, вероятно, были эти попытки в ходе войны 1254 и 1258 гг.

Вероятно, это сумел сделать только Лев Данилович при помощи Ногая в 1270-1290-х гг. Случилось это, вероятно, между 1292-1298 гг. Поросский князь Юрий в 1289 г. упоминается как вассал волыньского князя Мстислава Даниловича³². Точная дата смерти Мстислава Даниловича неизвестна, но случилось это после 1292 г.³³ и до смерти Льва Даниловича, ибо его сын Юрий без проблем принял королевский титул и унаследовал объединенное государство. *Rex Rusiae dux Ladimerie* в титуле короля Юрия не означает, что Волынь была присоединена позже, как допускает Д. Домбровский³⁴, а отображает объединенный характер Галицко-Волыньского государства³⁵. Единственный сын Мстислава Даниил умер до 1288 г.³⁶ Что касается гипотезы о существовании младшего сына Мстислава Даниловича или его внука Владимира (некоторые считают его сыном Юрия Львовича), то она, очевидно, ошибочна³⁷. Естественно, что Киев мог получить только Лев Данилович как верный соратник Ногая, при помощи этого могущественного улусбека. Период между 1292 и 1298 гг. как раз был пиком могущества Ногая.

Киевский удел находился в составе Галицко-Волыньского государства (возможно, с вассальными князьями в Овруче – потомками Владимира Рюриковича) до 1300 г., когда Киев в ходе войны хана Тохты против Ногая получила путивльская династия в лице князя Володи-

мира-Ивана Ивановича³⁸. В «Книге знаний», известной по трем манускриптам и датированной около 1350 г., где описаны путешествия кастильского монаха-францисканца, за Польшей закреплено «королевство Льва», в состав которого входил Киев, и изображено его знамя – зеленое полотнище с красным крестом³⁹.

Упоминается еще переяславский князь Иван Дмитрович из северской династии, наверное, тоже получивший это княжество в 1300 г. во время войны Тохты с Ногаем и его потомками. Следующий переяславский князь Олег погиб в битве на р. Ирпень около 1323 г. как вассал или союзник киевского князя. Возможно, что Переяслав, как и Киев, тоже около 1292/1298-1300 гг. входил в состав Галицко-Волынского государства. Переяславское княжество было восстановлено Тохтой, воевавшим и против Галицко-Волынского государства как вассала Ногая.

Западная граница Галицкой земли с польскими княжествами от Любачева пересекала р. Вепр и проходила в 15-30 км на запад от Вепра, далее в юго-западном направлении через реки Сан и Вислок до р. Яселки в Карпатах, где она смыкалась с венгерскими границами. Эта граница была настолько стабильной, что оставалась неизменной до 1772 г., отделяя земли Русского воеводства от воеводств Краковского и Люблинского⁴⁰.

Граница с Венгрией в этом районе проходила вдоль Карпатской линии обороны от Дукельского и Лубковского перевалов через Спас, Окоп на вершине Магуры, Грозевую, Тустань, Синевидско и Тухольские ворота⁴¹. Границы в Карпатах окончательно сформировались в конце XII в. Еще в середине XII в. Вышково, Королево, Севлюш (ныне Виноградово) были пограничными замками Венгерского королевства. Замок Хуст был воздвигнут для защиты Марамороша в 1191 г., что было результатом продвижения венгров далее на правый берег Тисы и оттеснения галицких границ к Яблуновскому перевалу⁴².

Галицкая земля состояла из двух частей: Перемышльско-Звенигородской (эти две волости в середине XII в. слились) и Галицко-Теребовлянской.

Перемышльское княжество, границы которого частично восстанавливаются по границам Перемышльской епископии, с середины XII в. включало следующие города: Перемышль (981), Звенигород на Белке (1086, ныне с. Звенигород Пустомитовского р-на), Сянок (1150), Удеч (Зудеч) (1164, ныне г. Жидачев), Городок (1213, ныне г. Городок Львовской обл.), Ярослав (1231), Вишня (1231, ныне г. Судовая Вишня Львовской обл.), Голые Горы (1231, с. Гологоры Золочевского р-на Львовской обл.), Синевидско (1241, ныне Верхнее Синевидное Сколиковского р-на), Спас (середина XIII в., Старосамборский р-н), Соль

(1255, Старая Соль Старосамборского р-на), Львов (1256, на р. Полтве на границе Перемышльского и Белзского княжеств, столица Галицко-Волынского государства с конца XIII в.⁴³), Дроговиж (1356, ныне село Николаевского р-на), Старый Самбор (XIII в.), Тустань (1340), Тухля (1387, ныне с. Тухля Сколиковского р-на). Наверное, в это время существовали также Сколе и Славско, по крайней мере, как села.

В Галицко-Теребовельской части были города Теребовля (1097), Галич (1138), Звенигород на Днестре (1142, на правом берегу Днестра между гирлами притоков Днестра Серета и Збруча), Микулин Галицкий (1142, на левом берегу Серета), Ушица (1144, при впадении р. Ушицы в Днестр), Снятин (1158), Кучелмин (1159, левый берег р. Каютин, притока Днестра, между с. Непоротовым и с. Комачинцы Сокирянского р-на Черновицкой обл.), Збараж (1211), Маклаков Галицкий (1211, возле Теребовля), Товмач (1213, ныне г. Тлумач на р. Тлумачик), Плав (1213, Перебиновское городище Хотинского р-на), Онут (1213, село Заставнянского р-на Черновицкой обл.), Василев (1229, на правом берегу Днестра напротив устья Серета), Коломыя (1240), Бакота (1240), Калюс (Калиус) (1242, на Днестре около Кучелмина), Хотин (XIII ст.), Городок на Черемоше и Черн (1408, ныне г. Черновцы).

Линия обороны на Среднем Днестре была одновременно и базой при освоении междуречья Днестра и Прута и Днестровского Понизья. Сначала эти территории управлялись из Звенигорода на Днестре, где сидел князь Иван Ростиславич Берладник, а потом их центр переместился в Берладь. Днестровско-Берладская волость тянулась до Дуная. Сюда входили такие города, как Берладь (1159, на р. Бырлад (укр. Бирлад), левом притоке Сирета (Серета) - левого притока Дуная), Ясский Торг (ныне г. Яссы в Румынии), Романов Торг, Малый Галич (ныне г. Галац в Румынии), Белгород (ныне г. Белгород-Днестровский), Сучава, Килия, Дичин, Немет. После смерти Романа Мстиславича в ходе борьбы за галицкое наследство значительная часть этих земель была потеряна⁴⁴. Кроме известного «Списка русских городов дальних и ближних»⁴⁵ существует грамота князя Ивана Ростиславича месемврийским купцам от 20 мая 1134 г., где упоминаются его владения в Понизье Днестра и Дуная, в числе которых Малый Галич (Галац), Берладь и Текуч⁴⁶.

Вокруг этой грамоты длительное время идет дискуссия. Подлинность грамоты признавали П. Голубовский⁴⁷, М. Дашкевич⁴⁸, М. Грушевский⁴⁹, В. Пашуто⁵⁰, А. Насонов⁵¹, М. Левченко⁵², А. Фроловский⁵³, А. Зимин⁵⁴, В. Потин⁵⁵, М. Браичевский⁵⁶, Р. Рабинович⁵⁷, Л. Войтович⁵⁸ и А. Майоров⁵⁹. Против этого выступали, считая грамоту поддельной, И. Богдан⁶⁰, А. Соболевский⁶¹, П. Панаитеску⁶², М. Мохов⁶³, Н. Котляр⁶⁴, П. Павлов⁶⁵, В. Спинея⁶⁶, С. Каштанов⁶⁷,

Б. Перхавко⁶⁸. Как верно указал Р.А. Рабинович, все противники подлинности грамоты, начиная с И. Богдана, исходили из постулата, что звенигородский князь Иван Ростиславич не мог владеть Берладью и Понизьем Днестра и Прута⁶⁹.

Но этот постулат легко опровергается. Грамоту впервые ввел в научный оборот известный молдавский историк и филолог-славист Богдан Петричейку Хашдеу (1836-1907). Оригинал и начальная копия грамоты потеряны еще в XIX в. Противнику подлинности грамоты известному лингвисту А. Соболевскому удалось доказать только то, что текст грамоты написан в XIV-XV вв. в орфографических и лингвистических традициях молдавских и болгарских документов этого времени⁷⁰. Не принимая во внимание, что молдавские и болгарские грамоты более раннего времени неизвестны, можно утверждать только то, что к Б.П. Хашдеу мог попасть список с грамоты, изготовленный в XIV-XV вв., либо же фальсификация, изготовленная в этот период, при фабрикации которой были использованы подлинные источники и известия. Сложно предположить, что молдавский книжник в XIV-XV вв. мог подобное сам придумать. Необходимость переписки грамоты в «молдавские» времена была вызвана стремлением продлить традицию торговых льгот для отдельных городов, как верно заметил Р. Рабинович⁷¹.

Наиболее уязвимым местом грамоты противники ее подлинности считают выражение «*князь Берладский от стола Галичского*». Если считать Ивана Ростиславича звенигородским князем, столица которого находилась в Звенигороде на Белке, на территории Володаревичей, то это выражение действительно выглядит лишеным смысла. Но существовало несколько Звенигородов именно в Теробовельском княжестве, которым владел отец Ивана Ростиславича Ростислав-Григорий Василькович.

Л. Махновец считал, что столицей первого удела Ивана Берладника мог быть Звенигород на левому берегу Стрипы, левого притока Днестра, городище которого сохранилось возле современного с. Звенигород Бучацкого р-на Тернопольской области, либо же Звенигород на левому берегу Днестра – правом берегу реки Дзвенячки (городище которого сохранилось вблизи нынешнего с. Дзвенигорода Борщивского р-на Тернопольской обл.)⁷²

В том же районе между впадениями Серета и Збруча, немного ближе к первому, на высоком мысе на окраине с. Бильче-Золотое того же Борщивского р-на находится большое городище XI-XIII вв., возле которого были селище (уничтоженное котлованом) и могильник. С напольной стороны городище полукругом защищено тремя рядами валов и рвов. Здесь найдены энколпион с изображением четырех

евангелистов по углам, бронзовый браслет, застежка, серебряная пряжка, много железных ножей, топоров и наконечников стрел, два кусочка стеклянных браслетов, куски посуды. Следует заметить, что отдельные раскопки здесь не производились, только были сделаны разведочные шурфы⁷³.

Еще один Звенигород, согласно легенде, находился за Збручем на городище в урочище Княжое Замчиско вблизи с. Гольницева Чемеровецкого р-на Хмельницкой области. Валы городища сохранились на высоте 6 м, часть урочища носит название Дивеча (Девичье), и там, согласно преданиям, был женский монастырь.

В каком Звенигороде была столица удела князя Ивана Берладника? Исходя из описания боевых действий 1144 г.⁷⁴, когда киевское и галицкое войска двигались к Звенигороду, идя разными берегами Серета и стали возле города, будучи разделенными рекой⁷⁵ (что сразу исключает Звенигород на Белке, находящийся ныне в Пустомитовском р-не Львовской обл.), этот город находился ближе к впадению Серета в Днестр. Поэтому речь могла идти о городище возле с. Бильче-Золотое Борщивского р-на или о городище на высокой горе возле с. Дзвенячка этого же района. Городище возле с. Дзвенячка, где обнаружены материалы IX в., могло быть более ранним городом, перенесенным в XI-XII вв. на городище возле с. Бильча-Золота. Размеры этого городища и находки на нем во время обычных археологических разведок позволяют размещать именно здесь столицу удела Ивана Берладника.

Ростислав-Григорий Василькович умер между 1127-1141 гг., ближе к первой дате; его брат Игорь-Иван Василькович – в 1141 г.⁷⁶ Теребовельский князь мог выделить своему сыну удел с центром в Звенигороде на Днестре, куда вошло все Понизье Днестра и Прута до Дуная. После смерти брата Ростислава Игорь присоединил его часть, а звенигородский князь остался его вассалом (отсюда и формула *«князь Берладский от стола Галицкого»*). Даже если бы грамота от 20 мая 1134 г. была датирована 1144 г., как предполагал М. Грушевский (что более чем сомнительно), то это бы могло значить только, что после захвата Владимирком наследства Игоря Васильковича его племянник оставался вассалом теперь уже князя всей Галицкой земли.

Из новейших комментаторов памятника заслуживает внимания мнение Г. Литаврина, который, не соглашаясь с М. Бибиковым, обосновал вывод, что область в междуречье Днестра и Сирета и Нижнее Подунавье были воротами между морем и Карпатами, через которые в XI-XII вв. кочевники проникали на Балканы. Не имея достаточно сил, чтобы занять этот район, Византия не возражала против его захвата сильным галицким князем, выделяя отношения с ним отдельно от отношений с Киевом⁷⁷. Об этом свидетельствуют и тесный союз

Византии с Галицким княжеством в середине XII в., и восстановление этого союза во времена Романа Мстиславича⁷⁸.

В 1164 г. война Венгрии и Византии окончилась миром. За условиями этого мира наследник венгерского престола Бела прибыл в Константинополь как почетный заложник. Василевс Мануил Комнин сразу же обручил с ним свою единственную дочь Марию. Появилась идея византийско-венгерской унии, ставшая определенной угрозой для Галицкого княжества. Поэтому Ярослав Владимирович, не задумываясь, поддержал претендента на византийскую корону - брата василевса Андроника Комнина. В 1164 г. Андроник бежал из Византии, «...и только он достиг границы Галицкой земли, где рассчитывал найти пристанище, как попал в ловушку некоторых охотников народу волохов», которые чуть не передали его византийским властям. Но Андронику удалось добраться до галицкого князя. Позже, в память о своем пребывании в Галицкой земле, Андроник украсил росписями палату, построенную ним в Константинополе возле храма Сорока мучеников⁷⁹. Андроник Комнин был сыном Исаака Комнина и Ирины Володаревны и не только владел языком, но и полюбил землю матери⁸⁰.

Уже в 1165 г. василевс Мануил прислал в Галич двух митрополитов, предложивших Андронику в управление Киликию. Князь Ярослав Владимирович послал с византийскими послами галицкого епископа Кузьму. Посольство получило гарантии безопасности для Андроника Комнина и подтвердило союз с Византией⁸¹. Следствием этой поездки было также расширение владений русского монастыря на Афоне в 1169 г.⁸², а также упоминание Руси в византийско-генуэзском договоре 1169 г.⁸³ Евстафий Солунский упоминает о частых посольствах галицкого князя к василевсу Мануилу⁸⁴. «Скифская конница», принимавшая участие в несчастливой битве с сельджукским султаном Килидж-Арсланом II при Мириокефалоне 17 сентября 1176 г.⁸⁵, была, наверное, галицкого происхождения⁸⁶. Византия рассматривала галицкого князя как *hypospondos*, что по византийской вселенской терминологии приравнивалось к давнему – союзный Риму народ – *socii populi Romani*. Интересно, что больше свидетельств византийских авторов относится к Галицкому княжеству, князь которого временами противопоставляется князю Киева и рассматривается как полностью самостоятельный⁸⁷. Возможно, что именно с этих времен тесных связей с Византией осталось граффити в Константинополе на мраморной балюстраде хоров собора Св. Софии: «Матфѣй попь галичський»⁸⁸.

В этот период галицкий князь реально был сильнейшим среди князей Руси. Его княжество, кроме всего, не было раздроблено на уделы. Варфоломей Английский (XIII в.) вообще отождествлял Галицкую

землю со всей Русью: *«Галиция очень обширная область, которая охватывает большую часть Европы, очень богатая, некоторыми она называется Русью»*⁸⁹.

Виднейший географ XII в. Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед ал-Идриси (1100-1165) в своей географической энциклопедии «Развлечения утомленного в путешествиях по областях», написанной при дворе сицилийского короля Рожера II (1130-1154), в стране ар-Русийя в числе восьми известных ему городов называет Рамисли [Перемышль] и Галисийа [Галич]⁹⁰. Еще А. Петрушевич, исходя из описания сицилийского географа, отождествил Галисийа ал-Идриси с Галичем на Дунае (Галацем)⁹¹.

Территория Нижнего Подунавья, Поднестровья и Попрутья как часть Руси упоминается и в таком интересном памятнике, как «Список русских городов дальних и ближних»⁹². Первичный вариант этого списка был составлен еще в начале XIII в., а окончательный вариант памятника сформировался в 1375-1381 гг.⁹³ (но не позже 1409 г.)⁹⁴. Здесь помещены такие города, как Дичин, Килия, Белгород, Яский Торг, Романов Торг, Немеч, Сучава, Серет и другие. Дичин (Дцин) как город, куда отошли берладники после нападения на Олешье, упомянут в Ипатьевской летописи⁹⁵. Как Дисина этот город упомянут ал-Идриси⁹⁶ (спор вокруг некоторых расхождений источника успешно, на мой взгляд, решен А. Плахониным⁹⁷). Яский Торг, упомянутый впервые под 1412 г. в валашской грамоте и у польского хрониста Я. Длугоша, связан с аланами-яссами, появившимися в этом регионе из середины XIII в. после похода Бату⁹⁸. Ныне это г. Яссы в Румынии.

В последнее время, после появления работы Э. Кинана⁹⁹ и публикации давно написанного исследования А.А. Зимина¹⁰⁰, с новой силой развернулись дискуссии вокруг доверия к «Слову о полку Игореве» как подлинному памятнику, т. е. историческому источнику¹⁰¹. Эдвард Кинан считает автором «Слова» чешского слависта Йозефа Добровского (1753-1829), а А.А. Зимин – Иоиля Быховского (1726 – после 1797), бывшего архимандрита Спасоярославского монастыря, где было найдено «Слово». Подобно своим предшественникам (К. Тросту, М. Хендлеру и А. Айтцетмюллеру), оба в основном опирались на лингвистические аргументы, при этом не владея знаниями из специфики языка XII–XIV вв. Э. Кинан добавил сюда еще несколько веселых аргументов, вроде того, что Ярослав Осмомысл не знал значения слова «султан», а поэтому стрелял из альтаны. Что касается большого наследственной болезнью Пертеса галицкого князя Ярослава Осмомысла, то он вообще не мог стрелять из лука, так как стрельба из лука требует упора обоих ног. Но титул «султан» в Галиче знали: русские дружины были участниками битвы при Манцикерте в 1071 г. против

сельджукского султана Арп-Арслана III; с этого времени сельджукские султаны постоянно окружали византийские владения и были участниками черноморской торговли, как и Галицкое княжество; Андроник Комнин, нашедший убежище при дворе Ярослава Осмомысла, до этого пребывал при дворах сельджукских султанов; этот титул использовали даже половцы, в словаре начала XIV в. он употреблялся именно в версии «солтан»¹⁰².

После блестящих работ А. Зализняка¹⁰³ период свободных вариаций с лингвистическими аргументами закончился¹⁰⁴. Российский лингвист, много лет издающий и исследующий новгородские берестяные грамоты с живым языком XII-XIII вв., детально анализируя не столько лексику, сколько грамматическое построение и грамматическую систему «Слова», пришел к выводу, что этот памятник не может быть подделкой, ибо написан строго в соответствии с правилами языка XII – начала XIII в. В книге детально рассмотрены лингвистические аргументы за и против подлинности «Слова о полку Игореве», отдельные «темные места» памятника, произведен критический обзор лингвистических работ противников подлинности «Слова». А.А. Зализняк убедительно продемонстрировал на конкретных примерах, что любому фальсификатору пришлось бы учитывать сотни различных моментов орфографического, морфологического, диалектного характера, что просто не под силу одному человеку¹⁰⁵.

В своих репликах к этой дискуссии я обратил внимание на несколько моментов, о которых не могли знать никакие фальсификаторы в XVIII в. (наличие в с. Харалуг возле Корца на Волыни крицы, пригодной для изготовления мечей, тогда как на территории Руси мечей собственного производства не найдено и кроме харалужных мечей, упомянутых в «Слове», для производства мечей просто не было болотной руды соответствующего качества; неоднозначность этимологии названия Харалуг, что не позволяет утверждать ее позднее происхождение; особенности конструкций латинских шоломов (шлемов), на что мог обратить внимание только современник - воин-профессионал, а не чернец спустя пять столетий; хорошее знакомство с топографией летописного Плиснеска)¹⁰⁶. Таким образом, на нынешнем этапе нет никаких оснований отбрасывать свидетельства «Слова» как нарративного источника конца XII в.

О галицком князе автор «Слова» написал: «Галичкыи Осмомысл Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златоконаннемъ столѣ... Грозы твоя по землямъ текуть отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтъани за землями...»

«По Дунаю грады укрепил, купцями населил, торгующими чрез море во Греки...» – результаты деятельности Ярослава в Нижнем По-

днестровье и Подунавье. Тогда, вероятно, и расцвели такие города, как Малый Галич (ныне Галац) недалеко от впадения Сирета в Дунай, упомянутые в числе «городов дальних и ближних».

В 1185 г. погиб василевс Андроник¹⁰⁷. Галицкий князь отреагировал посольством, о котором упоминает Никита Хониат¹⁰⁸. Отношения между обеими странами резко ухудшились. Весной 1186 г. братья Петро и Асень подняли восстание в Болгарии, которая оставалась византийской провинцией. После первых неудач болгарские вожди отступили за Дунай, а весной 1187 г. продолжили борьбу. С ними пришли *«куманы, народ до сих пор свободный, негостеприимный и очень воинственный, и те, что происходят из Вордоны, которые смеются из смерти, ветвь русских, народ, милый богу войны»*. «Вордона» может быть искаженным названием «бродников»¹⁰⁹ либо «Берлады», и тогда это прямое доказательство помощи болгарам со стороны галицкого князя. Возможно, что сам галицкий князь подтолкнул болгарских сепаратистов после гибели Андроника Комнина.

Детально анализируя аргументы противников мнения Ф. Успенского, в частности, греческого историка Ф. Малингудиса, считающих, что болгарским повстанцам помогали исключительно куманы-половцы, известный российский византист Г. Литаврин пришел к окончательному выводу, что *«осенью 1186 г. в критический момент развития восстания ... военную поддержку восставшим вместе с половцами оказали русские»*¹¹⁰.

Новый василевс Исаак Ангел сразу же решил подавить восстание болгар с двух сторон. Союз с Венгрией был скреплен свадьбой василевса с юной Маргаритой, дочерью короля Белы III. Венгерский король занял враждебную позицию в отношении болгарских повстанцев и их союзников. Но ему не удалось ударить в спину восставшим. Князь Ярослав Владимирович *«подпер горы Угорьские своими железными плъки, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота»*¹¹¹.

О принадлежности этих территорий Галицкому княжеству свидетельствует и ряд других аргументов, в частности, топонимических¹¹², а также включение армянских приходов в Серете (Сирете), Сочаве (Сучаве) и Молдове во Львовскую армянскую епископию в кондаке от 13 августа 1388 г. католикоса Теодороса II, с упоминанием о Льво-ве как *«наиблагословеннейшей, охраняемой Богом столице, славной матери городов христианских королей»*, что отображает времена Галицко-Волынского государства¹¹³.

С начала формирования ордынского государства в Причерноморье был создан мощный улус, состоявший из нескольких меньших. Этот улус получил зять Батья – Мауци¹¹⁴. Наверное, первые улусбеки до-вольствовались привольными степями, а в городах сидели только их

баскаки и наместники. Баскак Коренцы эмира Мауци, боярин Митяй сидел в Бакоте, его вассалами были и болоховские князья. Ситуация изменилась, когда улус перешел к оглану (царевичу) Ногаю. После успешного похода на Константинополь в 1264 г. он получил еще и Крым. Ставка его находилась на Нижнем Дунае в г. Исакчи¹¹⁵. Зависимость от Ногая признали болгарские Тырновское царство, Видинское и Браничевское княжества, а с 1292 г. и король Сербии. Где-то до начала 1270-х гг. Ногай подчинил себе все правобережье Украины. Князь Лев Данилович стал его вассалом и с помощью Ногая приструнил как своих братьев, так и соседей. При Ногае все Понижье Днестра и Прута постепенно стало ордынским. При нем все Причерноморье от Дуная до Дона покрылось сетью ордынских городов. Их остатки только начали исследовать археологи: Кучугуровское городище в 30 км на юг от Запорожья (возможно, Мамаев Старый), Тавань (в XV в. здесь великий князь литовский Витовт Кейстутович построил таможеню), Конское городище на правом берегу р. Конки, городище возле р. Самари, Хаджибей (ныне Одесса). Но особенно большой подъем в это время пережил Белгород, находящийся на месте древнего греческого полиса Тира (в X в. упоминается как византийская крепость Маврокастрон¹¹⁶). То, что Белгород поставлен рядом с другими городами Днестровско-Берладской волости в «Списке русских городов дальних и ближних»¹¹⁷, позволяет допускать, что в XII – начале XIII в. (а может, и немногим дольше) город с округой входил в состав Галицкого, а с 1199 г. – Галицко-Волынского государства. Если бы в 1185–1187 гг. устье Днестра принадлежало Византии, то отсюда она могла бы помешать союзникам восставших болгар под руководством Петра и Асеня. Часть рати галицкого князя Мстислава Мстиславича Удалого в 1223 г. на соединение с другими войсками на Днепре шла речным путем, спустившись по Днестру. Если этот путь контролировался византийцами, то эта экспедиция выглядит совсем непонятной. Проще было бы двигаться с основным войском. Но галицкий князь собрал рать «выгонцев галицких» воевод Юрия Домажирича и Держикрая Володиславича именно в этой волости, наверное, сняв часть гарнизонов, которые в условиях, когда половцы стали союзниками, временно можно было ослабить.

Касательно существования самого города на протяжении XII–XIII вв. сомнений нет. Город как Аклиба («Ак» – «белый») приведен на карте ал-Идриси¹¹⁸ и в византийских источниках (Маврокастро, Монкастро)¹¹⁹. Археологический материал XII в. незначительный и целиком происходит из шаров, нарушенных строительством конца XIII в., когда город переживал подъем, интенсивно застраивался и перестраивался. Характер этого строительства и найденные материалы

не оставляют сомнений касательно его сходства с другими ордынскими полиэтничными городами¹²⁰. Правда, в городе присутствовало славянское население и большинство находок оружия или его элементов - русского происхождения¹²¹. Ордынские монеты, найденные в городе, массово появляются с эпохи хана Узбека (1313-1339). На портоланах Марино Сануда (1321)¹²², Пицигани (начало 1330-х)¹²³ и Весконтe (1327)¹²⁴ город Маврокастро изображен со знаменем, на котором джучидская тамга и полумесяц. Можно допустить, что процесс перехода города под прямое ордынское владычество начался во времена Ногая и завершился при Узбеке. Он был недолгим, ибо с середины XIV в. город перешел к генуэзцам, от них – к Молдавскому княжеству, а потом к туркам.

Наверное, не только Белгород, но и другие города Днестровско-Берладской волости постепенно переходили под прямое ордынское правление. Возможно, что определенное время сохранялась двойная подчиненность, а некоторые части этой волости оставались в составе Галицко-Волынского государства до начала XIV в. Так, такой достаточно правдивый источник, как «Flos historiarum Terrae Orientis», гласит: *«Русь – огромная страна, граничит с Грецией, Болгарией; эта страна ... теперь платит дань татарам, а князем ее Лев»*¹²⁵.

Пребывание отдельных князей на Закарпатье определенно помогло сохранению частичной автономии в этих землях прежних хорватских княжеств и даже тенденций к объединению с Галицко-Волынским королевством. Черниговский князь Ростислав Михайлович, претендовавший на галицкий престол, около 1244 г. женился на Анне, дочери венгерского короля Бела IV. Вначале он получил замок Физер в Земплине с селами Вишнево и Орехово, а потом Земплинскую и Берегскую жупы, а, возможно, и всю прежнюю Русскую марку, где набрал дружину, принявшую участие в битве под Ярославом (1245 г.). После договора с Даниилом Романовичем в 1251 г. Бела IV перевел зятя в Мачву, декларируя таким образом его отказ от борьбы за галицкую корону¹²⁶.

Были догадки, что Лев Данилович получил Закарпатье как приданое за женой Констанцией и уже с 1251 г. владел, по крайней мере, жупой Берег. Эта проблема остается дискуссионной. Но в 1271 г. король Стефан V издал привилегий городу Ломпертсасу (Берегову), что являлось бы нарушением прав сюзерена, если бы жупа Берег принадлежала к тому времени Льву Даниловичу. 1 августа 1272 г. умер Стефан V, и претендентом на венгерский престол, кроме его десятилетнего сына Ласло, выступил еще Бела, сын Ростислава Михайловича, при поддержке свояка, чешского короля Пшемисла II Оттокара. Бела погиб осенью 1272 г.¹²⁷ В конце 1273 – в начале 1274 г. в Опаве с Пше-

мыслом II Оттокараром встретился краковский князь Болеслав Стыдливый и заключил с чехами союзнический договор¹²⁸. К этому договору, по мнению польского исследователя Д. Домбровского, присоединился и шурин Болеслава, галицкий князь Лев Данилович¹²⁹. Польский историк обратил внимание на письмо чешского короля к краковскому князю, написанное между ноябрем 1270 и ноябрем 1276 г., в котором Пшемьсл II Оттокар просил пропустить ордынское посольство, возвращавшееся из Чехии ко Льву Даниловичу. Характер письма указывает на добрые отношения между правителями¹³⁰. Похоже, что вместе с ордынскими дипломатами во Львов выехало и посольство чешского короля. В 1281 г. Лев Данилович осуществил поход в соседнюю жупу Угочу до Вышкова, что позволяет допускать, что у князя уже были владения за Карпатами. Походы в 1283 и 1285 гг. в Ужанскую жупу (второй раз, с татарами) это подтверждают. По мнению М. Грушевского, галицкому князю удалось завоевать часть Закарпатья во время конфронтации с Ласло IV. В 1291 г. в войне венгров против Австрии галицкие войска уже помогли новому венгерскому королю Андрею III¹³¹. И, наконец, в документе 1299 г. надзупан Бережский Григорий назван «урядником Льва, князя Русского» («Nos Gregorius comes de Beregh officialis Leu ducis Ruthenorum et quotuor iudices nobelium de eodem damus pro memoria»¹³²). Под 1307 г. этот министерал упомянут второй раз¹³³. Понятно, что надзупан Григорий (а не Георгий) не мог быть тождествен князю Юрию Львовичу, как это допускает С. Федака¹³⁴.

Таким образом, можно не сомневаться, что где-то с 1280 г. часть Закарпатья, включая жупу Берег и еще какие-то владения, находилась под сюзеренитетом Галицкого государства. Герб города Ломпертсас (Берегово), бывшего с 1271 г. центром жупы Берег, полностью совпадает со старейшим гербом Львова. Этот герб мог быть дан князем Львом Даниловичем центру своих владений на Закарпатье¹³⁵. Любопытно, что в венгерском документе с 1277 г. указывалось, что лес Кобылы южнее г. Бардиева находится «около засек нашего королевства и королевств Польши и Руси»¹³⁶. А согласно автору «Польско-венгерской хроники», около Солоного града в Словакии сходились границы «между венграми, русинами и поляками»¹³⁷.

Некоторые историки считают, что кроме жупы Берег в состав закарпатских владений галицких королей входили и мараморошские земли с Хустом¹³⁸, но этому нет доказательств. Также нет доказательств версии Юрия Химинца о присоединении территории комитата Спиш к Галицко-Волынскому государству в 1286 г. вследствие восстания в серебряных рудниках, поддержанного местными «русскими магнатами», которое было спровоцировано строительством немецкими коло-

нистами своих храмов и монастырей¹³⁹. Более аргументированно выглядит догадка Михаила Трояна о присоединении в результате похода 1283 г. западной части Закарпатья «от нынешнего Берегова до горы Маковица»¹⁴⁰, ибо из письма короля Карла Роберта следует, что замок Маскк в жупе Шарош до начала 1320-х гг. принадлежал русским князьям¹⁴¹. Но это могло случиться и раньше (судя по документам 1277 г.), и позже (в период борьбы за наследство Арпадов в 1301-1321 гг.) и продолжалось недолго.

В 1301 г. оборвалась династия Арпадов. В борьбе за венгерский престол приняли участие потомки Белы IV по женской линии – неаполитанский принц Карл Роберт, чешский король Вацлав, баварский герцог Отто. Внуком Белы IV был и галицкий король Юрий Львович. Вначале последний не принимал участия в этой борьбе, возможно, из-за женитьбы Карла Роберта на его сестре¹⁴², а позже поддержал герцога Оттона, который через его владения бежал из Трансильвании. Детали борьбы за венгерский престол не совсем ясны. Местная знать и министриалы часто меняли политическую ориентацию. В Розгонской битве (1312 г.) капитан замка Берег Петер и наджупан Ужанский и Земплинский Петро Петуня поддерживали короля Карла Роберта. В 1315 г. Петро Петуня договорился с палатином «русином» Копасом Боршею, чьи владения были между Трансильванией и Дунаем, угочанским жупаном И. Мойшем и другими магнатами. Они подняли восстание в пользу галицкого претендента. Петро Петуня даже ездил во Львов, призывая сыновей Юрия Львовича активнее вмешаться в борьбу. Восставшие добились ряда побед в 1316-1317 гг. Но в 1317 г. Копас был разбит под Дебреценом, Петуня постепенно терял замок за замком и до начала 1320-х был вытеснен из края. Последним пал Невицкий замок под Ужгородом. Владения Петуни получили Другеты, пришедшие с Карлом Робертом из Италии¹⁴³. К этому времени все прежние галицкие владения в этом регионе отошли снова к Венгрии.

Присоединение Люблинской земли произошло в конце XIII в. 30 сентября 1288 г. умер без наследников краковский князь Лешек Черный, и началась борьба за краковский престол, в которой основными претендентами выступили вроцлавский князь Генрих IV Пробус и мазовецкий князь Болеслав II. Лев Данилович поддержал последнего и в июле 1289 г. со своими войсками принял участие в осаде Вавеля¹⁴⁴. В ходе войны он вторгся также во Вроцлавское княжество, принадлежавшее Генриху IV¹⁴⁵. Оттуда в первой половине августа 1289 г. князь выехал в Опаву, где встретился с чешским королем Вацлавом II и подтвердил чешско-галицкий союз¹⁴⁶. На этой встрече присутствовавшие польские князья убедили Льва Даниловича поддержать претензии куявского и серадзского князя Владислава Локетка, с которым был

заключен отдельный договор, скрепленный позже женитьбой Юрия Львовича на сестре Владислава Локетка¹⁴⁷. В это время под стенами Вавеля в конце августа 1289 г. Генриху IV удалось разбить союзные войска¹⁴⁸. Видимо, тогда Лев Данилович сохранил за собой занятую в ходе этого похода Люблинскую землю. Эта земля была возвращена в 1302 г. королем Юрием Львовичем¹⁴⁹.

Таким образом, в конце XIII в. при Льве Даниловиче территория Галицко-Волинского государства имела максимальные размеры, включая Киевскую и Переяславскую земли, значительную часть владений в Нижнем Поднестровье и междуречье Днестра и Прута, владения в Закарпатье и Люблинскую землю. Вассалами галицко-волинских правителей в это время оставались турово-пинские князья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Gebhard L.A.* Geschichte des Königreiches Galizien, Lodomerien und Rotreussen. Pest, 1778; *Hoppe I.A.* Geschichte des Königreiches Galizien und Lodomerien. Wien, 1792; *Engel J.Ch.* Geschichte von Halitsch und Vladimir. Wien, 1792; *Руссов С.* Воляньские записки. СПб., 1809; *Siarczyński F.* Dzieje księstwa niegdyś Przemyskiego // *Czasopism naukowy Biblioteki im. Ossolińskich.* 1828. № 2/3; *Id.* Dzieje niegdyś księstwa Belzkiego i miasta Belza // *Ib.*, 1829. № 2; *Zubrycki D.* Rys do historii narodu ruskiego w Galicji i hierarchii cerkiewnej w temże królestwie. Lwów, 1837; *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галицко-Русского княжества. Ч.1-3. Львов, 1852, 1853, 1855; Его же. История Галицко-Владимирской Руси. Львов, 1863; *Максимович М.* Волянь // *Киевлянин.* 1842; *Смирнов С.* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до воссоединения ея с Польшей 1387 г. М., 1860; *Шараневич И.И.* История Галицкой и Владимирской Руси до 1453 г. Львів, 1863; *Stecki J.T.* Wołyń pod względem stystycznym, historycznym i archeologicznym. Lwów, 1864; *Лонгинов А.В.* Червенские города, исторический очерк, в связи с этнографией и топографией Червонной Руси. Варшава, 1885; *Крижановский Л.* Забужная Русь. СПб., 1885; *Андріяшев А.* Очерк истории Воляньской земли до конца XIV ст. Киев, 1887; *Иванов П.* Исторические судьбы Воляньской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 1. Львів, 1898. С.372-378, 419, 424-425, 488-494, 556-559; Т. 2. Львів, 1905. С. 300-311, 359-504, 560-562, 564-583; Т. 3. Львів, 1905. С. 1-142, 504-536; *Кордуба М.* Суспільні верстви та політичні партії в Галицькому князівстві до половини XIII ст. // *Записки НТШ.* Т. 32. 1899. С.1-42; Его же. Західне пограниччя Галицької держави між Карпатами та долинінм Сяном // *Записки НТШ.* Т. 138/140. 1925. С. 159-245; Его же. Болеслав-Юрій II. Краків, 1940; Его же. Історія Холмщини і Підляшшя. Краків, 1941; *Tomaszowski S.* Die weltpolitische Bedeutung Galiziens. München, 1915; *Томашівський С.* Українська історія. Львів, 1923; *Пащито В.Т.* Очерки по истории Галицко-Воляньской Руси. М., 1950; *Крип'якевич І.П.* Галицко-Воляньське князівство.

Київ, 1984; Вид.2. Львів, 1999; *Ратич О.О., Нудьга Г.Л.* Західноукраїнські землі в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості // Торжество історичної справедливості. Львів, 1968. С. 44-64; *Ісаевич Я.Д.* Загарбання земель Галицько-Волинського князівства іноземними державами // Торжество історичної справедливості. Львів, 1968. С. 74-81; Его же. Територія і населення Червенських градів (X-XIII ст.) // Український історико-географічний збірник. Вип. 1. 1971. С. 71-83; Его же. До питання про західний кордон Київської Русі // Історичні джерела та їх використання. Вип.6. Київ, 1971. С. 83-100; Его же. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX – начало XI в.) // Исследование по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 107-124; Его же. Культура Галицко-Волынской Руси // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 92-107; Его же. Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII-XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 261-275; Его же. «Королевство Галиции и Володимирии» и «Королевство Руси» // Древнейшие государства на территории СССР. Мат. и исслед. 1985 г. М., 1987. С. 62-63; Его же. Галицко-Волынское княжество в конце XIII – начале XIV в. // Там же. 1987 г. М., 1989. С. 71-77; Его же. Галицько-Волинська держава // Історія України: нове бачення. Т. 1. Київ, 1995. С. 95-112; Его же. Галицько-Волинська держава. Львів, 1999; *Кучінко М.М.* Літописні міста Посяння за літописними даними // Український історичний журнал. 1970. № 12. С. 72-83; Его же. Південно-західні межі розселення східних слов'ян у IX-XIII ст. // Український історичний журнал. 1973. № 9. С. 98-105; Его же. Про племінну належність ранньосередньовічного населення Побужжя і Посяння // Археологія. Вип. 16. 1975. С. 77-83; Его же. Средневековые города Побужья в свете летописных и археологических источников // Советское славяноведение. 1978. № 4. С. 22-30; Его же. Историкультурний розвиток Західного Побужжя IX-XIV ст. Луцьк, 1993; Его же. Нариси стародавньої і середньовічної історії Волині. Луцьк, 1994; *Котляр М.Ф.* Данило Галицький. Київ, 1979; Его же. Військова справа у Галицько-Волинській Русі XII-XIII століття // Жовтень. 1984. № 1. С. 95-97; Его же. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985; Его же. Волинська земля: 3 історії складання державної території Київської Русі. Київ, 1985. С. 19-32; Его же. Примарна корона Данила Галицького // Жовтень. 1987. № 7. С. 103-111; Его же. Галицко-Волынская Русь и Византия в XII-XIII вв. (связи реальные и вымышленные) // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 20-33; Его же. Найдавніша повість про Данила Галицького // Київська старовина. 1992. № 1. С. 75-78; Его же. Війна Волинського князівства з Добжинським орденем // Середньовічна Україна. Вип.1. Київ, 1994. С. 17-28; Его же. Дипломатичні відносини Галицько-Волинської Русі з Угорщиною в XIII ст. // Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць. Київ-Галич, 1998. С. 82-87; Его же. Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998; Его же. Данило Галицький. Київ, 2001; Его же. Дипломатія Галицько-Волинської Русі // Нариси з історії дипломатії України. Київ, 2002. С.54-77; Его же. Історія дипломатії Південно-

Західної Русі. Київ, 2002; Его же. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003; *Петегрич В.М.* Из истории экономических и культурных связей Галицко-Волинской Руси в X-XIII вв. // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 151-163; Его же. Початки Белза і Буська та формування їх соціально-топографічної структури в X-XIV ст. // Галичина і Волинь в добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / НАН України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича. Історичні та культурологічні студії. Вип. 3. Львів, 2001. С. 199-210; Его же. Про час виникнення Белза // Белз і Белзьке земля. Науковий збірник. Вип. 1. 2004. С. 18-23; *Купчинський О.А.* Дослідження і публікації грамот Галицько-Волинського князівства у XVIII - першій половині XIX ст. // Київська Русь: культура, традиції. Київ, 1982. С. 129-149; Его же. Из спостережень над розвитком документа та діяльністю князівської канцелярії Галицько-Волинських земель XIII - першої половини XIV століть // Записки НТШ. Т. 231. 1996. С. 44-108; Его же. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Львів, 2004; *Рошко М.Ф.* Карпатські фортеці доби Київської Русі // Київська Русь: Джерела. Культура. Традиції. Київ, 1982. С. 12-20; Его же. Карпатські шляхи та їх оборона // Український історичний журнал. 1990. № 10. С. 86-97; Его же. Тустань. Давньоруська наскельна фортеця. Львів, 1996; Его же. Міста. Дерев'яне будівництво. Наскельні та оборонні споруди Карпат IX-XIV ст. // Етногенез та етнічна історія населення українських Карпат. Т. 1. Археологія та антропологія. Львів, 1999. С. 361-460; Его же. Оборонне будівництво Данила Галицького // Галицька брама. № 9-10 (81-82). С. 24-29; *Дашкевич Я.* Давній Львів у вірменських та вірмено-кипчакських джерелах // Україна у минулому. Вип. 1. Київ-Львів, 1992. С. 7-13; Его же. Українські землі в часах галицько-волинської державності // Пам'ять століть. 2002. № 5. С.3-21; Его же. Проблема державності на Галицько-Волинських землях (кінець X – середина XIV ст.) // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Матеріали Міжнародної наукової конференції (Львів, 29-30 листопада 2001 р.). Львів, 2003. С. 8-23; *Головко О.Б.* Давньорусько-польські відносини на початку XIII ст. (про обставини загибелі галицько-волинського князя Романа Мстиславича) // Міжнародні зв'язки України: Наукові пошуки і знахідки. Вип. 1. Київ, 1991. С. 7-10; Его же. Роман Мстиславич і його доба: нариси з історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII ст. Київ, 1991; Его же. Південна Русь і половецький степ у політичній діяльності галицько-волинського князя Романа Мстиславича // Українська козацька держава: витоки і шляхи історичного розвитку / Матеріали других всеукраїнських історичних читань. Черкаси, 1992. С. 15-17; Его же. Польща в житті та політиці князя Романа Мстиславича // Польща-Україна: історична спадщина і суспільна свідомість. Київ-Кам'янець-Подільський, 1992. С. 16-17; Его же. Князь Роман Мстиславич та його доба. Київ, 2001; Его же. Князь Роман Мстиславич // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 52-70; Его же. Боярська «фронда» в Галичі // Пам'ять століть. 2002. № 5. С. 49-60; Его же. Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ,

2006; *Войтович Л.В.* Зоря князя Романа // Літопис Червоної Калини. 1991. № 2. С. 32-35; Его же. Удільні князівства Рґриковичів і Гедиміновичів у XII-XVI ст. Львів, 1996; Его же. Битва під Перемишлем у 1099 р. // Український альманах. 1999 рік / Відп. ред. С. Заброварний. Варшава, 1999. С. 105-110; Его же. Роман Мстиславич і утворення Галицько-Волинського князівства // Галичина і Волинь в добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / Ін-т українознавства ім. І.Крип'якевича. Історичні та культурологічні студії. Вип.3. Львів, 2001. С. 13-30; Его же. Юрій Львович та його політика // Там же. С. 70-78; Его же. Данило Галицький. Загадки і проблеми // Галицька брама. 2001. № 9-10. Король Данило та його син Лев. С. 12-16; Его же. Друга галицька династія. Загадки і проблеми досліджень // Пам'ять століть (Київ). 2002. № 5. С. 35-48; Его же. Ще одна загадка генеалогії Романовичів: чи існувала королева Марія Львівна? // А се его сребро: збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 161-164 ; Его же. Перемиське князівство. Джерела державності // Перемишль і Перемиська земля протягом віків. Вип.3. Інституції / Під ред. Степана Заброварного. Львів, 2003. С. 39-50; Его же. Король Данило Романович. Загадки і проблеми // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 24-29; Его же. Королівство Русі: реальність і міфи // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип.7. Дрогобич, 2003. С. 63-71; Его же. Де була столиця Лева Даниловича? (Джерелознавчий аспект проблеми) // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. 1. Київ-Львів, 2004. С. 712-720; Его же. Белзькі князі // Белз і Белзьке земля. Науковий збірник. Вип.1. Белз, 2004. С. 74-77; Его же. Штрихи до портрету князя Лева Даниловича // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип.5. Київ, 2005. С. 143-156; Его же. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 327-331, 332-351, 470-512; Его же. Кордони Галицько-Волинської держави: проблеми та дискусії // Записки НТШ. Т. 252. 2006. С. 187-205; Его же. Союз Галицьких Романовичів з Австрією та Чехією у XIII ст. // Проблеми слов'язознавства. Вип.56. 2006. С. 263-273; Его же. Реформи армії князями Данилом Романовичем та Левом Даниловичем у середині XIII ст. // Вісник національного університету «Львівська політехніка». № 571. Держава та армія. Львів, 2006. С. 89-93; Его же. Князь Іван Бирладник: загадка походження // Генеалогічні записки Українського геральдичного товариства. Вип.5. Львів, 2006. С. 7-15; Его же. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського // Княжа доба. Історія і культура. Вип.1. Львів, 2007. С. 45-58; Его же. Король Данило Романович: Загадки та дискусії // Terra cossacorum: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук професора Валерія Степанкова. Київ, 2007. С. 383-403; Его же. Князь Лев Данилович – полководець і політик // Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаевича [Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип.15]. Львів, 2006-2007. С. 115-124; Его же. Князь Іван Бирладник: загадкова постать // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 11–12. Дрогобич, 2008. С. 51–62; Его же. Улус Ногай і Галицько-Волинське

князівство // Україна – Монголія: 800 років у контексті історії. Київ, 2008. С. 71–78; Его же. Союз Візантії та Галицько-Волинської держави за Ангелів // Князя доба: історія і культура. Вип. 2. Львів, 2008. С. 30–39; Его же. Король Данило Романович: політик і полководець // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі. Львів, 2008. С. 22–97; Его же. Галицьке князівство на Нижньому Дунаї // Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Галич, 2008. С. 3–18; Его же. Остання еміграція короля Данила Романовича // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Історичні науки. № 13. Луцьк, 2009. С. 89–96; Его же. Боротьба Любарта-Дмитра Гедиміновича за відновлення Галицько-Волинської держави // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Історичні науки. № 22. Луцьк, 2009. С. 120–127; Его же. Польща. Мазовія, Литва та Угорщина у боротьбі за спадщину Романовичів // Проблеми слов'язнознавства. Вип. 59. Львів, 2010. С. 52–66; Его же. Галицька земля і Візантія в XI–XIV вв. // Кондаковские чтения. Т.3. Белгород, 2010. С. 255–280; Его же. Тевтонський Орден у політиці Галицько-Волинського князівства // Український історичний журнал. 2010. № 6. С. 4–17. Его же. Війна з монголами на Волині у 1258-1260 роках // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Історичні науки. № 22. Луцьк, 2010. С. 9–13; Его же. Галицько-болгарські відносини у першій третині XIII століття // Князя доба: Історія і культура. Вип. 3. Львів, 2010. С. 201-212; Его же. Останні роки короля Данила Романовича // Вісник Львівської комерційної академії. Серія гуманітарних наук. Вип.10. Ювілейний збірник на пошану Степана Гелея. Львів, 2011. С. 100-106; Его же. Галицько-волинські етюди. Біла Церква, 2011; *Лукомський Ю.* Архітектурна спадщина Давнього Галича. Галич, 1991; Его же. Невідомі церкви на Подолі князю Галича // Записки НТШ. Т. 235. 1998. С. 570-598; Его же. Воскресенська церква в Крилосі // Записки НТШ. Т. 241. 2001. С. 275-298; *Майоров А.В.* Александр Невский и Даниил Галицкий (К вопросу о взаимоотношениях русских князей с татарами) // Князь Александр Невский / Отв. ред. Ю.К. Бегунов и А.Н. Кирпичников. СПб., 1995; Его же. Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187-1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. стат. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.М. Воробьев, А.Ю. Дворниченко. СПб., 1996; Его же. Городские общины Галицко-Волынской Руси в первой половине XII в. Основные тенденции политического развития // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 1999. № 3-4; Его же. О некоторых психологических закономерностях традиционного сознания в Древней Руси (боярин Володислав Кормильчич, князья Игоревичи и городская община Перемышля в коллизиях начала XIII в.) // Историческая психология и ментальность, Эпохи. Социумы. Этноты. Люди / Ред. кол. Л.М. Шипицына и др. СПб., 1999; Его же. Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 - начале 30-х годов XIII в. Ч. 1. Галицкая община и князь Даниил // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1999. Вып. 1; Его же. Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 – начале 30-х годов XIII в. Ч. 2. Галицкая община и королевич Андрей // Вестник СПбГУ.

Серия 2. 2000. Вып. 2; Его же. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; Его же. Даниил Романович и галичане в канун татаро-монгольского нашествия // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию проф. И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В. Пузанов. СПб.-Ижевск, 2001; Его же. О работе В.Н. Татищева над текстом проекта Романа Мстиславича (в свете изучения Академической рукописи второй части «Истории Российской» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 4. С. 10–18; Его же. Кто представил В.Н. Татищеву сведения о проекте Романа Мстиславича? // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 67–69; Его же. «Конституционный проект» Романа Мстиславича в «Истории Российской» В.Н. Татищева // «В кратких словесах многой разум замыкающее...». Сборник научных трудов в честь 75-летия проф. Р.Г. Скрынникова. СПб., 2008. С. 186–200; Его же. Из истории внешней политики галицко-волынского князя Романа Мстиславича // Дьнеслово. Збїрник праць на пошану дійсного члена НАН України Петра Толочка з нагоди його 70-рїччя. Київ, 2008. С. 51–57; Его же. О происхождении второй жены Романа Мстиславича: дочь императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси // Карпати: людина, етнос, цивїлізація. Івано-Франківськ, 2010. С. 41-51; Его же. Маловідомі грецькі джерела з історії русько-візантійських відносин початку XIII столїття: текст, переклад, коментар // Записки НТШ. Т. 260. Кн.2. Львів, 2010. С. 243-247; Его же. О происхождении имени и уточнении даты рождения Даниила Галицкого // Actis testantibus. Ювілейний збїрник на пошану Леонтія Войтовича // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20. Львів, 2011. С. 453-478; Его же. Галицко-волинський князь Роман Мстиславич: володар, воїн, дипломат. Т. 1-2. Біла Церква, 2011; *Александров Д.Н.* Галицко-Волынская земля в XIII – первой четверти XIV в. М., 1997; *Dąbrowski D.* Malżeństwa Wasyłka Romanowicza. Problem mazowieckiego pochodzenia drugiej żony // Europa środkowa i wschodnia w polityce Piastów. Toruń. 1997. S. 221-233; Id. Malżeństwa Daniela Romanowicza (aspekt Genealogiczny i polityczny) // Venerabilibus nobilibus et honestis. Studia z dziejów społeczeństwa Polski średniowiecznej / Prace ofiarowane prof. J. Bieniakowi. Toruń, 1997. S. 43-50; Id. Czy istniało dwóch synów Daniela Romanowicza o imieniu Mscisław? Przyczynek do Genealogii Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Т. 4 (15). 1999. S. 01-135; Id., Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań-Wrocław, 2002; Id. Polityka koligacyjna Daniela i Wasyłka Romanowiczów. Prolegomena // А се его сребро. Збїрник праць на пошану члена-кореспондента НАН України М.Ф. Котляра з нагоди його 70-рїччя. Київ, 2002. С. 139-156; Id., Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 212-399; *Александрович В.* Мистецтво Галицко-Волинської держави. Львів, 1999; Его же. Холмська ікона Богородиці // Історичні та культурологічні студії. Вип.1. Львів, 2001; Его же. Українська культура XIII – першої половини XV ст.: Архітектура і будівництво. Образотворче та декоративно-ужиткове мистецтво // Історія української культури. Т. 2. Відпов ред. Я. Ісаєвич. Київ, 2001. С. 256-301; Его же. Покров Богородиці. Українська

середньовічна іконографія. Львів, 2010; *Петрик А.* До історії боярства та боярських родів Перемишльської землі // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 6. 2002. С. 105-117; Его же. Бояри та церква Галичини й Волині крізь призму літописних та археологічних досліджень // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 7. 2003. С. 80-102; Его же. Боярство Белзької землі в контексті суспільно-політичного розвитку Галицько-Волинської держави // Белз і Белзьке земля. Науковий збірник. Вип. 1. 2004. С. 81-86; *Мазур О.* Володислав Кормильчич: шлях до княжого столу // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 6. 2002. С. 118-129; Его же. «Лотка князь руський, прибув до Вишеграда»: гіпотетична ідентифікація особи // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 7. 2003. С. 72-79; Его же. Стосунки белзьких князів Всеволодовичів з Романовичами // Белз і Белзьке земля. Науковий збірник. Вип. 1. 2004. С. 78-80; *Мицько І.* Королевич Лев Данилович та давній Львів (сторінки з книги) // Галицька брама. № 9-10 (81-82). Львів, 2001. С. 18-23; *Терський С.* Археологія доби Галицько-Волинської держави. Львів, 2002; *Паславський І.* Коронація Данила Галицького в контексті політичних і церковних відносин XIII століття. Львів, 2003; *Книш Я.* Основні періоди історії Белза // Белз і Белзьке земля. Науковий збірник. Вип. 1. 2004. С. 66-73.

2. *Войтович Л.В.* Волинська земля князівських часів (X-XII ст.) // Проблеми історичної географії України. Збірник наукових праць. Київ, 1991. С. 10-22; Его же. Етнотериторіальна підоснова формування удільних князівств Волинської землі // Волино-Подільські археологічні студії. Т. 1. Пам'яті І.К. Свєшнікова (1915-1995). Львів, 1998. С. 286-295.

3. ПСРЛ. Т. I. Стб. 290.

4. *Гуревич Ф.Д.* Детинец и околный град древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956-1977 гг. // Советская археология. 1980. № 4. С. 87-101; Его же. Древний Новогрудок. М., 1981.

5. *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 227-229.

6. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 816, 818, 828, 831, 838, 862-863, 872-873, 920.

7. *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно // МИА. № 41. М., 1954.

8. *Соловьев А.В.* Белая и Черная Русь // Русское археологическое общество в королевстве Югославии. Белград, 1940. С. 64.

9. *Пацито В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 319.

10. *Кучинко М.* Проблема етноплемінних та адміністративних меж Волинської землі кінця X – середини XIV ст. // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / Історичні та культурологічні студії. Вип. 3. Львів, 2001. С. 191-192.

11. *Войтович Л.В.* Волинська земля... С. 11.

12. *Paszkievicz H.* Jagiełłonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. S. 272-273.

13. *Musienowicz K.* Granica mazowiecko-drehowicka na Podlaszu we wczesnym średniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. 1960. № 5. S. 187-230; *Jaskanis J.* Badania archeologiczne w woj. Białostockim w latach 1945-1963 // Rocznik Białostocki. 1965. № 5. S. 97-123.

14. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1902. С. 608.

15. *Gurba J., Kutylowska S.* Sprawozdanie badaґn wczesnoґredniowiecznego gradziska w Chelme Lubelskim // Sprawozdanie archeologiczne. Т. 22. 1970. S. 231-241; *Буко А., Дзеньковський Т., Голуб С.* Холм доби Данила Романовича у світлі результатів найновіших розкопок // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 187-190.

16. *Хрущевич Г.К.* Белавинская и Столпьевская башни под Холмом // Пам'ятники русской старины в западных губерниях. Т. 7. 1885. С. 89.

17. *Кордуба М.* Західне пограниччя Галицької держави між Карпатами та долішнім Сяном // Записки НТШ. Т. 138/140. 1925. С. 159-245.

18. *Исаевич Я.Д.* Территория і населення Червенських градів (X-XIII ст.) // Український історико-географічний збірник. Вип. 1. 1971. С. 81.

19. Там же. С. 76-88; *Исаевич Я.Д.* «Грады червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между западным и восточными славянами // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 107-124; Перемишль і Перемиська земля протягом віків. Перемишль-Львів, 1996. С. 6-15.

20. *Ранопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель X- XV вв. Л., 1967. С. 179-180, 188-190.

21. *Толочко П.П.* Киевская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 5-57.

22. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 325-326.

23. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 396.

24. *Толочко П.П.* Киевская земля. С. 11.

25. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774.

26. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 196.

27. *Дашкевич Н.П.* Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды III Археологического съезда в Киеве 1874 г. Т. 2. Киев, 1876. С. 69-139; Его же. Новейшие домыслы о Болохове и болоховцах // Университетские известия ун-та св.Владимира. Киев, 1884. № 6. С. 155-186; Его же. Еще разыскания и вопросы о Болохове и болоховцах // Там же. Киев, 1899. Кн.1. С. 56-69; *Петрушевич А.* Кем были болоховские князья? Львов, 1877; *Молчановский Н.В.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям). Киев, 1885. С. 102-143; *Грушевский М.С.* К вопросу о Болохове // Чтения в Историческом об-ве Нестора Летописца при Киевском ун-те. Кн. 7. Отд. 2. 1893. С. 3-11; Его же. Історія України-Руси. Т. 3. Львів, 1905. С. 155-161, 535-536; *Андріяшев О.* Літописне Болохове і болохівські князі // Науковий збірник за рік 1929. Записки історичної секції УАН. Т. 32. Київ, 1930. С. 20-31; *Раннопорт П.А.* Города Болоховской земли // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып.57. М., 1955. С. 52-60; *Липко С.А.* Де був давній Болохов? // Український історичний журнал. 1971. № 4. С. 99-104; *Терещук К.І.* До питання про локалізацію Болохівської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 164-175; *Крип'якевич І.П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 25-26, 55-56; *Войтович Л.В.* Волинська земля... С. 17-18; Его же. Болохівські

- князі // Київ. 1991. № 6. С. 158-159; Его же. Князівські династії. С. 228-230; *Котляр М.Ф.* Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998.
28. *Войтович Л.В.* Нашадки Чингіз-хана: вступ до генеалогії Чингізидів-Джучидів. Львів, 2004. С. 101-102.
29. *Седов В.В.* Дреговичи // Советская археология. 1963. № 3. С. 112-125; Его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 77-91; Его же. Восточные славяне XI-XIII вв. // Археология СРСР. М., 1982. С. 113-118.
30. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 519.
31. Там же. Стб. 993-994.
32. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 993-994.
33. *Войтович Л.* Княжа доба на Русі... С. 502.
34. *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... S. 178.
35. См.: *Тенговський Я.* Обставини вступу князя Болеслава-Юрія Тройденовича на галицько-волинський престол (Невідомі руські документи з XIV століття) // Записки НТШ. Т. 260. Кн.1. Львів, 2010. С. 45-56.
36. *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... S. 232.
37. *Войтович Л.* Удільні князівства. С. 84.
38. *Войтович Л.В.* Київські князі з путивльської династії // Київ. 1991. № 8. С. 149-150; Его же. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII-XV ст. Львів, 1996. С. 159.
39. *Климкевич Р.* Львів і Україна в найдавнішому геральдичному творі // Хроніка-2000. Вип. 35-36. Київ, 2000. С. 106; *Гречило А.* Територіальні символи Галицько-Волинської держави (XIII – поч. XIV ст.) // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С.133; *Кныш Я. Б.* Львівське королівство // Поступ (Львів). 2003. № 129; более детально это было отобразено в докладе Я. Кныша «Государство Романовичей за короля Юрия и создание Галицкой митрополии» на Международной конференции, посвященной 750-летию коронации короля Данила и 700-летию создания Галицкой митрополии (Львов, 8-9 ноября 2003 г.), материалы которой, к сожалению, не были полностью опубликованы.
40. *Кордуба М.* Західне пограниччя Галицької держави між Карпатами та долішнім Сяном // Записки НТШ. Т. 138-140. 1925. С. 159-245.
41. *Рожко М.Ф.* Карпатські фортеці доби Київської Русі // Київська Русь: Держава. Культура. Традиції. Київ, 1982. С. 12-20; Его же. Карпатські шляхи та їх оборона // Український історичний журнал. 1990. № 10. С. 86-97.
42. См.: Архіви України. 1967. № 2. С. 73.
43. *Войтович Л.* Де була столиця Лева Даниловича? (Джерелознавчий аспект проблеми) // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ-Львів, 2004. С. 712-720.
44. *Крип'якевич І.П.* Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 35-36.
45. ПСРЛ. Т. 7. С. 239-240.
46. Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 26.
47. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX-XII вв. Киев, 1884. С. 207.
48. *Дашкевич Н.П.* Грамота Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сб. стат. по истории права, посвящ. М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Под ред. М.Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 366-369.

49. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 421-422.
50. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 169-171; Его же. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 194.
51. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 143.
52. *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 437-438.
53. *Фроловский А.В.* Чешско-русские торговые отношения X-XII вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 75.
54. *Зимин А.А.* Историко-правовой обзор. Грамота Ивана Ростиславича Берладника // Памятники русского права. Вып.2. М., 1966. С. 30-31.
55. *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Л., 1968. С. 228-229.
56. *Брайчевський М.Ю.* Географічні межі Галицького князівства близько 1185 р. (з коментарів до «Слова о полку Ігоревім») // Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць. Київ; Галич, 1998. С. 26-27.
57. *Рабинович Р.А.* Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации // *Stratum plus*. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 1999. С. 357-407.
58. *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, політична і суспільна роль. Львів, 2000. С. 152.
59. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 220-222.
60. *Богдан И.И.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Труды VIII Археологического съезда. Т. 2. М., 1895. С. 163-164.
61. *Соболевский А.И.* Грамота кн. Ивана Берладника 1134 г. // Труды VIII Археологического съезда. Т. 2. М., 1895. С. 173-176.
62. *Rapaitescu P.P.* Diplomă bărladeana din 1134 și hrisovul lui lung Koriatovici din 1347 // *Revista istorica Româna*. 1932. Т. 2. V. 1.
63. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 82-83.
64. *Котляр М.Ф.* Русь на Дунаї // Український історичний журнал. 1969. № 9. С. 20-22; Його ж. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985. С. 78-82.
65. *Павлов П.* За руского присъствие на Долни Дунав и българо-русские връзки през XI-XII // Добруджа. Сб. 3. 1986. С. 12-13.
66. *Spinei V.* Moldova in secolele XI-XIV. Chișinău, 1994. P. 21.
67. *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв. М., 1996. С. 71-72.
68. *Перхавко Б.В.* Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1996.
69. *Рабинович Р.А.* Призрачная Берладь. С. 357-358.
70. *Соболевский А.И.* Грамота кн. Ивана Берладника 1134 г. С. 173-174.
71. *Рабинович Р.А.* Призрачная Берладь. С. 377-379.
72. [Махновець Л.]. Літопис Руський. Київ, 1989. С. 551.

73. Ратич О.О. Древноруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957. С.60; Свешніков І. К. Археологічні роботи Львівського історичного музею в 1952-1957 рр. Львів, 1959. С. 12-13; Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967. С. 12.

74. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 318-319.

75. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 311.

76. Войтович Л. Княжа доба на Русі... С. 334.

77. Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 505-506.

78. Войтович Л. Союз Галицьких Романовичів з Австрією та Чехією у XIII ст. // Проблеми слов'язознавства. Вип. 56. 2006. С. 263-273; Его же. Князь Іван Бирладник: загадка походження // Генеалогічні записки Українського геральдичного товариства. Вип.5. Львів, 2006. С. 7-15; Его же. Князь Іван Бирладник: загадка постає // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 11–12. Дрогобич, 2008. С. 51–62; Его же. Перша галицька династія // Генеалогічні записки. Вип. 7. Львів, 2009. С. 1–25; Его же. Галицька земля и Византия в XI–XIV вв. // Кондаковские чтения. Т. 3. Белгород, 2010. С. 255–280.

79. История Никиты Хониата // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии. Т. 1. СПб., 1860. С. 420.

80. Пауцто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 195-196; О знании языка см. *Niceta Choniata: De Manuele Comneno*. Lib. 4. Cap. 2. С. 172-173.

81. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524.

82. Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *Bizantinoslavica*. Т. 11. 1950. S. 32-60.

83. *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Bd. 3. Vindobonae, 1865. P. 35, 26-34.

84. Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 г. М., 1981. С. 76.

85. *Choniatae Nicetae*. Historia / Ed. I. A. Van Dieten. Berolini, 1975. P. 247; *Ioannis Cinnami Epitome rerum...* P. 267; Из хроники Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока. М., 1984. С. 83; *Lilie R.-J.* Die Schlacht von Myriokephalon (1176): Auswirkungen auf das byzantinische Reich in ausgehenden 12. Jahrhundert // *Revue des Etudes Byzantines*. Т. 15. 1977. P. 257-275.

86. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 636.

87. Бибииков М.В. Русь в византийских памятниках и Византия в древнерусских произведениях (к сравнительному изучению). // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 г. М. 1989. С. 168.

88. *Welt der Slaven*. № 22. 1977. S. 86-88.

89. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 74, 76-77, 83-85, 91.

90. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. Вып. 43. 1952.
91. Петрушевич А. Было ли два Галичи, княжеские города, один в Угорско-Словацкой области, а другой по сю сторону Карпат над Днестром, или нет // Научный сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-русской магицы. Вып. 1. Львов, 1865. С. 24-49.
92. Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 223.
93. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.). М., 1975. С. 366.
94. Наумов Е.П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 150-163.
95. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 505.
96. Недков Б. България и съседните земи през XII век според Идриси. София, 1960. С.104-105.
97. Плахонін А. Північно-Західне Причорномор'я в «Нузхат ал-Муштак» ал-Ідрісі: спроба географічного аналізу історичного джерела // Історіографічні дослідження в Україні. Вип.10. Збірки наукових праць на пошану академіка В.А.Смоля (з нагоди 25-річчя наукової діяльності та 50-річчя від дня народження). Ч. 1. Київ, 2000. С. 449-457.
98. Бубенок О.Б. Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII-XIV вв.). Киев, 2004. С. 230-234.
99. Keenan E. Wan Jaroslav of Halich Really Shooting Sultans in 1185 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 22. 1998. P. 313–327; Id., Turkas Elements in the Igor Tale and Zadonšèina // The Slavonic and East European Review. Vol. 80. London, 2002. № 3. P. 479–482; Id. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor Tale [Harvard Series in Ukrainian Studies]. Cambridge (Mas.), 2003; Кінан Е. Чи міг Ярослав Галицький 1185 року стріляти в султанів? // Кінан Е. Російські історичні міти. Київ, 2003. С. 252-268.
100. Зимин А.А. «Слово о полку Игореве». СПб., 2006.
101. Грабович Г. Вічне повернення містифікацій // Критика. 2001. № 1-2; Филошкин А.И. «Слово»... со слезами смешанное. Как гениальную древнерусскую поэму пытались объявить подделкой // Родина: Российский исторический журнал. 2002. № 11–12. С. 185–188; Его же. Психопатическое уничтожение «Слова о полку Игореве»: рецензия на неизданную книгу Эдварда Кинана // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 2. С. 24–32; Страхова О. Языковая проблема создателя «Слова о полку Игореве» и лингвистические взгляды Йозефа Добровского // Славяноведение. 2003. № 6. С. 33–61; Столярова Л.В. «Слово» и пустословие // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 г. М., 2004. С. 332–337; Живов В.М. Улики подлинности и улики поддельности. По поводу книги: Keenan Edward L. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor Tale. Cambridge (Mass.): Distributed by Harvard University Press, 2003. XIII. 541 p. // Русский язык в научном освещении. М., 2004. № 2 (8). С. 240–268; Agnew H. Josef Dobrovsky. Enlighterened Hyper-Critic or Pre-Romantic Forgen? // Kритика. 2005. Vol. 6. № 4. P. 845–855; Понне Н. О тюркских лексических заимствованиях

в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб., 2004. С. 155-161; *Poppe N.* Further Note on the Turkic Lexical Elements in the Slovo o polku Igoreve and the Zadonshchina // The Slavonic and East European Review. Vol. 82. № 1. London, 2004. P. 74-78; Его же. По поводу гипотез «скептиков» о тюркских лексических заимствованиях в «Слове о полку Игореве» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1–2. С. 52–56; *Вилкул Т.Л.* Рец. на кн. А.А.Зализняка «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста // *Ruhenica*. Т. 4. Киев, 2005. С. 262–279; *Котляр М.Ф.* Рукописи не горят... Роздуми над книгою (*Зимин А.А.* «Слово о полку Игореве»). СПб., 2006) // Український історичний журнал. 2007. № 3. С. 190–196; *Соколова Л.В.* Новые мифы о старом (по поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А.А.Зимина «Слово о полку Игореве» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1–2. С. 23–38; *Danylenko A.* The Latest Revision of the Slovo o polku Igoreve, or Was Jaroslaw of Halych Really Shooting From His 'Altan' in 1185 // The Slavonic and East European Review. Vol. 84. № 2. London, 2004. P. 921-935; *Franklin S.* The Igor' Tale: A Bohemian Rhapsody? // *Kritika*. Vol. 6. № 4. 2005. P. 833–845; *Гальперин Ч.* «Подлинник? Подделка? Опять подделка?»: Эдвард Кинан. Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1–2. С. 5-22.

102. *Плетнева С.* Половцы. М., 1990. С. 120-122.

103. *Зализняк А.А.* Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. М., 2004. Изд. 2. М., 2007; Его же. Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 3–21.

104. *Живов В.М.* Чего не может фальсификатор [Рец. на кн. А.А.Зализняка «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004. 352 с.] // Отечественные записки. 2004. № 4 (19); *Голинская Е.* «Слово о полку Игореве»: точка в споре? // Наука и жизнь. 2006. № 5; *Еськов К.* «Слово о полку Игореве»: сеанс черной магии с полным разоблачением // URL: <http://afranius.livejournal.com/46212.html> (дата обращения: 1.09.2011).

105. *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста, М., 2004. С. 265-323.

106. *Войтович Л.* Кілька реплік з приводу дискусії про автентичність «Слова о полку Игоревім» // Україна в Центральнo-Східній Європі. Київ, 2006. С. 595-605; Его же. Знову про дискусію з приводу автентичності «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» та його доба. Галич, 2007. С. 17–33; Его же. «Келійний дітописець» Дмитра Туптала та «Слово о полку Игоревім» // Львівська медієвістика. Вип. 1. Дмитро Туптало у світлі українського бароко. Львів, 2007. С. 187–197; Его же. Пліснеско, «Дебра Кисаня» і проблема автентичності «Слова о полку Игоревім» // Другі «Ольжині читання». Львів, 2007. С. 74-78; Его же. Чи були мечі харалужні? // Вісник інституту археології. Вип. 2. Львів, 2007. С. 74-79; Его же. Знову про дискусію з приводу автентичності «Слова о полку Игоревім» та стосовно його авторів // Записки НТШ. Т. 256. Львів, 2008. С. 32–49; Его же. Кілька зауваг до нової дискусії навколо «Слова о полку Игоревім» // Фортеця. Збірник заповідника «Тустань»: на пошану Михайла Рожка. Львів, 2009. С. 40–56.

107. *Успенский Ф.* Император Алексей II и Андроник Комнин // Журнал Министерства народного просвещения. № 212. 1880. С. 95-130; № 214. 1881. С. 52-85; Его же. Последние Комнины. Начало реакции // Византийский Временник. Т. 25. 1927-1928. С. 1-23.

108. *Choniatae Nicetae.* Historia / Rec. I.A. van Dieten. Berolini, 1975. P. 323-325 (P. 247).

109. *Успенский Ф.И.* Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1879. С. 35-36.

110. *Литаврин Г.Г.* Два этюда о восстании Петра и Асеня // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 354-362.

111. См.: *Зализняк А.А.* Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. М., 2004; *Чернов А.* Три имени автора «Слова о полку Игореве». Текст как отпечаток личности автора: кто укрылся под псевдонимом Ходына. 2005 // URL: <http://chernov-trezin.narod.ru> (дата обращения: 1.08.2011); *Войтович Л.* Кілька реплік з приводу дискусії про автентичність «Слова о полку Ігоревім» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип 6. Київ, 2006. С. 595-608; Его же. Знову про дискусію з приводу автентичності «Слова о полку Ігоревім» та стосовно його авторів // Записки НТШ. Т. 256. Львів, 2008. С. 32-49.

112. Эти аргументы были собраны в докладе Андрияна Шийчука (Румыния) «К вопросу южных границ Галицкой Руси (по материалам византийской историографии), произнесенном на V международном конгрессе украинистов в Черновцах 28 августа 2002 г. на заседании секции «Галицко-Волынское княжество», который, к сожалению, остался неопубликованным.

113. *Дашкевич Я.* Давній Львів у вірменських та вірмено-кипчацьких джерелах // Україна в минулому. Випуск 1. Київ-Львів, 1992. С. 10-11.

114. *Войтович Л.* Нашадки Чингіз-хана: вступ до генеалогії Чингізидів-Джучидів. Львів, 2004. С. 108-109.

115. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 33-35.

116. *Бертъе-Делагард А.Л.* К вопросу о местонахождении Маврокастропа «Записки греческого топарха» // Записки Одесского об-ва истории и древностей. Т. 33. 1919. С. 1-20.

117. ПСРЛ. Т. 7. С. 240.

118. *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 года // Краткие сообщ. Ин-та истории материальной культуры. № 43. 1952. С. 15-18.

119. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII-XIV вв. Кишинев, 1979. С. 67.

120. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. С.79-82; *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). Киев, 1986.

121. *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород. С.83-84.

122. *Popescu-Spineni M.* România in istoria cartografică până la 1600. Vol. 1. București, 1938. P. 74.

123. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. С. 136, 139.

124. *Nordenskiöld A.E.* Periplus. Stockholm, 1897. P. 33. Taf. VII.
125. *Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 302.
126. ПСРЛ. Т. 3. С. 44-45; Т. 4. С. 29; Т. 10. С. 99-102; Т. 15. С. 351-352; *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis* / Ed. G. Fejer. Т. 4. Vol. 3. Budaе, 1832. Dok. 15.07.1264; *Палацкій Ф.* О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы Кунгуты и роде его // Чтения в Московском Об-ве истории и древностей российских. 1846. № 3. С. 11-16; *Палаузов С.Н.* Ростислав Михайлович, князь Мачвы // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. № 8. С. 27-49; *Wertner M.* Az Árpádok czaládi története. Nagybecskerek, 1892. P. 463-475.
127. *Kristó G.* Die Arpadendynastie. Geschichte Ungarns von 895 bis 1301. 1993. S. 240.
128. *Monumenta Poloniae Historica*. Т. 2. Lwów, 1872. P. 841-842; Т. 3. Lwów, 1878. P. 175.
129. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiedzimi zachodnimi w latach 1264-1299/1300 r. // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. Історичні та культурологічні студії. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 47-49.
130. Id. S. 61.
131. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 3. Львів, 1905. С. 98-100.
132. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis* / Ed. G. Fejer. Т. 6. Vol. 2. Budaе, 1830. P. 216-217; *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 125-129.
133. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis*. P. 213-214, 239-240.
134. *Федака С.* Галицько-Волинська держава і Закарпаття // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 71.
135. *Пачовський В.* Срібна земля. Ужгород, 1993. С. 41.
136. *Wenzel G.* *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*. Pest, 1811. P. 166-167.
137. *Ставровський О.* Словацько-польсько-угорське прикордоння до XVIII ст. Пряшів, 1967. С. 14, 377.
138. *Вегеш М.* Лев Данилович // Вчені, письменники і політичні діячі про Україну. Вип. 2. Ужгород, 1996. С. 34-39.
139. *Хименець Ю.* Закарпаття – земля української держави. Ужгород, 1991. С. 17.
140. *Троян М.* Мукачівський замок. Ужгород, 1982. С. 9.
141. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis* / Ed. G. Fejer. Т. 8. Vol. 2. Budaе, 1834. P. 326.
142. *Войтович Л.* Ще одна загадка генеалогії Романовичів: чи існувала королева Марія Львівна? // А се его сребро: збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 161-164.

143. A magyar nép története. 3 köt. Budapest, 1896. 66-69 l.; Мельник В. Історія Закарпаття в усних народних переказах та історичних піснях. Львів, 1970. С. 36.

144. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 935-936.

145. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 936; Monumenta Poloniae Historica. Т. 3. P. 702.

146. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 936; Hlavaček I. Novy zioemek formule Tobiase z Bechyne // Československý Časopis Historycky. R. 6. 12958. Z. 3. S. 560.

147. Dąbrowski D. Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami zachodnimi. S. 55.

148. Tęgowski J. Zabiegi księcia kujawskiego Władysława Łokietka o tron krakowski w latach 1288-1293 // Zapiski kujawsko-dobrzyńskie. Т. 6. Historia. 1987. S. 54-55.

149. Войтович Л. Юрій Львович і його політика // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 73-74.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по истории Юго-Западной Руси. Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и «мазепинцы»
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Журнал «Русин»

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотеки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e mail: magazin@malorus.org

Тел.: +7 (903) 53 44 218

Александр МАЙОРОВ

БЫЛ ЛИ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ КОРОНОВАН ПАПОЙ ИННОКЕНТИЕМ IV?

В связи с семисотлетием коронации Даниила Галицкого, широко отмечавшимся украинской диаспорой в 1953 г., в литературе был впервые поставлен вопрос о существовании аутентичных документов Римской курии, подтверждающих этот знаменательный факт.

На прошедшей в Риме юбилейной конференции Научного общества им. Шевченко со специальным докладом «Проблема коронации Даниила» выступил известный церковный историк и археограф, протоархимандрит василианского чина о. Атанасий Григорий Великий (1918 – 1982), подготовивший к этому юбилею публикацию наиболее полного свода документов римских пап, относящихся к истории Украины¹.

В своем докладе А. Г. Великий указал, что в Апостольском секретном архиве Ватикана, в котором он проработал много лет, нет ни одного документа, подтверждающего принятие папой решения о коронации Даниила и об отправке ему королевской короны или других инсигний.

Такой вывод историк сделал, в частности, на основании изучения материалов 22-го тома Регистра папских посланий, содержащего письма Иннокентия IV (*Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum. Registra Vaticana. Vol. XXII*). Составленный в начале XVII в. архивариусом Римской курии Джованни Леончини, этот том включает в себя копии текстов известных ныне посланий понтифика на Русь и в другие страны Восточной Европы, оригиналы которых в большинстве случаев не сохранились. Среди них – копии документов, относящихся к коронации литовского князя Миндовга в 1251 г.²

Поскольку составленный Леончини архивный фолиант не имеет никаких следов позднейших манипуляций с листами, содержащими тексты документов, А. Г. Великий заключил, что в начале XVII в. в Ватиканском архиве уже не было документа, подтверждающего коронацию Даниила Галицкого папой Иннокентием IV³.

Археографические исследования, проведенные в Ватиканском архиве, привели историка к выводу о том, что в 1253 г. никакой официальной коронации Даниила не могло быть. Имели место лишь многолетние переговоры русского князя с папой, по случаю которых родилась легенда о коронации, отразившаяся в Галицко-Волынской летописи⁴.

В своих посланиях на Русь Иннокентий IV называл Даниила и его брата Василько «королями» задолго до предполагаемой коронации

(начиная с первого обращения к ним в 1246 г.). Этот факт, по мнению А.Г. Великого, свидетельствует о наследственном характере королевского титула русских князей, полученного ими еще во времена Владимира Святославича. В 1075 г. папа Григорий VII называл «королем» изгнанного из Руси киевского князя Изяслава Ярославича, а его сыну Ярополку передал корону в качестве «простого подарка», свидетельствующего о личном расположении понтифика. Нечто подобное, по мысли историка, могло иметь место в 1253 г. в случае с Даниилом Романовичем⁵.

Взгляды А.Г. Великого на коронацию Даниила нашли продолжение в трудах некоторых новейших авторов. Суррогатный характер этой коронации, а также полученных князем королевских регалий подчеркивает Н.Ф. Котляр: «Нетрудно убедиться в том, что речь шла не о настоящей большой короне, а лишь о венце, так называемой стемме, полоске золота с несколькими вертикальными зубцами. Такие стеммы Иннокентий IV, его предшественники и преемники раздавали десятками, лишь бы только продвинуть католицизм как можно дальше в христианском мире. Стеммой был коронован и сосед Даниила, вчерашний язычник, литовский князь Миндовг. Поэтому не стоит восхищаться коронацией Даниила Романовича, как это обычно делают украинские ура-патриотические и малообразованные дилетанты»⁶.

Но как быть при этом с указанием летописи, что папские послы прибыли к Даниилу, «носяще венець, и скипетръ, и короуноу, еже наречеть королевьскыи сань»⁷. Перед нами прямое и ясное свидетельство о том, что наряду с венцом или стеммой Иннокентий IV прислал Даниилу также корону и скипетр. Летописец специально поясняет, что все эти предметы являются знаками королевского достоинства, королевскими инсигниями, которые никак нельзя воспринимать в качестве какого-то частного сувенира.

Принятие королевских инсигний Даниилом представлено в летописи как торжественный церковно-государственный акт, проведенный с соблюдением официального церемониала: «Онъ же (Даниил. – А.М.) венець от Бога прия, от церкви святыхъ апостолъ, и от стола святого Петра, и от отца своего папы Некентия (Иннокентия IV. – А. М.), и от всехъ епископовъ своихъ»⁸.

Заподозрить нашего летописца в том, что он нарочно выдумал историю об официальной коронации Даниила Романовича римским папой, также не представляется возможным. Историкам уже давно известно, что о коронации Даниила в 1253 г. упоминает независимый от Галицко-Волынской летописи польский источник, так называемые Анналы Красиньских – компиляция XVI в., по мнению А. Белёвского, восходящая в своей основе к древним несохранившимся Анналам Краковского капитула, один из списков которых в середине XIII в. был преподнесён

папе Иннокентию IV. В этих анналах находим следующую запись: «В год Господень 1253 Даниил, князь Руси, короновался королем»⁹.

В нашем распоряжении есть еще одно свидетельство о коронации Даниила Галицкого папой Иннокентием IV, источник которого непосредственно восходит к ближайшему окружению понтифика. Это свидетельство не нашло пока еще должной оценки у исследователей.

В 1715 г. в Париже был опубликован обнаруженный в Королевской библиотеке (Bibliotheca regia. Codex 1488) список «Жизнеописания папы Иннокентий IV», составленного в середине XIII в. Автором публикации был выдающийся французский историк и археограф

Этьен Балюз, известный также как Стефан Балюзиус (Stephanus Baluzius.) (1630 -1718), профессор канонического права в Сорбонне и личный библиотекарь министра финансов Ж. Б. Кольбера, собравший и опубликовавший сотни средневековых документов, прежде всего относящихся к истории католической церкви. «Жизнеописание Иннокентия IV» Э. Балюз поместил в 7-й книге своих Трудов¹⁰, откуда затем текст памятника был заимствован Людовико Антонио Муратори (1672-1750) и ныне известен, главным образом, по его итальянскому переизданию 1723 г.¹¹

«Жизнеописание Иннокентия IV» – хорошо известный памятник средневековой литературы, неоднократно привлекавший внимание исследователей. Его идейное содержание состоит в обличении императора Фридриха II и в оправдании мер, предпри-

Папа Иннокентий IV с епископами на церковном соборе в Лионе. Миниатюра Сиракузского манускрипта. Ок. 1278 г. Университетская библиотека (Сиракузы, США).

нятых против него папой, что превращает это произведение в своего рода «антиштауфеновский манифест»¹².

Автором «Жизнеописания Иннокентия IV», как следует из сохранившегося заголовка памятника, был монах-францисканец Николо да Кальви (Niccolò da Calvi), известный также как Николай де Курбио (Nicolaus de Curbio). **Уроженец городка Кальви дель Умбрия, он в раннем возрасте принял монашество, входил в ближайшее окружение папы Иннокентия и даже исполнял роль его духовника (личного капеллана).** В 1250 г. Николо да Кальви стал епископом Ассизским и занимал эту кафедру до своей смерти в 1273 г. Его епископство отмечено завершением строительства главного храма Ордена францисканцев – базилики св. Франциска в монастыре Сакро-Конвенто (являющейся одной из шести «великих базилик» католической церкви), а также строительством в Ассизи новых городских стен, завершившемся около 1260 г. Став епископом, Николо по-прежнему большую часть времени оставался при папе, готовя материалы для его жизнеописания, составленного вскоре после кончины понтифика в 1254 г.¹³

В главе XVII «Жизнеописания Иннокентия IV» «О том, как папа отправлял послов к различным народам» (Quod Papa misit nuntios ad diversas gentes) читаем: «К русским, приславшим к римской курии свое торжественное посольство, [папа] также послал своего легата, через которого они были проинструктированы и проинформированы о католической вере с сохранением греческих обычаев и обрядов, послан же был господин Альберт, архиепископ Ливонии и Пруссии. Впоследствии к [русскому] королю от апостольского престола был послан легатом господин аббат из Мазарио, который его же и короновал»¹⁴.

В приведенном отрывке речь идет, несомненно, об обмене посольствами между римским папой и галицко-волынским князем Даниилом Романовичем.

О посольстве Даниила к папе известно также из письма Иннокентия IV к майнцскому архиепископу и эрцканцлеру Священной Римской империи Зигфриду III фон Эппштайну от 13 сентября 1247 г. В нем понтифик предлагает отметить заслуги некоего клирика Гецелона из Вильсторфа, способствовавшего установлению контактов с Даниилом Романовичем. Далее в письме упоминается о посольстве, которое направил к папе для переговоров галицкий князь. В составе этого посольства названы аббат Григорий и два доминиканца, имена которых обозначены инициалами: «Григорий, аббат с горы святого Даниила, и братья А. и Г. из ордена Братьев Проповедников, возлюбленного во Христе сына Даниила, короля Руси, посланники»¹⁵.

По-видимому, упомянутым папой аббатом Григорием был игумен монастыря Св. Даниила под Угровском, известного по Галицко-Во-

лынской летописи. Здесь вторично принял постриг и монашествовал обратившийся в православие литовский князь Войшелк: «Воишелк иде до Оугровьска в манастырь ко святому Данилю, и взя на ся чернечкий порты, и поча жити в манастыре»¹⁶. Остатки этого монастыря недавно обнаружены археологами на правом берегу Западного Буга в районе села Новоугрузское (Новоугрузьке) Любомльского района Волынской области¹⁷.

В летописи упоминается также игумен Григорий Полонинский («Григореи Полониньский»), в обители которого Войшелк принял свой первый постриг, провел три года, а также получил благословение совершить паломничество на Святую Гору (Афон)¹⁸. Этого Григория Полонинского Войшелк звал затем в монастырь Св. Даниила под Угровском и получил от старца новые духовные наставления¹⁹. Трудно сказать, был ли Григорий, аббат с горы Святого Даниила, возглавлявший посольство к папе Иннокентию IV, и Григорий Полонинский, совершивший постриг и наставлявший князя Войшелка, одним и тем же лицом, побывавшим за свою долгую жизнь игуменом в нескольких монастырях. Впрочем, летописец отзывается о нем как о человеке не-

Базилика Св. Франциска в монастыре Сакро-Конвенто. 1228–1253 гг. Вид с южного фасада (Ассизи, Италия).

обыкновенной судьбы: «Григорей же бяшетъ человекъ святъ, якоже не боудеть перед нимъ и ни по немъ не боудеть»²⁰.

В качестве ответных послов папы к Даниилу Николо да Кальви упоминает двух лиц. Это, во-первых, архиепископ Арма (Ирландия) Альберт Суербеер (ок. 1200-1273), решительно поддержавший Иннокентия IV на Лионском соборе (1245 г.), когда папа объявил о низложении германского императора Фридриха II. Вскоре после этого Альберт был назначен архиепископом Пруссии, Ливонии и Эстонии, а также легатом в Готланде, Голштейне, Рюгене и на Руси, в 1246 г. Альберт возглавил также Любекскую епархию, а в 1253 г. стал архиепископом Риги²¹.

Идентификация второго посла Иннокентия IV, названного в его жизнеописании «аббатом из Мазарио», также не вызывает серьезных затруднений. Этот второй посол, по словам папского биографа, лично короновал русского князя. Из рассказа о коронации Даниила Галицко-Волынской летописи известно, что королевские регалии на Русь доставил папский легат по имени Опизо («Описа же приде, венець нося»), он же и добился от князя согласия короноваться²².

Из документов папской курии середины XIII в., а также других источников известно об отправке Иннокентием IV в 1245 г. в Пруссию и Польшу в качестве своего легата Опизо из Мезано, который должен был сменить ранее посланных туда легатов Вильгельма (отозванного в Рим в 1244 г. и произведенного в кардиналы) и Генриха. Опизо происходил из знатного пьяченцкого рода Маласпина, был папским нотариусом, а затем стал аббатом основанного в IX в. бенедиктинского монастыря Св. Павла в Мезано (ныне - небольшое селение Меззано Скотти ди Боббио (Mezzano Scotti di Bobbio) в провинции Пьяченца)²³.

Опизо дважды исполнял обязанности папского легата в Пруссии и Польше: в 1245-1246 и 1253-1254 гг. Во время второй легации его полномочия распространялись также на русские земли. Из различных источников известно о пребывании Опизо в Польше осенью 1253 – весной 1254 гг.: легат побывал тогда в Влоцлавеке, Вроцлаве, а также в Кракове, где участвовал в торжествах по случаю канонизации св. Станислава²⁴.

В тексте «Жизнеописания папы Иннокентия IV», опубликованном Э. Балюзом, очевидно, имела место какая-то ошибка, допущенная, вероятно, при переписывании манускрипта: второй посол папы, короновавший русского князя, назван здесь *аббатом из Мазарио* (Mazario). Эта неточность была замечена и устранена в позднейших изданиях памятника, где наряду с названием аббатства, фигурирующим в списке Балюза, приведен вариант, известный по другим средневековым источникам, - Mezano²⁵.

Свидетельство Николо да Кальви, таким образом, является важным подтверждением факта официальной коронации Даниила Романовича, совершенной легатом Иннокентия IV Опизо из Мезано. Оно не только восполняет собой лауну в Регистре папских документов Ватиканского архива, но и полностью соответствует сведениям о коронации, содержащимся в Галицко-Волынской летописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1953 г. был опубликован первый том этого издания: *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075 – 1953) / Collegit, introductione et adnotationibus auxit Athanasius G. Welykyj. Romae, 1953. T. 1 (1075-1700).*

2. *Великий А.Г.* Проблема коронації Данила // Корона Данила Романовича. 1253-1953 рр. Доповіді Римської сесії II наукової конференції Наукового товариства ім. Шевченка (Рим, 18 грудня 1953 р.). Рим; Париж; Мюнхен, 1955 (Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 164). С. 95-96.

3. Там же. С. 96.

4. Там же. С. 95.

5. Там же. С. 97-104.

6. *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование. СПб., 2008. С. 288. См. также: *Котляр М.Ф.* Данило Галицкий. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 304.

7. ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 826.

8. Там же. Стб. 827.

9. *Rocznik Krasinskych / Ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1878. T. III. P. 132.*

10. *Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus: hoc est, collectio veterum monumentorum quae hactenus latuerant in variis codicibus ac bibliothecis. Parisiis, 1715. P. 353-405.* В 1761 г. текст памятника был перепечатан в новом издании Трудов Э. Балюза: *Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta et non paucis ineditis monumentis opportunisque animadversionibus aucta opera ac studio Ioannis Dominici Mansi. Lucca, 1761. T. I.*

11. *Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi [Ex Stephano Baluzio] // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratori. Mediolani, 1723. Vol. III. Parte 1. P. 592.*

12. См.: *Pagnotti F.* Niccolo da Calvi e la sua Vita a Innocenzo IV con una breve introduzione sulla istoriografi a pontifi cia dei secoli XIII e XIV // *Archivio della Societa Romana di storia patria. Roma, 1898. Vol. 21. P. 7-120; Vogel P.* Nikolaus von Calvi und seine Lebensbeschreibung des Papstes Innozenz IV. Munster, 1939.

13. Подробнее см.: *D'Acunto N. 1) La cattedra scomoda. Niccolò da Calvi, frate Minore e vescovo di Assisi (1250-1273) // Il difficile mestiere di vescovo (secoli X – XIV). Verona, 2000 (Quaderni di storia religiosa. T. 7. P. 189-216; 2) Assisi nel Medio Evo. Scritti di storia ecclesiastica a civile. Assisi, 2002. P. 207-235.*

14. «At Rutenos quoque, qui ad Romanam curiam suos solemnes nuntios destinarunt ut eis Legatum mitteret, per quem instruerentur et informarentur in side catholica, cum more Graecorum et ritu viverent, missus est Dominus Albertus Archiepiscopus Livoniae et Prussiae. Ubi quidem ad Regem subsequenter ab apostolica sede Legatus missus Dominus Abbas de Mazario, qui coronavit eundem». – Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus. P. 369. См. также: Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta... T. I. P. 198; Rerum Italicarum Scriptores. Vol. III. Parte 1. P. 592.

15. «Gregorii abbatis de monte sancti Danielis et fratrum H. et A. de ordine fratrum Praedicatorum carissimi in Christo fi lii Danielis regis Russiae nuntiorum» (Historia Russiae Monumenta / Ab. A. J. Turgenev. St. Petropoli, 1841. T. I. Nr. 75. P. 66-67; Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV / Ed. A. Potthast. Berolini, 1875. T. II. Nr. 12689. P. 1069).

16. ПСРЛ. Т. II. Стб. 867.

17. См.: *Панишко С.* До проблеми локалізації давньоруського Угровська // Київська старовина. 1997. № 5; *Мазурик Ю., Остап'юк О.* 1) Локалізація башти в літописному Угровську // Минувле і сучасне Волині й Полісся: край на межі тисячоліть. Матеріали Х наукової історико-кресзнавчої конференції. Луцьк, 2002; 2) Археологічні дослідження літописного Угровська на Волині // Замосцько-Волинські музейні зошити. Т. I. Zamość, 2003.

18. ПСРЛ. Т. II. Стб. 859.

19. Там же. Стб. 867-868.

20. Там же. Стб. 859.

21. Подробнее см.: *Selart A. Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum // Tuna: ajalookultuuri ajakiri. Tallinn, 2002. Nr. 2. S. 11–21.* См. также: *Bautz Fr. W. Albert II. Suerbeer // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon / Bearb. und hrsg. von Fr. W. Bautz. Hamm, 1975. Bd. 1. Sp. 84.*

22. ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

23. См.: *Nasalli Rocca E. Il monastero del Mezzano di Piacenza e l'abate Obizzo (sec. XIII) // Benedictina. Roma, 1956. T. X.*

24. См.: *Goląb K. Opat Obizo i jego legacja // Nasza przeszłość: Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce. Kraków, 1959. T. X.*

25. См., например: *Scriptores rerum Prussicarum: die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Ed. T. Hirsch, M. Toeppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. T. II. P. 134.*

Михаил НЕСИН

ГАЛИЦКОЕ ВЕЧЕ В 1229-1234 гг.

События конца 20-х - 30-х гг. XIII ст. в Галиче известны как борьба Даниила Романовича за галицкое княжение. Не было в стороне от нее и галицкое вече, и изучение галицкой вечевогой активности этого времени важно для ее понимания. Другое дело, что состояние источников таково, что для их грамотного прочтения потребуется большая работа, и в данной статье мы остановимся на сравнительно небольшом временном отрезке (1229-1234 гг.).

Часть событий 6737 (1229) г. нами была недавно рассмотрена вплоть до разгрома Демьяном понизовских сил Судислава и прихода к Даниилу всего галицкого вечевого боярства¹. Тогда волынский князь Даниил Романович по зову галицких вечников прибыл освобождать город от венгерского королевича, притом, по их просьбе постарался поспеть до того, как прибудет из Понизья Судислав, возглавлявший оборону края при венгерском правлении. Поэтому князь приблизился к Галичу с малой дружиной, явно не ожидая серьезной стычки. Но Судислав уже был в Галиче и организовал его оборону. Последовала серьезная война. Но галичане ждали победы Даниила. Когда его войска под руководством княжьего тысяцкого Демьяна разбили рати Судислава в Понизье, галицкое вечевое боярство торжественно предстало перед ним вместе с Демьяном. При этом летописец указал на всеобщий состав городских земских бояр, но отметил заметное лидерство «многих» из них, а особенно двоих, поименно им выделенных, Мирослава и Владислава².

Однако сразу после этого идет несколько неоднозначных летописных известий, которые надо специально разбирать, чтобы выяснить, какое из них является первым последующим упоминанием галицкой вечевогой активности.

Так, после торжественного прибытия к Даниилу всего галицкого боярства князю еще предстояло войти в город, что оказалось непросто. Галич (где в ту пору был Судислав и венгерский гарнизон королевича) крепко держал оборону, Даниил призвал волостные силы с обширной территории от реки Боброки до рек Ушицы и Прута, и лишь тогда некие «оныи» открыли город: *«Наутрея же уставоше, и обьеха Даниль городъ, и собравъ землю Галицкую, ста на четыре части окрестъ его. И собра от Боброкы доже и до реки Ушице и Прута, и обьеседе в силе тяжьсце. Онем же изнемогошимъ передаша градъ»*³. В историографии под этими «оными» обычно понимают сидевших в городе галичан⁴.

Ныне А.В. Майоров приводит такую трактовку в качестве аксиомы, для исчерпывающей иллюстрации той решительной неприязни, которую, по его мнению, в массе испытывали горожане к Даниилу Романовичу. Заодно для ученого это является новым свидетельством видного участия галицкого веча в судьбе Галичины⁵. Действительно, эти «оные» играли решающую роль в обороне города. Но ведь галичане сами недавно призвали Даниила, чтоб тот выгнал венгров и Судислава, при этом просили прибыть к городу, пока Судислава там нет и он не возглавит его оборону. Поэтому логичнее считать, что под словом «оные» скрываются не галичане, а Судислав с венграми, бывшими в этот период в Галиче фактическими хозяевами. Их ключевая роль в обороне края уже отмечалась историками⁶. Данные выводы не покажутся странными, если привести известия той же летописи под 6727 (1221) г.⁷, когда Мстислав Удалой вновь поехал завоевывать Галич, а воодушевленные галичане подняли антивенгерское вечевое восстание. Венгры, будучи не в силах принять открытого боя, забравшись на церковные своды, *«стреляющимъ и каменеие мецющимъ на гражаны изнемогаху жажсею водною, не бе бо воды в них, и приехавио же Мъстиславу и вдашася ему»*⁸. Как мы видим, и здесь летопись написала о венграх в третьем лице – «них». Поэтому вполне понятно, что и в статье 6737 (1229) г. летописец тоже назвали венгров и Судислава «оними», полагая, что и так понятно, кто правил в городе и не хотел впускать Даниила. Так что известие об осаде и взятии Галича Даниилом ничего не сообщает о вече. Вечники будут упомянуты под тем же 6737 г. Вскоре отпущенный в Венгрию Судислав подтолкнул венгерского короля Андраша II к новой атаке на Галич, и весной 6737 (1230) г.⁹ в Галичину прибыл старший сын короля *«Бела риксъ, рекъмый король Угорьскый, в силе тяжъце»*¹⁰ (по В.П. Шушарину, летописец здесь допустил опечатку, пропустив слово «юниор», что в корне изменило смысл титула, ведь по венгерской терминологии наследный принц - рекс юниор, младший король помогал отцу в управлении, но сам не правил¹¹). Окружив город, он передал через посла: *«Слышите словеса великого короля угорьского. Да не уставляетъ васъ Дьмьянь, глаголя: "И земля изимъть ны богъ", ни да уповаеть ваш Даниль на господа, глаголя: "Не имать предати град сесь королеви угорьскому". Толико ходиль на ины страны, то кто можетъ одержати от руку мою и от силъ полковъ моихъ? Дьмьянь же, одинако крепяшеся, грозы его не убояся. Богъ поспешникъ бысть ему. Даниль же приведе к собе ляхы и половце Котяневы. А у короля беаху половци Беговарьсови. Богъ попусти на не рану фараонову. Град же крепляшеся, а Бела изнемогаше. И поиде от града, оставивио же ему люди за собою, оружники многи и фаревники. Нападимъ же на не гражаномъ мнозимъ, впадаху в реку, инии же избъени быша, инии язв-*

ни быша, инии же изоимани быша. Яко инде глаголетъ: "Скыртъ река злу игру сыгра гражаномъ", тако и Днестръ злу игру сыгра угромъ"¹². По мнению А.В. Майорова, в этом известии вечники подразумеваются дважды. Во-первых, здесь они прямо названы как «гражаны», вышедшие из города и разбившие венгров, кроме того, именно к ним, по мнению исследователя, прежде обращался венгерский посол¹³. Так же думал Н.И. Костомаров, зачем-то дополнивший речь посла обращением «люди галицкие»¹⁴. Однако источник не дает основания для столь вольной интерпретации. Ведь посол перед городом громко обращался ко всем галицким защитникам, то есть, включая дружину. Он призывал их сдать город, не слушая ни Демьяна, ни Даниила. Но благодаря решительности Демьяна, бывшего главным галицким воеводой в отсутствие князя, город не сдался до самого подхода Даниила с союзными войсками поляков и половцев. Трудно согласиться с общим выводом А.В. Майорова, что главную роль в обороне города сыграло вече¹⁵. Летопись прямо поясняет: «Демьянь же одинако крепяшися, грозы его [венгерского посла] не убоая. Богъ поспешникъ бысть ему»¹⁶. Именно решительность княжеского тысяцкого Демьяна и умелое руководство помогли как «ему», так и всему городу, который в результате не был сдан венграм. Согласно резонному выводу В.Т. Пашуто, летописец изобразил главную роль Демьяна в защите города¹⁷. Любопытен вывод ученого, что это, а также несколько иных известий были созданы самим Демьяном¹⁸. Тогда ясно, почему об отсутствии в городе князя мы узнаем постфактум, лишь тогда, когда он пришел с польской и половецкой подмогой, перед самым паводком. Для Демьяна была главной личной роль в обороне города. Даже если он был лишь информатором профессионального книжника¹⁹, этот текст записан под его сильнейшим влиянием. Впрочем, летописная версия правдоподобна. Говоря о видной роли городского вече в управлении краем, надо помнить, что мы имеем дело с традиционным обществом, привычно вверявшим своим должностным лицам исполнение определенных функций. Мы уже разбирали случаи, когда потеря должностного лица приводила к панике в бою или парализовывала вечерую активность²⁰. Стоит ли удивляться, что решительность галицкого воеводы влияла на настроение войска. Тем более, что совсем недавно он отличился при освобождении Галича от венгерских интервентов, разгромив со своим отрядом силы Судислава в Понизье. Поэтому мы не находим в этом известии ничего противоречащего древнерусским реалиям. Следовательно, первым свидетельством о галицких вечниках в данном летописном рассказе является уже известие о побивших венгров «гражанах». Любопытно, что половцы не были едины, один из половецких отрядов во главе с ханом Беговарсом помогал венграм, а другой, с ханом Котяном, был

на стороне Даниила. У половцев, как и у многих народов, наступил период раздробленности, принявший, однако, особую окраску в связи со сложной внешнеполитической обстановкой, когда половецкие ханы были вынуждены искать покровительства у сильных соседей. Пример тому - судьба самого Котяна, поддерживавшего то русских князей, то венгров. К приходу Даниила галичане еще не ощутили тягот долгой осады. Иначе галицко-волинский сводчик, часто сообщающий о таких бедах, не упустил бы эту подробность. Значит, венгры опередили Даниила лишь на считанные дни (хотя и задержались до наступления паводка), а князь не мог ездить дальше Волини, куда к нему подошли союзники из сопредельных Польши и половецких степей.

Когда на обессилевших венгров обрушился паводок и подоспел Даниил с союзными ратями, галицкие «граждане» торжественно добились отступающего ослабленного противника. Главной же победительницей была признана разлившаяся река, роль которой летописец сравнил с решающей ролью Скирта из греческой хроники Иоанна Малалы. Правда, вскоре, описав уход Белы из пределов Галицкой земли, летописец бросает странную, на первый взгляд, фразу: «*И ушедши же ему за неверство боярь галичкихъ (в галицко-волинской летописи так называли земских бояр – М.Н.²¹), Даниль же божьею волею одержжа градъ свои Галичь*»²². Дело в том, что еще под Галичем венгров поразил мор, образно связанный летописцем с «фараоновыми казнями». Нетрудно догадаться, что речь идет о десяти напастях, которые, по Ветхому завету, Бог наслал на Древний Египет за то, что фараон противился исходу евреев. А те не желали быть верными египетскими рабами. Другое дело, что венгерский «король» Бела уходил сам, Даниил же остался в «своем» Галиче с Демьяном и «гражданами», включая земских бояр «галичских». Но упоминание бояр, не имевших в данном случае никаких социальных библейских аналогов, говорит, что это не простой парафраз ветхозаветной легенды. Как резонно заметил П.П. Толочко, «Летописец подчеркнул, что он [Даниил] удержал свой Галич... хотя утверждаться ему... придется практически все последующее десятилетие»²³. Тем более, что далее летописец добавил, размышляя о дальнейшей драматической судьбе своего героя: «*По семь скажем многий мятежь, великия льсти, бещисленья рати*»²⁴. Поэтому неверно связывать все с последующей крамолой галицких бояр против Даниила с целью убить его и призвать Александра Бельзского²⁵. Речь идет о «бесчисленных» испытаниях, выпавших Даниилу перед его окончательным утверждением в Галичине. Видную роль сыграют в этом сложные отношения князя с галицким вечем во главе с земским боярством. Это и имел в виду летописец, иронизируя, что бояре всегда неверны, пусть и по отношению к венграм. Ввиду господства

бояр на вече галицко-волынский сводчик порой персонифицировал в их лице волю всех галичан²⁶ (подобного рода обороты есть и в иных древнерусских памятниках по отношению к иным русским землям²⁷). Притом, напряженная политическая ситуация первой трети XIII в. сильно сказалась на галицком земском боярстве. Теперь галицкое вече часто даже внешне не напоминало общегородскую думу, откровенно превращаясь в орудие власти как всех бояр, так и части их. А в 1230-х гг. даже появлялись отдельные «крамольные» боярские группировки, действовавшие сами по себе, помимо воли прочих земских бояр и всех вечников. Но Даниилу по-прежнему приходилось бороться и с «галичанами», «мужами градскими» в целом. Не стоит забывать, что, как и его отец Роман Мстиславич, он оставался волынским князем. В детстве всякое его возвращение в Галич сразу сопровождалось возрождением активного влияния волянцев на Галичину²⁸. Да и после, став самостоятельным правителем, Даниил был волынским князем (его сила, которую ценили галицкие вечники, во многом зиждилась на его положении в той земле), и когда в зрелом возрасте он по приглашению галичан, освободив их край от венгров, сел у них княжить, он не рвал связи с Волынью. Недаром, кроме части земских бояр и всего веча, его галицкому княжению противились также местные старшие галицкие дружинники (а однажды даже местный архиепископ²⁹), вечниками не бывшие, но тоже незаинтересованные в волынском влиянии.

Уже через несколько месяцев после победы над Белой, зимой 6738 (1230/31) гг.³⁰ отношения у галицких дружинников с князем неладились. Сперва некоторые из них при поддержке земских бояр «галицких» хотели убить Даниила и передать Галичину Александру Бельзскому. Кстати, деятельность земских бояр при этом летописец характеризует как «крамолу»: *«крамоле же бывши в безбожных боярех Галицких, съвет створише со братучадьем его (Даниила - М.Н.) Олександром, на убиенье его и преданье земле его»*³¹. В отличие от некоторых галицких дружинников они лично не пытались убить князя, ограничившись сговором с Александром. Особо отметим, что крамолу стоит понимать в качестве несанкционированной галицким вечевым большинством акции. Причем, видимо, в данном случае мы имеем дело даже не со всем боярством, а лишь с частью. Весьма строгий в отношении социальной терминологии галицко-волынский сводчик в противном случае подчеркивает, что действуют «вси бояре Галичские», порой даже противопоставляя их выражению «бояре Галичские»³². И хотя слово «крамола» в подобных случаях в историографии по умолчанию воспринимается синонимом мятежа против князя³³, нам это не кажется справедливым. Во-первых, вечники (включая тех же земских бояр) в домонгольской Руси вполне могли и спорить с князем, и распо-

ряться княжением, и это было их естественным правом. Не случайно в обычных случаях та же официозная Галицко-Волынская летопись часто называет галичан «неверными»³⁴, «безбожными»³⁵, галицких бояр - «безбожными»³⁶, «льстивыми»³⁷, говорит о городском «мятеже»³⁸, но не считает это «крамолы», более того, прямо разделяет понятия мятежа и крамолы: *«Въ лето 6735. Начнемъ же сказати беицисленныя рати, и великыя труды и частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи. Измлада бо не бы има покоя»*³⁹. В качестве характеристики поведения земских категорий «крамола» упоминается галицко-волынским сводчиком трижды, при этом дважды в 1230-е гг., применительно к боярам галицким (во второй раз дело было в начале 6741 (1235) г.⁴⁰, когда после поражения под Торческом *«Данилу же прибегишу к Галичю, Василкови же бывишу в Галичи с полкомъ, и срете брата си. Борисъ же Межибожьскый светомъ Доброславльимъ и Збыславльимъ посла к Данилови, рекый: «Изяславъ и половци идуть к Володимеру». Лестъ бо бе се. Даниль же посла ко брату си: «Стерези Володимера». Узревше же бояре галичьстии Василка отишедша с полономъ, воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильючу реку: «Княже, льстивъ глаголь имеют галичане, не погуби се, поиди прочь!» Данилови уведевишу крамолу ихъ, изише Угры»*⁴¹. Не ясно, кем был Борис Межебожский, стольным наместником или волынянином. Но город Межебожье был около волынской границы, и Борис лучше галичан знал о волынских делах. Этим и воспользовались галицкие бояре Мирослав и Сбыслав, чтобы обманом выслать из Галича сильный волынский полк с князем Василием. Если Сбыслав появляется в летописи впервые, то Мирослав упомянут под 1229 г., среди земских галицких бояр, встречавших Даниила после победы в Понизье над силами Судислава⁴². Но теперь Мирослав действовал против Даниила, и его план сработал блестяще. Едва князь остался без силовой волынской поддержки, земские бояре «галичьстии» учинили против него крамолу. В итоге некий Судислав Ильич посоветовал, чтоб тот уходил прочь, пока жив, дав понять, что «галичане» (т. е. вечники в целом) его не поддержат. Правда, ученые обычно считают «галичан» теми же боярами⁴³. Но, как справедливо отметил А.В. Майоров, Галицко-Волынская летопись прямо противопоставляет их крамольным боярам как две разные категории⁴⁴. При этом вечники по-прежнему могли влиять на судьбу своего княжения, не случайно Даниил ушел именно по причине их общего недовольства. У вечников были свои причины не любить Даниила после поражения в бою под Торческом. Дело не в военной неудаче⁴⁵. Проигрыши в битвах сами по себе никогда не приводили к размолвке вечников с князем. Однако Даниил позорно бежал с поля боя⁴⁶, а это на Руси считалось предательством. В свое время новгородцы, изгоняя князя Всеволода

Мстиславича, в качестве одной из трех его главных «вин» назвали бегство на поле боя «вперед полка»⁴⁷. Если галицкие дружинники за это не сердились на Даниила - тот потерял коня и, в общем-то, отступал не один, для вечников было важно, что он при всех опозорился, притом его союзник Владимир Рюрикович Киевский остался сражаться до конца, пока его не пленили, потому Галичина осрамилась и перед Киевщиной. В данном случае ненависть вечников открывала возможность крамольникам убить князя, сдав город Михаилу Черниговскому. Собственно, он и сел на галицкий стол после того, как Даниил, по совету Судислава Ильича, оставил галицкое княжение. Вместе с тем, из слов Судислава Ильича видно, что сама крамола была сугубо боярской, более того, охватывала лишь часть земских бояр, которая на волне общевечевого недовольства Даниилом хотела обойтись с князем по личному усмотрению. Правда, иногда высказывается мнение, что и крамольные бояре, и «галичане» действовали вместе, а речь Судислава Ильича была не издевательской, а сочувственной⁴⁸. Сам Судислав, таким образом, видится не наглым крамольником, а сторонником Даниила. Текст летописи в самом деле допускает такую оценку образа Судислава (хотя и не как единственно верную). Однако ясное сообщение летописи не дает основания для столь сложной интерпретации взаимоотношения бояр и вечников. Галицкие земские бояре устроили узкогрупповую крамолу против Даниила, но Судислав Ильич дал ему понять, что ему стоит уйти, пока они его не убили, ведь и прочие галицкие вечники на деле против него. Иначе стоило бы говорить не о крамоле бояр, а о мятеже всего галицкого веча, в то время как, с точки зрения летописца, конфликт веча с князем не считался крамолой. Значит и в этом случае крамола является самовольной акцией части вечников. В третий раз понятие крамолы применено к волынскому пригороду Берестью, в 6797 (1289) г. решившему самовольно призвать себе князя⁴⁹. Но поскольку на Руси считалось, что пригороды должны подчиняться «старейшему» городу, то, с точки зрения столичного летописца, эта акция волынян являлась непозволительной. Таким образом, с точки зрения Галицко-Волынской летописи, крамола являлась несанкционированной самовольной акцией, будь то узкогрупповые выступления части горожан или центробежные стремления пригорожан выйти из-под опеки главного города.

Думается, свет на этот вопрос может пролить и новгородское летописание, где *коромольник*, *коромола* обозначали людей и их действия, противостоящие законной вечевой деятельности. Но это не обязательно были простонародники. Так, в 6736 (1228) г. Новгородская I летопись сообщает о не имеющей законной вечевой санкции «крамоле» простой чади по отношению к архиепископу, но отмечает, что из двух

поставленных к вновь посаженному владыке лиц, кроме Микифора-щитника, был некий Якун Моисеевич⁵⁰, в котором Л.В. Данилова и Н.Л. Подвигина справедливо видят боярина⁵¹. Дело правда, тут вовсе не в отчестве Якуна, отчество имели не только бояре (см. сообщение НИЛ под 6722 (1214) г. об опоннике Иванке Прибышиниче⁵²), но сам факт, что человека с отчеством поставили в сравнение с простым городским ремесленником⁵³ – «щитником», говорит о его знатности и склоняет нас к правоте ученых⁵⁴, писавших, что реальными руководителями крамолы были бояре, использовавшие в своих целях тяготы городского плебса во время голода (другое дело, что это позволяет отождествлять простую чадь с городским черным людом, иначе бы щитник не мог ее представлять даже формально в обход крупных купцов. О том, что простые новгородцы особенно сильно страдали в голодные годы, ярко свидетельствует летописное упоминание о начавшемся во время очередного голода в среде «простой чади» поедании кошек, коры и листьев и даже трупоедстве и людоедстве⁵⁵, поэтому во время голода 1228 г. бояре ловко использовали народный гнев и даже допустили такой беспрецедентный случай в новгородской истории⁵⁶, как назначение ремесленника одним из двух приставленных к новому владыке людей, однако сами не теряли своего традиционного господства). Таким образом, крамольниками они были не потому, что были плебсом⁵⁷ или меньшинством против городского большинства⁵⁸. Федеративная структура Новгорода, знаменитого вечной борьбой своих районов (сторон концов улиц), вносила свои поправки в соотношение голосов. Например, нормальное районное вече могло законно идти против воли прочих частей города, не считаясь при этом крамольным (как, например, загородцы в 6726 (1218) г., вставшие «ни по сих, ни по сих», или жители Прусской улицы и Людина конца, тогда же выступившие против Неревского, Славенского и Плотницкого⁵⁹, а два года спустя они же - против тех же трех обширных концов, но уже с загородцами⁶⁰, или прущане в 6798 (1290) г. против всего остального города)⁶¹. Интересующее же нас коромольное движение 1228 г. не являло собой цельного районного схода с выборными старостами, а собралось с разных частей, заняв главную дворищенскую вечерую площадь⁶², где проводились законные городские сходы. Именно из-за противоборства своим районным корпорациям коромольники противостояли «новгородцам»⁶³, участникам законного веча, объединившего представителей разных территориально-административных городских единиц. Недаром в Новгороде совокупность вечников - «весь Новгород» - была неразрывна с понятием всех концов⁶⁴. Правда, как видно из известия о «крамоле» 1228 г., коромольные сходы также носили имя «веча»⁶⁵, как сход представителей «людей градских»⁶⁶, что, тем не менее, не отменяло разни-

цы между ними и легитимной вечевой деятельности «новгородцев». Это опровергает весьма противоречивые⁶⁷ построения П.В. Лукина⁶⁸, отказывающего древнерусскому вече в статусе легитимного органа власти. Еще в начале XX в. С.Ф. Платонов, споря с бытовавшими уже в ту пору сходными, хотя и не столь радикальными взглядами⁶⁹, заметил, что тогда бы вече не могло обладать каким-либо «внутренним благоустройством»⁷⁰. Одним из основных критериев должного «благоустройства» органа власти и являлось наличие у современников четкого представления о законности и незаконности деятельности его членов. Описанные галицко-волынским сводчиком галицкие «крамолы» тоже в известной степени вписываются в это определение: крамольники - это группировка городских вечников (в данном случае отдельные боярские группировки), действовавшая без санкции законного вече.

Такова была и крамола части земских бояр, хотевших убить Даниила и передать галицкий стол Александру Бельзскому. Но и она, и заговоры дружинников разом потерпели крах после того, как Даниил выявил и разоблачил главных зачинщиков из дружинной среды – Молибоговичей, а также некоего Волдрису⁷¹. Заметим, что Волдриса – это лицо⁷², а не топоним⁷³. Летопись гласит, что князь послал «*по Молибоговичи и по Волдрисе*»⁷⁴. Если бы Волдриса был не человек, предлог «по» был бы неуместен, равно как и союз «и» в сочетании с этим предлогом. Ясно также, что Волдриса - имя собственное, а не всей семьи, как у Молибоговичей⁷⁵, он назван в единственном числе. Кстати, Молибоговичи выдали себя еще раньше. На первый взгляд, они повели себя странно, жутко испугавшись, когда гостивший в Галиче брат Даниила Василий, «играя», обнажил меч перед неким слугой «королевым», а тот, «играючи», подхватил щит⁷⁶. А когда Даниил был предупрежден Демьяном и не поддался на козни дружинника Филиппа, он схватил главных заговорщиков – Молибоговичей и Волдрису, после чего все заговоры сразу утихли, хотя он даже не наказал пленников. Казалось бы, это странно. Но такое бывало в средневековье. Достаточно привести аналогию с преданием о неудачной попытке византийских царей отравить на пиру Олега Вещего и имевшей место в XII в. попыткой полоцких вечников убить своего князя на городской братчине в Петров день. В обоих случаях князя заранее раскрывают коварный замысел, и ни цари, ни вечники не возобновляют попытки отравить их из страха перед высшими силами, с пособничеством которых связывалась удивительная княжеская прозорливость. В первом случае следует прямое сравнение с чудом св. Дмитрия - «*то не Олег, то святой Дмйтирий*»⁷⁷, а во втором - вечники дружно переносят попытку убийства князя на завтра⁷⁸, что зримо являло собой пережитки политеизма - мол, то, что в свой день запретил один святой, на другой день допустит другой, но

все это связано со страхом перед вмешательством высших сил. Так же было и в Галиче. Летописец прямо замечает, что «*страхъ имь бысть от бога*»⁷⁹, а князь Василий, в свою очередь, действовал по божьему промыслу: «*милостивому богу вложивашю во сердце Васильку изиити вонь*»⁸⁰ и «поиграл» с венгром, что испугало княжских врагов и обличило их. А после того как Даниил выявил и схватил 28 мятежников, включая некоего Волдрису, который никак прежде себя зримо не выдал, то и прочие заговорщики из земских и княжских бояр больше не решились идти против князя. Притом, последнее являлось для летописца совершенно естественным. Это многое объясняет и в обращении князя с арестованными мятежниками. Летописец создал красочный образ кроткого христоролюбивого праведника, который вовсе не наказал врагов, предоставив судить их Богу⁸¹. Некоторые дореволюционные ученые приняли эту версию⁸². Хотя этот князь при случае бывал беспощадным к мятежникам – сохранились данные о суровых репрессиях против непокорных ему земских «Галицкихъ бояръ» после победы под Ярославом в 1245 г.⁸³, когда князь, разбив Ростислава Черниговского, стал сильнейшим южнорусским князем, а сам уже крепко утвердился в Галичине, правя объединенными Галицко-Волынскими землями из основанного им на Вольни Холма. Современные же историки полагают, что в 1230-х гг. князь просто еще чувствовал себя в Галиче не прочно, что и было выдано за смирение⁸⁴. Но, разоблачив и арестовав Молибоговичей и Волдрису, Даниил и так нагнал на своих галицких недругов суеверный ужас, разом отбив у них охоту к козням. Поэтому смысла в репрессиях не было. Вмешательство высших сил было для средневековых людей высшим авторитетом. В свое время Олег, раскрыв коварство византийцев, не стал с ними ссориться, удовлетворившись их религиозным страхом, а те были так напуганы, что приняли все условия перемирия. Ссылка Даниила на Божий промысел в данном контексте принимает особый смысл. Даниил не судит своих недругов, отдав их на суд Всевышнего, который ему непосредственно покровительствовал, что было страшнее земных кар. Даниил проявил себя смелым и находчивым человеком, умеющим держаться с достоинством и эффективно использовать обстоятельства. Что касается Александра Бельзского, тот укрылся от Даниила у своих сторонников в Перемышле. Не ясно, кто они были - галичане или сами пригорожане, хотевшие выйти из-под опеки Галича. Но, уняв своих недругов, князь не убрал их ненависти, охоты изгнать его любой ценой, даже через вокняжение Александра. При том, как показывают дальнейшие события, среди земских бояр столь радикально были настроены лишь некоторые, а среди дружинников - большинство (что объяснимо большей связью вечников с местной почвой, а для более мобильных княжских людей было важно занять при новом князе хорошее положение).

Когда после победы над боярами в начале 6739 (1231) г.⁸⁵ Даниил решил пойти войной на Александра Бельзского, основная масса дружинников фактически не поддержала его: *«Самому же Данилу созваша вече, оставшуся въ 18 отрокъ верхнхъ Демьяномъ тысяцкымъ своимъ, и рече имъ: «Хочете ли быти верни мне, да изиду на враги мое?» Онем же кликнувшимъ: «Верни есмь Богу и тебе, господину нашему, изиди с Божиею помощью!» Соцкый же Микула рече: «Господине, не погнетши пчель, меду не едать». Помолвишу же ся ему Богу и святей пречистой Богородици, Михаилу архангелу Божию, устремися изити со малом ратникъ. И Мирославу пришедшу к нему на помощь с маломъ отрокъ. Невернии же вси на помощь ему идяху, мнящеся, яко верни суть. И с ними же светъ створишиа, люте бо бяху на не»*⁸⁶.

Правда, в историографии еще с XIX в. встречаются иные трактовки этого веча - как узкого совета князя с отроками и тысяцким. Последние признаются единственными верными князю людьми, с которыми он совещался приватно⁸⁷. Но, как справедливо писал М.С. Грушевский⁸⁸, они были упомянуты лишь в качестве надежной личной опоры князя, а не всех участников вечевого собрания. Тем более, что вече в домонгольской Руси - именно собрание вечников, людей градских⁸⁹, а не дружинный совет⁹⁰. Созыв веча в данном случае был естественным, князь хотел привлечь на свою сторону городское ополчение. Хотя в данном случае летописца занимали именно взаимоотношения князя и его приближенных из дружинной среды. Недаром, хотя летописец одобрительно приводит речь сотского, призывавшего к жесткому подавлению оппозиции, он его упоминает особо, в связи с этим высказыванием. Едва ли он считал сотского в числе «неверных», которые *«мнящеся, яко верни суть»*. Отроки представляли собой личную гвардию князя, а возглавлявший их тысяцкий Демьян был княжеским сподвижником и полководцем (именно ему в 1229 г. была поручена важная операция - разгромить силы Судислава в Понизье, а потом он руководил обороной города от Белы. А Микула - сотский занимался вечевой организацией. Правда, его при этом порой считают выразителем воли «торгово-ремесленной среды»⁹¹, однако, во-первых, галицкое вече включало в себя и земскую знать, а во-вторых, по верному замечанию А.В. Майорова, сотский являлся боярином и мог исходить из своих чаяний⁹², неясно, правда, земским он был боярином или княжким. На Руси параллельно существовали княжеская и земская сотенные системы⁹³, однако его преданность Даниилу и его отцу Роману - поговорку последнего он цитирует как призыв к действию - склоняет к тому, что он, как и Демьян, был дружинником и пришел с Даниилом в Галич с Вольни в 1229 г., глядя на Галич с позиции централизаторских волынских амбиций. Даже если вечники сами хотели идти войной на

Александра Бельзского, не мог быть выразителем их интереса человек, который призывал князя по примеру его отца властно «едасть меду» Галичины, «подавивши» местную автономию. Летописца же больше всего заботила неверность в среде близких к князю людей, из которых оставались верны 18 отроков «со своим» тысяцким. Князь же, почти не найдя себе в дружинной среде реальной поддержки, решил идти «со малом ратникъ»⁹⁴. Конечно, он не мог идти лишь с отроками и тысяцким. Речь идет о малом числе профессиональных воинов - дружинников. С ними князь и устроил «совет». Если вече согласилось идти на войну (поэтому его позиция специально не оговаривалась), то с «неверными» дружинниками, которые *«все на помощь ему идуху, мнящися, яко верни суть»*, пришлось устроить особый «совет» из числа привычных на Руси советов князя с дружиной (возможно, что те пошли на войну, боясь гнева вечников⁹⁵). Правда, порой пишут, что слова отроков и тысяцкого *«Верни есмь Богу и тебе, господину нашему, изижди с Божиюю помощю!»* принадлежали вечникам⁹⁶. Но, как отметил еще С.М. Соловьев, речь идет именно об отроках с тысяцким⁹⁷. В самом деле, из ясного летописного сообщения *«оставъшюся въ 18 отрокъ верникъ и с Демьяномъ тысяцкымъ со своимъ «Хочете ли быти верни мне, да изижду на враги мое?» О нем же кликнувшимъ...»* очевидно, что перед нами разговор князя с тысяцким и отроками⁹⁸. Кстати, древнерусские вечники князя господином не называли.

Важно, что князя в основном поддержали низшие дружинные чины, а основная масса старших дружинников - нет. Примечательно отступничество последних. Даниил сохранял в составе своей дружины и волынские элементы и не рвал связи с Волынью, и хотя в периоды его галицкого княжения во Владимире Волынском сидел его младший брат Василий, тот исполнял лишь наместнические функции: всякий раз, возвращаясь на Волынь, Даниил вновь там правил сам и, в частности, строил новые города, например, около 1236 г. основал Холм. Это обстоятельство, кстати, служит дополнительным аргументом в пользу данных галицко-волынского сводчика о старшинстве Даниила и опровергает неубедительную⁹⁹ гипотезу А.П. Толочко о том, что старшим братом был Василий Романович¹⁰⁰. Перед нами обычное для патриархального общества явление, когда младший брат, не став постоянным князем отдельной земли, подчиняется старшему. Силу этой традиции на Руси демонстрирует выявленная нами судьба третьего из казненных в Галиче в 1211 г. князей Игоревичей, существование которого порой ставится под сомнение¹⁰¹ из-за отрывочности данных о нем как о самом младшем и не влиятельном брате¹⁰². Галицкой дружинной элите было обидно уступать власть и чины волынским выходцам. А пассаж о 18 верных отроках становится особенно ярким, если учесть, что на

изучаемый период приходится важные изменения в структуре древнерусской дружины. В науке существуют разные мнения об их темпах и социальных предпосылках, а также формационной сущности самой дружины. Иногда сам ее генезис связывают с феодализмом. Но, как отмечалось в литературе¹⁰³, это неизбежно приводит к искусственной модернизации общественного строя изучаемых общностей¹⁰⁴ или неоправданному отрицанию наличия в них дружин¹⁰⁵. Другую крайность представляет собой позиция И.Я. Фроянова о зарождении дружины в родо-племенном строе и ее деструкции на границе доклассового и раннефеодального периодов, которую ученый выносит за домонгольское время¹⁰⁶. Однако правящая роль города в домонгольской Руси с господством на вече боярской знати не соответствует доклассовой фазе общественных отношений, в то время как дружина в этот период сохранялась. Как показал А.А. Горский, она возникла около VI-VII вв., еще в доклассовом обществе, как круг княжеских соратников и сподвижников. Сначала она появляется в качестве эпизодических групп, но, по мере связанного с распадом родового строя развития княжеской власти, к VII-VIII вв. становится постоянной¹⁰⁷. Этим она напоминала древнегерманскую дружину, тоже сложившуюся на поздней стадии племенного строя¹⁰⁸. При этом она «набирается не по родовому принципу, а по принципу личной верности; дружина находится вне общинной структуры; она оторвана от нее социально (дружинники не являются членами отдельных общин) и территориально (в силу обособленного проживания дружинников)»¹⁰⁹. Эти свойства она в известной степени сохранит до конца, но, по мере расслоения общества, внутри нее заметно углублялась иерархия, постепенно приводя к упадку саму дружинную структуру (которая, как и у германцев, могла сохраняться лишь в раннефеодальный период). Даже слово «дружина» к XIII в. все больше заменялось термином «двор»¹¹⁰. Тогда уже в старшую дружину стали попадать в основном знатные люди, а худое происхождение считалось дурным тоном. Уже под 1240 г. галицко-волынский сводчик злобно подчеркнул худородность видных галицких дружинников Доброслава, Лазаря Доможировича и Ивора Молибоговича, превысивших свои полномочия при сборе дани, фактически прибиравших к рукам огромные территории¹¹¹. Современные ученые обоснованно считают вторую половину XII-XIII в. временем заката русской дружины. Но если А.А. Горский назвал это финалом ее распада, начало которого он датировал XI в.¹¹², то И.Я. Фроянов отнес ее разложение ко второй половине XIII ст.¹¹³ Если А.А. Горский резонно отметил исчезновение дружины уже в XIII в.¹¹⁴, то И.Я. Фроянов показал ее большую значимость еще в XII в.¹¹⁵ Полагаем, что оба подхода не противоречат друг другу, если признать разложение дружины постепенным, начавшимся

еще в пору ее крепости, но принявшим к концу XII в. тотальный характер. Положение младшей дружины, наоборот, стало скромнее, она стала сильнее зависеть от князя. Каково же было Даниилу, которого фактически не поддержал никто из его непосредственного окружения, кроме зависимых от него людей! Но он и тут не пал духом и пошел на войну.

Примечателен союз части галицких земских бояр и значительной части дружинников именно с Александром, мелким князем из Белза, который относился к галицкому столу лишь как к одному из способов укрепить свое положение на юге Руси. Потому ему ничто не мешало при случае поддержать Даниила, помогая ему заполучить Галич, как это было в 1211 и 1213 гг., когда он в союзе с венграми и поляками свергал князей Игоревичей и боярина Владислава Кормильчича¹¹⁶. Что касается основной массы вечников и меньшинства местных дружинников, те даже для борьбы с волынским влиянием не были готовы сдать землю бельзскому князю. Александр сбежал за подмогой в Венгрию, где свиделся с Судиславом. По инициативе Судислава венгерский король Андраш II пошел войной на Галич вместе с сыновьями Белой и Андрашем. В том же 6639 (1231) г. венгры вошли в Галичину. Первым делом они взяли галицкий пригород Ярослав. Ярославские «горожане» бились до вечера и отбили врагов «от города». Но затем теща воеводы Давыда Вышатича, сторонница Судислава, убедила своего зятя сдать город венграм, несмотря на то, что тому князь велел ни за что его не сдавать. Порой с этим связывают падение Ярослава¹¹⁷. Но в итоге его сдал второй воевода, княжий муж Василий Гаврилович, сперва не желавший предавать «чести» князя, но потом вдруг струсивший и открывший врагу ворота¹¹⁸. Правда, А.В. Майоров пишет, что сдача города была санкционирована вечевым решением ярославцев, и приводит данные о вечернем совете и о том, что венгры выпустили Василия Гавриловича со всеми «воями» из города «живу»¹¹⁹. Но из летописи скорее следует, что *«светъ створиша ввечеру»* не ярославцы, а венгры: *«и бивъшимся угромь, оли и солнцю зашедшу, отбивъшимъ ся городу имь. Светъ створиша вечеру»*¹²⁰. О вечернем совещании венгров говорит тот факт, что вскоре из их «полков» в город прибыл посол Чак, призывая Давыда Вышатича сдать город, суля, что венгры ярославцев не тронут, ибо сами «суть велми бьени»¹²¹.

Отсюда ясно также, почему пощадили воевод с «воями», включавших в себя, кстати, все войско в целом, а не одно земское ополчение¹²². В числе воев был и дружинник Давыд Вышатич, которого не назвали отдельно, ибо в итоге город сдал Василий Гаврилович. Противник был сильнее защитников приграничной крепости. Биться с ним они могли лишь из-за городских стен, а открытие ворот врагу сразу при-

вело к сдаче города. Но и венгры сами понесли большие потери и не решились истребить ярославцев. Важно также отметить, что Даниил с галичанами был далеко и не мог организовать обороны земли. Это, по-видимому, и обусловило резкую смену настроения Василия Гавриловича, который *«крепко борюшу не предати града. Оному же ужастии во сердце имущю, само му же челу, вышедшу со всеми вои»*¹²³. К этому склоняет продолжение летописного рассказа о продвижении венгров в Вольтынь (где в то время тоже отсутствовал князь). Владимирский воевода Мирослав *«тогда бо смутися умомъ, створи миръ с королемъ, бе света князя Данила и брата его Василка»*¹²⁴. «Помешательство» воеводы понятно, ведь Василий отправился на подмогу к Даниилу, значит, увел основные городские силы. Вполне логично, что город охраняли реально одни «оружники»¹²⁵. Иногда их считают просто воинами¹²⁶, но, как показал В.Т. Пашуто, согласно той же летописи, они были особой категорией дружины, тяжело вооруженной пехотой, имевшей отдельный оклад¹²⁷, например, раздававшийся им Даниилом доход с Коломыйской соли¹²⁸. И хотя, с точки зрения официозного книжника, владимирские оружники выглядели эффектно, *«блистахуся щити и оружници подобни солнцю»*¹²⁹, их сил было мало для долгой обороны, без вольтынской подмоги. Потому и сами князья Даниил с Василием не очень сердились на незадачливого воеводу, несмотря на то, что он вдобавок глупо оправдывался, уверяя, что не соглашался с венграми на раздел Вольтыни¹³⁰. Заодно отметим, что Даниил тут выступает главным военачальником своего совместного с братом похода, непосредственно распоряжающимся вольтынскими силами. Оставляя брата в Вольтыни, он не теряет с ней связи и правит в ней на правах старшего. После Мирослав не раз упоминается как важный воевода и значимый княжий советник¹³¹. Видимо, ярославский воевода Василий Гаврилович сдался по той же причине, поняв, что бессмысленно ждать подмоги. Для официозного летописца было важно лишь, что они трусили, нарушив княжий завет. Даниил же в ту пору был в Галицкой земле, в Голых горах. Иногда это название понимают как имя города¹³². Но сам оборот, «с Голыхъ горъ»¹³³, а не «из» них, склоняет к мысли, что в данном случае речь идет не о городе, а о местности). При этом, как показал А.В. Майоров, князь ждал вольтынского подкрепления. Другое дело, что из-за этой задержки венгры прошли далеко в глубь Галичины, фактически обойдя галицкие полки. Именно поэтому, по справедливому замечанию исследователя, все галицкие бояре и бросили Даниила. Ученый убедительно сравнил это с обидной для галичан оплошностью Владимира Володаревича, от которого галицкие вечники тоже потом хотели избавиться¹³⁴. Правда, того невзлюбили «галичане», а в данном случае летописец персонифицирует их в лице земской знати («Климьята

же с же с Гольхъ горъ убежа от князя Данила ко королеви, и по немъ вси бояре галичкееи предашася»¹³⁵). Но в русских источниках часто воля горожан персонифицировалась в лице правящего сословия, притом упоминание бояр логически продолжало рассказ о боярской крамоле. Раньше лишь часть земских бояр любой ценой хотела сместить Даниила, теперь его бросили «вси» галицкие бояре. Галичане и без того не любили Даниила за то, что он был проводником волынского влияния. Чем бы не руководствовался Даниил, но ради прихода волынцев он допустил венгров в глубь Галичины. Притом, по верному замечанию А.В. Майорова, если бы Даниила предало лишь одно галицкое боярство, едва ли это столь резко привело бы к утверждению венгров в Галиче¹³⁶. Тем более, что речь в данном случае идет лишь о земском боярстве. Значит, во главе с земской городской знатью Даниила покинули и прочие галичане, оставив его с одной дружиной. Тем более, что далее среди ярых противников Даниила, согласных даже на правление венгров, будут представители всех вечевых городских слоев. Любопытно, что возмутились именно вечники. Они, в отличие от более мобильной дружины, были теснее связаны с родным городом и потому особенно радели за то, чтобы князь не «позорил» их землю перед врагом¹³⁷. Если дружина мирно дожидалась в надежном месте волынской подмоги, то вечники не могли смириться с тем, что из-за этой задержки враг вошел в их землю и подходит к их городу. Но это не значит, что все они радостно сдались венграм. Хотя без помощи волынских полков они не могли противостоять сильной венгерской рати, поэтому, по резонному замечанию летописца, их измена Даниилу реально означала переход под власть «короля». А далее, по просьбе «неверных галичан», то есть вечников в целом, Андраш II посылает в Галич не наместника, а своего сына Андраша¹³⁸. Но, вопреки А.В. Майорову, это не означало любви галичан к королевичу¹³⁹; новгородцы, например, еще в X-XI вв. хотели, чтобы киевские князья посылали к ним не бояр - посадников, а своих сыновей, чтобы Новгород обрел статус самостоятельного княжения (в Киеве же называли «посадниками» и князей, и дружинников, считая, что и князь удержит край под опекой Киева¹⁴⁰). Так же действовал и Псков, звавший с XII в. к себе князей вместо новгородских посадников¹⁴¹. И наоборот, в XII в. Ростов и Суздаль, желая принизить «Нового города» Владимир Залесский, хотели посадить в него своего «посадника»¹⁴², ведь если в городе правил посадник, он был пригородом. Так и галичане предпочли позвать королевича, чем вовсе потерять независимость и официально управляться наместником как часть Венгрии. Но венгерское правление галичанам тоже не нравилось. Когда к сентябрю 6742 (1233) г.¹⁴³ Даниил собрал огромные военные силы и пошел к Галичу, к нему перешла «большая половина града»¹⁴⁴ (О.П. Лихачева

почему-то перевела, как «лучшая», хотя в Древней Руси эти слова не были синонимами). Правда, А.В. Майоров увидел в ней волощан. Галичане, по его мнению, были за королевича, а когда на их сторону перешел Александр Бельзский, даже хотели «яти» волощан, которые были за Даниила. Лишь после смерти Андраша в осаде они сдались Даниилу¹⁴⁵. Но летописец разделяет понятия Галича и Галицкой земли, а когда оставшиеся в городе «Галичане» решили «ять тех Галичан, что за Даниила», обе группировки галичан названы «Галичанами». А так как власть в земле тогда, по убедительным наблюдениям того же автора¹⁴⁶, была сосредоточена в городе, то летописец не допустил бы тавтологию, сообщая о горожанах и волощанах. Здесь был очередной раскол в среде городских вечников вроде того, что был до войны с Александром. Но теперь враги Даниила включали в себя представителей всех страт, и они, как и «большая половина», названы «галичанами» а не «боярами галичскими». И едва ли прав Н.Ф. Котляр, считавший сторонниками Даниила простых горожан и часть бояр, а врагами - лишь одну из боярских партий¹⁴⁷. После задержки Даниила в Голых горах у него стало больше врагов. Но владычество венгров претило большинству галичан еще больше, и к нему перешла «большая половина» их.

Те галичане, которые оставались в городе, стойко сносили тяготы осады и не сдавались Даниилу до самой смерти венгерского королевича. А когда их сторону принял Александр Бельзский (недавно вновь помирившийся с Даниилом и помогавший ему в осаде Галича), которому пообещали галицкий стол, они решились было даже «яти» своих сограждан - сторонников Даниила: *«Галичани же думашу яти Галичани же, въехаша по Даниле»*¹⁴⁸. Отметим, что Судислав легко посулил Александру княжение, а тот сразу поверил, значит, это было незадолго до смерти Андраша, и было ясно, что скоро галицкий стол опустеет. А так как, по данным венгерской хроники¹⁴⁹ и Ипатьевской летописи¹⁵⁰, Андраш умер в январе 1234 г., сговор с Александром следует относить к рубежу 1233/1234 гг. Но со смертью королевича бывшие в городе галичане сдались Даниилу и призвали его к себе княжить, выслав за ним Семьюнка (*того самого, который в 1229 г. тоже поддерживал венгров и зажег мост через Днестр - М.Н.*): *«малу же времени минушую, королевичь умре. Послаша Галичане по Данила Чермного Семьюнка»*¹⁵¹. К изможденному в осаде городу не пришло венгерское подкрепление. Король воевал с Австрией и не послал в Галич сыну подмоги, хотя планировал это¹⁵². Правда, Н.Ф. Котляр, сославшись на В.Н. Татищева, пишет, что он отказался от Галича¹⁵³. Но, по В.Н. Татищеву, это было уже после победы Даниила. И отказался король по «Мстиславовой грамоте»¹⁵⁴. Упоминание этой грамоты является уникальным. Но, согласно Ипатьевской летописи,

в 1228 г. бывший галицкий князь Мстислав Удалой жалел, что отдал Галич королевичу Андрашу (тот его «обольстил», вовсе изгнав из Галичины, хотя ему причиталось Понизье) и хотел дать его Даниилу, а перед смертью жаждал видеть последнего¹⁵⁶. И теперь король формально смирился с возвращением Даниила в Галич, вспомнив былой завет Мстислава Удалого. Если раньше король хотел участвовать в защите города от войск Даниила, то отвоевывать его заново он не мог, потеряв много сил на войне с Австрией. В связи с этим гипотеза П.П. Толочко об умышленном убийстве королевича галичанами¹⁵⁷ не кажется нам логичной. Для Александра галицкий стол был лишь одним из путей усиления своего положения. Никто не мог гарантировать, что он понадеется на приход венгров и предаст Даниила. А король тогда мог оставить в Галиче наместника, вовсе присоединив его к Венгрии. Другое дело, что жизнь судила иначе: Андраш умер в осаде, венгры не подоспели, и Даниил вокняжился в Галиче.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2011. № 2 (24). С. 5-26.
2. ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Стб. 754-755; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг.
3. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 756.
4. Галицко-Волынская летопись (Подг. текста, перевод и комм. О.П. Лихачевой) // Памятники древнерусской литературы. XIII век. М., 1981. С. 389.
5. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольской период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 503-504.
6. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 108.; *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008. С.117.
7. *Шаблага А.В.* Опыт моделирования социальных процессов: причины военных конфликтов в Галицко-Волынской Руси. М., 2003. С. 164.
8. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 738.
9. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 23; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 164.
10. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.
11. *Шушарин В.П.* «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье: Пробл. источниковедения. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18-20 апр. 1990 г. Тез. докл. М., 1990.
12. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.

13. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 529.
14. *Костомаров Н.И.* Русская история... С. 112.
15. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 530.
16. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.
17. *Паиуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 77.
18. *Паиуто В.Т.* Очерки... С. 73-88.
19. *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X-XIII вв. СПб., 2003. С. 242-245.
20. *Несин М.А.* К истории происхождения Галича // Русин. Международный журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2010. № 3 (21). С. 67-69.
21. *Несин М. А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг.
22. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.
23. *Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских» // Толочко П.П. *Виборні твори 1998-2008 рр.* К., 2008. С. 342.
24. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.
25. *Стефанович П.С.* «Верность» в отношениях князя и дружины на Руси в XII - XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1. С. 78.
26. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719, 729, 750.; *Несин М.А.* 1) Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Русин. Международный журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2009. № 3 (17). С. 35-36. 2) Галицкое вече в 1205-1229 гг.
27. *Гильдебранд Г.* Немецкая контора в Полоцке // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II. С. 45; Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (*далее - НЛ*) // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 21, 205; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 82. *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях... С. 36, 46 (примеч. 52).
28. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С.148-149. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 340-346. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг...
29. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774.
30. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 22-24. *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 165.
31. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.
32. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 729, 755, 765.
33. См., напр.: перевод О.П. Лихачевой известия Галицко-Волынской летописи о боярской крамоле 6741 г.: Галицко-Волынская летопись... С. 389.
34. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
35. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774, 775.
36. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.
37. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 748.
38. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.
39. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750.
40. *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 175.
41. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774.
42. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 756.
43. *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. К., 1992. Т. III. С. 52;

Пауцто В.Т. Очерки... С. 216; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности)//Древнейшие государства Восточной Европы (*Далее - ДГВЕ*). 1995 год. М., 1997. С. 104; *Толочко П.П.* О «крамоле...». С. 52.

44. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 568.

45. *Толочко П.П.* О «крамоле...». С. 52.

46. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 566.

47. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (*Далее – НЛ*) ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 24, 209.

48. Літопис руський: за Іпатським списком переказав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 393; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 571. Ср.: *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Т. III. С. 52; *Пауцто В.Т.* Очерки... С. 216; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись... С. 104; *Толочко П.П.* О «крамоле...». С. 52.

49. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 813.

50. НЛ. С. 67, 273.

51. *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. М., 1955. С. 88.; *Подвигина Н.Л.* 1) Классовая борьба в Новгороде в конце XII-XIII в. // Вестн. МГУ. История. 1968. № 6. С. 58-59; 2) Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1976. С. 144-146.

52. НЛ. С.67, 273. *Лукин П.В.* О социальном составе новгородского веча. XII-XIII вв. по летописным данным // ДГВЕ 2004 г. М., 2006. С. 186.

53. *Лукин П.В.* О социальном составе... С. 185-186.

54. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 136-138, 182, 186; *Подвигина Н.Л.* 1. Классовая борьба... С. 58-59; 2) Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого... С. 144-146. *Алексеев Ю.Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. Т. 105. М., 1979. С. 247-48.

55. НЛ. С. 70, 278.

56. *Данилова Л.В.* Очерки по истории... С. 88.

57. *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 182.

58. *Петров А.В.* 1) О борьбе «старейших» с «меньшими» и выступлениях «крамольников» в Новгороде второй половины XIII в. // Вестник. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1991. Вып.1. 2) От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечаго уклада. СПб., 2003. С. 223-224.

59. НЛ. С. 50, 247.

60. НЛ. С. 60, 261.

61. НЛ. С. 326.

62. НЛ. С. 67, 273.

63. НЛ. С. 327.

64. *Петров А.В.* От язычества... С. 37.

65. НЛ. С. 67, 273.

66. *Лукин П.В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005.

67. *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях... С. 42-43 (примеч. 34).

68. См., напр.: *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

69. См., напр.: *Сергеевич В.И.* Вече и князь. М., 1867.

70. *Платонов С.Ф.* Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 году и после подчинения до Ништадского мира 1721 г. Новгород, 1916. С. 5.

71. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762.

72. Галицко-Волынская летопись... С. 390 (Комментарий О.П. Лихачевой).

73. Ср.: *Пауто В.Т.* Очерки... С. 214.

74. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763.

75. Ср.: *Толочко П.П.* Русские летописи... С. 239, 279.

76. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763.

77. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12.

78. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 494-496.

79. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763.

80. Там же.

81. Там же.

82. См., напр.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1992. С. 149. *Костомаров Н.И.* Русская история... С. 117.

83. ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 340.

84. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 462. *Толочко П.П.* 1) Русские летописи... С. 239. 2) О «крамоле...». С. 342.

85. *Грушевский М.С.* Хронологія подій... С. 24. *Шабага А.В.* Опыт моделирования... С. 167.

86. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763.

87. *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. 3. С. 112-113; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 517; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 203; *Соловьев С.М.* История... Кн. 2. С. 149. *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // ДГВЕ. 2004 г. С. 42. *Толочко П.П.* О крамоле... С. 342.

88. *Грушевский М.С.* История України-Руси. Т. 2. С. 476. Примеч.

89. *Лукин П.В.* О так называемой многозначности...

90. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 399. *Пауто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 50.

91. Цит. по: *Головки А.Б.* Социальная функция городского населения в эпоху феодальной раздробленности: (на примере южнорусских городов) // Древнерусский город. К., 1984. С. 31.

92. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 509.

93. *Несин М.А.* К истории возникновения Галича...

94. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 764.

95. *Лукин П.В.* О так называемой многозначности... С. 69.

96. *Костомаров Н.И.* Даниил... С. 117; *Тихомиров М.И.* Древнерусские города. СПб., 2008. С. 163-164; *Стефанович П.С.* «Верность»... С. 78-79.
97. *Соловьев С.М.* История России... Кн. 2. С. 149.
98. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 764.
99. *Домбровский Д.* К вопросу о датах рождения Даниила и Василька Романовичей (заметки к статье А.П.Толочко// Средневековая Русь (далее - СР) Вып. 8. М., 2009.
100. *Толочко А.П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // СР. Вып. 7. М., 2007.
101. *Гуцин О.* Вступ Чернігівських Ольговичів у боротьбу за Галицько-Волинську спадщину: трагедія Ігоревичів // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції//Тези доповідей Міжнародної наукової конференції. Галич, 19-21 серпня 1993 р. Львів. 1993.
102. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг...
103. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 764.
104. *Фроянов И.Я.* Мятѣжный Новгород. СПб., 1992. С. 71-72.
105. *Брайчевский М.Ю.* *Довженко В.В.* О времени сложения феодализма Древней Руси // Вопросы истории (далее - ВИ). 1950. № 8 М., 1950. С. 76.
106. *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1967. С. 161-164; *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков. Л., 1978. С. 140.; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI - XIII вв // Археология. СССР. М., 1982. С.255.
107. *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 20-46; 2) Мятѣжный Новгород... С. 68-72.
108. *Горский А.А.* 1) Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9; 2) Древнерусская дружина. М., 1989. С. 15-25 и др.
109. *Неусыхин А.И.* Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, С. 597, 616.
110. *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 25.
111. *Горский А.А.* Система государственной эксплуатации и социальная организация господствующего класса в Киевской Руси // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм) / Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина: тезисы докладов и сообщений. М., 1988. С. 114.
112. *Горский А.А.* Древнерусская дружина... С. 79-82.
113. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь... С. 74-78.
114. *Горский А.А.* Древнерусская дружина... С. 80.
115. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь... С. 69-77.
116. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 730, 736.
117. См., напр.: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси Т. III. С. 68; *Толочко П.П.* Русские летописи... С. 240.
118. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 765.

119. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 514.
120. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 765.
121. Там же.
122. *Лукин П.В.* Древнерусские «вои» IX - начала XII в. // СР. Вып. 5. М., 2004.
123. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 765.
124. Там же.
125. Там же.
126. Галицко-Волынская летопись... (перевод О. П. Лихачевой). С. 389.
127. *Пауцто В.Т.* Очерки... С. 158.
128. *Линниченко И.А.* Критический обзор новейшей литературы по истории Галицкой Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 91 май - июнь. С. 475. *Пауцто В.Т.* Очерки... С. 184; *Фроянов И.Я.* *Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 151-152. Ср.: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. К., 1985. С. 132.
129. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 765.
130. Там же.
131. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 771, 773.
132. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 111.
133. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 765.
134. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 514.
135. ПСРЛ. Т. 2 Стб. 765.
136. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 514.
137. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 448.
138. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 514.
139. *Майоров А.В.* Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20-х - начале 30-х годов XIII в.: Ч. 2. Галицкая община и королевич Андрей // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 2000.
140. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 47; *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. С. 151-152.
141. *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород. С. 152. См. также: *Афанасьев С.А.* Община и князь в древнем Пскове XII-XIII вв. // Вестник Ленинградского ун-та. 1990. Вып. № 3. Л., 1990. С. 90-93.
142. *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород С. 152; ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 476
143. *Грушевский М.С.* Хронологія подій... С. 25, 63; *Шабига А.В.* Опыт моделирования... С.170.
144. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 771.
145. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь... С. 552.
146. *Майоров А.В.* О составе участников древнерусского веча (по материалам Новгорода и других регионов Древней Руси) // Петербургские чтения – 96 / Отв. ред. Т.А. Славина. СПб., 1996.
147. *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись... С. 104.
148. Галицко-Волынская летопись... С. 389. (Перевод О.П. Лихачевой); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772.

149. *Szalay L.V.* Geschichte Ungarns. Pest, 1869. Bd. 2. S. 30-33.
150. *Шаблага А.В.* Опыт моделирования... С. 165.
151. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772.
152. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis Budae, 1829. P. 324, 153; *Пауцто В.Т.* Очерки... С. 215.
154. *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий... С. 207.
155. *Татищев В.Н.* История Российская с древнейших времен Т. 3. М., 1964. С. 228.
156. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 746.
157. *Толочко П.П.* Русские летописи... С. 243.

Епископ Иов (СМАКОУЗ)

СВЯЩЕННИК ИГНАТИЙ ГУДИМА – СТРАДАЛЕЦ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ И РУССКИЕ ИДЕАЛЫ НА ГАЛИЦКОЙ РУСИ

Предисловие

Галицко-русский ученый Осип (Иосиф) Андреевич Мончаловский (1858-1906) в книге «Святая Русь» (Львов, 1903 г.) замечательно выразил мысль, которую сохранили многие русины: «Нет, честный сын Руси, чи она Галицкая, чи Буковинская, не только не може быти ворогом своей дорогой Матери, Святой Руси, но и повинен всеми законными и благородными средствами поборяти разрушающих национальное и культурное единство русского народа. А для такой борьбы мы имеем непобедимое оружие: истину Христовой веры, проповедуемой Святою Церковью, и ея чудный обряд, с которыми веками сжился русский народ; историю Руси и русскую литературу с богатым русским книжным языком, которое составляют национальное и культурное выражение всего русского народа и результат его тысячелетнего труда; разбуждение и вскрепление русского народного самосознания в массах народа при помощи народного языка».

Хотя я родился в Канаде, я вырос в окружении носителей духа сей мысли, и хотя еще перед моим рождением потерялась библиотека моего деда, его ровесники и наши родственники и знакомые мне подарили и передали «старокраевые» книги, то есть книги, которые были изданы в Австро-Венгрии перед Первой мировой войной. Когда я поступил в университет, то искал и находил в разных библиотеках и архивах издания, которые издавались в той же Австро-Венгерской империи. Все сии издания были написаны в святорусском духе и подтвердили ту же мысль, которую так прекрасно высказал О.А. Мончаловский.

В моей библиотеке есть книга В.П. Гладика «Священник Игнатий Гудима - мученик за православную веру и русские идеалы на Галицкой Руси» (издание Просветительского фонда им. прот. Иоанна Наумовича в Америке по благословию Высокопреосвященнейшего Феофила, митрополита всея Америки и Канады. Philadelphia, Pa, 1943), которую владыка Иов дополнил, глубже исследовал и тему открыл в новой редакции. Как и сказано владыкой Иовом, мученик о. Игнатий был,

как и приснопамятный о. Иоанн Наумович, и священномученик Максим Сандович, подвижником на народной ниве, исповедником святой веры и мучеником за святорусские идеалы, пожертвовавшим собой ради духовного и культурного возрождения своего галицкого народа. Пусть сия публикация, как весенняя ласточка, будет предвестницей возрождения святорусских идеалов не только на родине о. Игнатия, многострадальной Галицкой Руси, но и во всем святорусском мире.

Как потомок твердых русинов, владыке Йову сердечно благодарен за его научное внимание, уважение и любовь ко святорусскому миру - миру и твердых русинов, которые сохранили идеалы Святой Руси не только на своей Прикарпатской Руси, но и в далекой Американской и Канадской Руси.

*Историк и педагог,
прихожанин и чтец кафедрального собора
Русской Православной Церкви
Св. великомученицы Варвары
в Эдмонтоне (Канада)
Роман Ш.*

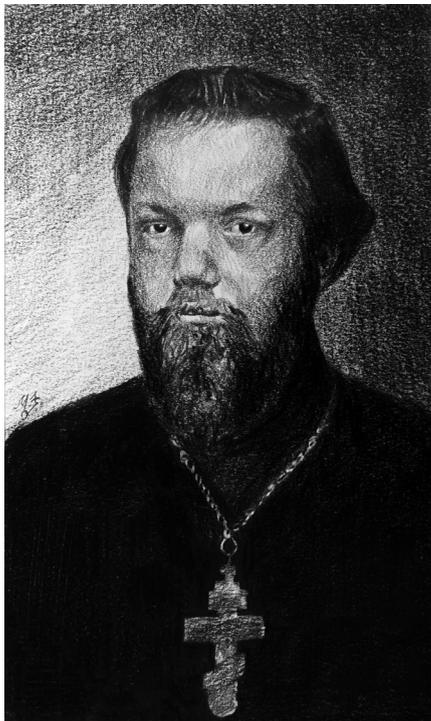
Введение

У человека, который впервые знакомится с историей Православия в Галиции, может возникнуть вопрос: а почему Православие претендует на эту территорию, которая в силу исторических обстоятельств принадлежит греко-католикам – последователям унии с римским папой? Но это не так! Галичина – исконно православная земля! Исторически Православие является родной верой для галичан. Благодаря крещению Киева и всей Русской земли при святом равноапостольном великом русском князе Владимире Православие мирно пришло на Червонную Русь, как называли Галичину в домонгольский период. Уже в XI в. земли Галиции вместе с Волынью входили в состав Владимиро-Волынской епархии Русской Православной Церкви. В XII в. из ее состава была выделена самостоятельная Галицкая епархия. В дальнейшем Галицкая земля, лежавшая на самом краю Киевской Руси, закономерно была наиболее подвержена политическому и культурному влиянию своих западных соседей - Польши и Венгрии. Ватикан попытался прибрать к своим рукам православный народ Прикарпатской Руси, используя такой тонкий инструмент окатоличивания, как уния (католичество восточного обряда). В Галиции в отношении религии последовательно и жестко осуществлялся грубый западнопротестантский принцип: «Чья власть, того и религия» («*cuis regio, eius religio*»). И все же, несмотря на колоссальные усилия австро-германо-венгерско-польских правительств полностью истребить в Галиции Православие, достичь этого не удалось.

Православие на многострадальной Галицкой Руси выжило в сложном XX в. благодаря таким подвижникам, как отец Игнатий Гудима. Жизненный путь о. Игнатия в Австрийской Галиции не был единственным или необыкновенным, но он выступил из среды своего народа и вышел на поле духовной брани за прадедовское вероисповедание и за родную Святую Русь, неотъемлемой частью которой русины в то время себя считали. Благодаря таким же, как он, исповедникам Православия - добрым пастырям и святителям, которые по заповеди своего Господа отдают душу свою за овец своих, оно живо и будет жить там до Второго Пришествия Христова.

Господи! Молитвами Собора Святых земли Галицкой и всех страдальцев за Святую Русь утверди Веру Православную и православных христиан во веки веков!

Годы учебы и присоединение к Православию

Священник Игнатий Гудима – второй после священномученика отца иерея Максима Сандовича¹ галицко-русский исповедник истинной Христовой греко-православной веры и верный сын Русской Православной Церкви. Этот мученик за духовные идеалы Святой Руси родился 1 февраля 1882 г. в селе Дитковцы² Бродовского уезда (повіта) Австро-Венгерской империи в семье сельского псаломщика-дьяка. Окончив немецкую гимназию в Бродах, так как образование на русском языке было запрещено в Австро-Венгрии, молодой гимназист Игнатий Гудима, будучи с детства искренне богобоязненным христианином, избрал для себя трудную стезю священнослужителя. Для осуществления своего желания он поступает в

Духовную семинарию во Львове.

Во время каникул студент Гудима принимал активное участие в русско-народных собраниях в читальнях им. Михаила Качковского³. В своих беседах он открывал глаза галицких крестьян «Подъяремной

Руси» на насильно навязываемый немецкими и польскими политиками украинский сепаратизм, справедливо называемый многими русинскими⁴ деятелями «мазепинством».

С юности восприняв святорусские взгляды и активно их проповедуя, Игнатий, подобно многим галицким твердым русинам, быстро нажил себе ярых врагов среди лидеров украинства, а также и в среде местных австро-польских чиновников. Его гонителями стали украинствующие греко-католические служители во главе с деканом (благочинным) Бродовского округа Анатолием Долинским и законоучителем гимназии в Бродах Софронием Глебовицким. Вследствие злобных обвинений и доносов приказом польского графа униатского митрополита Андрея Шептицкого Гудима после двух лет учебы во Львовской униатской семинарии был исключен из нее без права восстановления и поступления в другое богословское учебное заведение униатской церкви.

Потрудившись некоторое время писарем в краевой кассе в местечке Куликове, расположенном между Львовом и Жолквой, Игнатий решил поехать в Россию. Там он надеялся преподавать немецкий язык и получить православное богословское образование. Получив паспорт для выезда в Россию, он приехал в Киев, где и был принят из унии в Православие.

В Киеве Гудиме посоветовали поехать в Яблочинский Онуфриевский монастырь на Холмщине и поступить в богословскую монастырскую школу. Игнатий принял это предложение и вместо преподавания уроков немецкого языка охотно поехал в Холмский край⁵. В Яблочине с 1909 г. училось несколько галицких и подкарпатских русинов. Среди них был Александр Кабалюк (1877-1947) – будущий «апостол Православия на Закарпатье» в сане архимандрита, преподобноисповедник, причисленный к сонму святых. В Яблочинском монастыре Кабалюк принял 25 марта 1910 г. монашеский постриг с наречением имени в честь Алексия, Божьего человека.

Твердо решив стать священником Русской Православной Церкви, молодой семинарист успешно завершил курс изучения православного вероучения и богослужения, русского церковного напева. Перед завершением курса учебы Гудимы прибыл в Яблочинский монастырь крестьянин Димитрий Чиборак из села Залучье в Снятинском повете (укр. Залуччя, ныне - Ивано-Франковская область), жители которого в 1903 г. возвратились к вере своих предков – в Святое Православие⁶. Он искал священника для своих православных односельчан. Архиепископ Житомирский и Волынский Антоний (Храповицкий), после того как буковинский митрополит Владимир (де Репта) (1902-1918, 1918- 1924) не ответил ему на просьбу назначить православного священника в село Залучье, предложил Игнатию Гудиме после вступления в брак принять посвящение в священный сан и направление на Залучанский приход.

Во время учебы Игнатий познакомился с девицей Александрой Ивановной Лещинской. Ее отец, капитан российского флота, погиб в русско-японской войне, а вскоре умерла и мать. Их дочь-сирота была отправлена на воспитание в приют для девочек при Яблочинском монастыре⁷. Она дала согласие Игнатию на его предложение о вступлении с ним в брак. Получив благословение администрации учебного заведения, жених и невеста отправились в Петербург. Сам владыка Антоний венчал их, затем рукоположил Игнатия в сан диакона и священника. После хиротонии архиепископ Антоний предоставил им право выбора места служения – оставаться в России или ехать на православный приход в Залучье.

Кратковременное исповедническое служение в приходе в селе Залучье

Новорукоположенный священник и его матушка прекрасно знали, что их ожидает в Галиции, что непременно последуют неприятности и гонения со стороны австрийских властей, которые не желали допустить распространения Православия среди русского народа в Галичине. Тем не менее, они выбрали тернистый путь служения Богу и родным людям и по благословию архиепископа Антония уехали в октябре 1911 г. в приход в Залучье, в котором о своем присоединении к Православию письменно заявили около 400 семей в количестве 3 тысяч человек.

Летом 1909 г. представители православных залучан – Михаил Нагорняк, Димитрий Чиборак и Николай Матвейчук - по предложению молодого адвоката Ивана Оробця, выходца из этого села, побывали в Санкт-Петербурге, где собрали пожертвования в размере 7 тысяч рублей на строительство православного храма в своем селе. Все было готово для начала строительства храма. Но в этот момент местный войт (*польск. wójt - староста*) категорически отказался дать православным жителям села разрешение на постройку церкви. Обращение к вышестоящим инстанциям также не дало положительного результата.

Прибыв в Залучье, отец Игнатий зарегистрировался у местных войта и жандармов и даже у снятинского воеводы Левицкого. Сначала он жил у Василия Оробця, отца адвоката. Крестьяне на собранные пожертвования построили для семьи священника дом с домовою часовней, в которой отец Игнатий и начал совершать богослужения.

Проповедь Православия, которой отец Игнатий Гудима активно занялся, вернувшись на родину, не нарушала законы Австро-Венгрии, однако привлекала к нему пристальное внимание австрийских властей. В Залучье за ним постоянно следили жандармы, часто задерживали, суд наказывал арестом и денежными штрафами. Светские и униатские власти стремились террором вынудить о. Игнатия оставить приход в

селе Залучье и выехать в Россию. Однако молодой священник бодро переносил гонения и надеялся, что со временем его оставят в покое.

Тем временем приход отца Игнатия быстро увеличивался. Залучане усердно приходили на воскресные и праздничные богослужения в часовню, внимательно слушали проповеди. В благодарность они по своим скромным сельским возможностям поддерживали священника финансово и продуктами.

Злоба и ненависть гонителей Православия усилились настолько, что снятинское начальство накануне Великого поста 1912 г. опечатаало часовню и на ее дверях разместило табличку с надписью «Ящур»: мол, остерегайтесь, в православной часовне острое вирусное заболевание животных! При закрытии часовни комиссар староства вручил хозяину дома Нагорняку предписание о запрете богослужений и любых собраний в его доме. На прошение об отмене этого приказа Михаил Нагорняк не получил ответа, как и на свою жалобу в Министерство правосудия в Вене.

Как выяснилось в дальнейшем, во время Львовского судебного процесса, главными противниками Православия в Залучье, прежде всего, постройки в нем православного храма, а затем и авторами дьявольского доноса-клеветы на священника были местные арендатор Янкель Шаффер и корчмарь Генрих Кесслер, преследовавшие свои личные материальные выгоды⁸.

Арест священников Игнатия Гудимы и Максима Сандовича и суд над ними

В Великий пост, 27 марта 1912 г., в Залучье из села Граб Лемковской Руси прибыл православный священник отец Максим Тимофеевич Сандович⁹. Он имел только одно желание - исповедаться у отца Игнатия. О запечатании часовни он не знал. При этом о. Максим выполнил все требования о регистрации, во время которой заявил залучскому войту, что скоро возвратится обратно в свой приход. Войт донес о прибытии православного священника местным жандармам, а те доложили в староство в Снятине.

Довольно оперативно, уже на следующий день, 28 марта, оба священника были арестованы. В тот день их доставили в Снятин и оттуда перевезли в следственный изолятор во Львове («в тюрму при краєвiм карнiм судi во Львовi по ул. Баторiя»¹⁰). Как им сообщили, причиной ареста были якобы проведенные ими обмеры моста на реке Черемош около Залучья. Следует отметить, что обвинение довольно-таки абсурдное, так как в то время не было никакой государственной границы по реке Черемош. По Черемошу проходила внутренняя граница между униатской Галицией и православной Буковиной. Подобные обвинения

в шпионаже в пользу России были предъявлены также арестованным студенту юридического факультета Василию Андреевичу Колдре и редактору ежемесячника «Русская матица» Семену (Шимону) Юрьевичу Бендасюку¹¹. Журналист Бендасюк был оклеветан как агент Русского военного штаба, который получает из России деньги для оплаты шпионам, а студент Колдра обвинен в том, что в родном селе отца Максима Сандовича Ждыня демонстрировал местным жителям на «волшебном фонаре»¹² световые картины из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»¹³.

Священники были помещены в камеру с обыкновенными преступниками, им было отказано в контактах с православными и получении корреспонденции. Только благодаря вере и молитве, исключительной силе воли и мужеству они могли переносить те унижения, которым их подвергали в тюрьме. Проходили дни, недели, месяцы, а процесс все никак не начинался. Все объяснялось надеждой властей на то, что священники отречутся от своих взглядов. Посланник униатского митрополита Андрея Шептицкого предложил им присоединиться к униии в обмен на свободу, однако встретил решительный отказ.

Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), который был в подлинном смысле этого слова «правозащитником»¹⁴, уделяя проблеме защиты прав единоверных соотечественников огромное значение, в августе 1913 г. опубликовал «Окружное послание» о положении православных Галицкой и Подкарпатской Руси для прочтения на литургиях в честь праздника Преображения Господнего 6 августа (по старому стилю) по всем приходским храмам Волынской епархии. Понимая, что «наша брань не против крови и плоти», не против конкретных людей, а «против духов злобы поднебесных» (Ефессянам 6:12), святитель обратился к своей пастве с призывом к усердной молитве за гонимых страдальцев: «... В недавние еще времена они (карпатороссы) находили себе утешение в том, что толпами приходили молиться в нашу святую Лавру. Здесь, у подножия Пресвятой Богородицы изливали они в слезах свое горе, свое невольное отступление от Христовой Церкви и призывали Ее заступление над своей несчастной страной, поработенной поляками, немцами и евреями. За последние 10-15 лет они лишены и этого утешения. Им не дают австрийцы переходных свидетельств, а если тайком ночью кто перебежит границу, чтобы выплакать свое горе Матери Божией, то его хватают, бьют, сажают в тюрьму. Народ и на это готов идти, лишь бы помолиться в православной церкви, но в последнее время там, на границе, расставили заставы и задерживают всех богомольцев... Прежде галичане покупали себе в Лавре множество богослужебных книг и по ним молились у себя в хатах, а то и даже в своих униатских церквах; нынче же их штрафуют за всякую купленную в России книжку или даже Почаевскую газету. Смотрите, в какой беде,

в какой неволе живут наши бедные братья! Вспомним о них в нашем духовном довольстве, в нашем богатстве по Божественной благодати, изливающейся над нашей Волынью от Бога, от Матери Божией и от святых Его. Вспомним, что наши прадеды были в такой самой беде под властью католиков-поляков, в какой пребывают теперь наши братья под их же властью в Австро-Венгрии... Богатые деньгами должны помогать бедным, здоровые должны помогать больным работой, а богатые благодатью должны помогать обездоленным своей молитвой.

В этом главная цель моего послания, возлюбленные, чтобы призвать вас к молитве о братьях наших, страдающих за нашу веру. Известно ли вам, что не все русские галичане и угрорусы остаются униатами? Многие, невзирая на все страхи и штрафы, отреклись от униатской ереси и «перешли на благочестие», т. е. приняли Православную веру. Им не давали строить православных церквей, они молились по хатам из наших православных книг, сами крестили детей своих, а для причащения св. Тайн уходили в окрестные страны: или в Россию, или к православным сербам, или к молдаванам... Тогда встрепетали демоны, державшие народ в узах ереси; встрепетали и ксендзы униатские и, не имея силы словом опровергнуть истинную веру, обратились к жандармам и тюремщикам и, сговорившись с ними, начали также истязать новообращенных православных христиан, как истязали наших прадедов, когда здесь была еще Польша, как истязали в далекой древности блаженных мучеников несчастные язычники. Их теперь многократно таскают по судам в самые рабочие дни, бросают в тюрьмы без всякой вины; в тюрьмах их мучают, подвешивают за руки и за ноги к кольцам, вбитым в стену и, не стесняясь, приговаривают: «Это не мы вас мучим, это православная вера вас мучит». Девственниц, которые собрались вместе, чтобы спасти души в посте и молитве, раздели зимой, загоняли в мерзлое озеро, как 40 мучеников севастиийских, после чего некоторые скончались. Так мучат наших русских в Венгрии и Австрии среди бела дня в наш просвещенный век. И они все это терпят, прославляя Бога, и никто из этих новых исповедников не изменил святой вере нашей и не возвратился к еретической унии. Но всего ужаснее то, что из шестерых православных священников из Венгрии трое томятся в тюрьме, и из них двое почти полтора года. Паства их, лишённая молитв и проповеди, тщетно умоляет жестоких католических властителей освободить ни в чем не повинных слугителей Христовых. Власти и суда над ними не чинят и на свободу не выпускают, а держат их, невинных, в тюрьме, как будто там не просвещенная страна, а черная Арапия или Китай. Об этих-то Божиих священниках, оторванных от паствы и от семейств своих, должны мы, братие, умножить свои молитвы - за иереев Максима и Игнатия, а также иеромонаха Петра, разделяющего с ними тюремное

заклучение. Да не приложится к ним слово Писания: «Поражу пастыря и разойдутся овцы стада» ... Итак, в сей день Преображения Господня, когда прадеды наши освободились от польского ига, сподобились вернуться к вере Православной, завещаю пастве своей волынкой по всем церквам, где будет совершаться святая литургия, присоединить к ней и молебствие "об избавлении в темнице сущих"¹⁵.

Судебный процесс о «государственной измене», «шпионстве» против двух православных священников (Сандовича и Гудимы) и двух галицко-русских интеллигентов (Бендасюка и Колдры), который широко известен как «процесс Сандовича-Бендасюка», начался через два с половиной года после ареста – в понедельник 6 марта 1914 г. Почти три месяца он продолжался во Львове и был одним из самых громких в то время.

В качестве улики фигурировали не только отпечатанные в России богослужебные книги, но и художественная литература, в частности, повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», изъятая у студента Колдры. Освещавший процесс корреспондент русской газеты «Новое время» (издавалась в 1868-1917 гг. в Петербурге) язвительно заметил, что на скамье подсудимых оказались «украинские казаки старых времен... сегодняшнее заседание было посвящено разбору классической литературы»¹⁶.

Никто из обвиняемых не признал себя виновным, а в ходе судебных слушаний они настаивали на том, что их деятельность не была враждебной по отношению к Габсбургской монархии. Отрицали они и обвинения в получении денежных субсидий и ценных подарков от российского правительства.

Защита настаивала на появлении в качестве свидетеля волинского архиепископа Антония (Храповицкого). Он был воспитателем, духовником и епархиальным архиереем обвиняемых православных священников. Перед этим Вселенский Константинопольский патриарх назначил его своим экзархом для православных русских в Австро-Венгрии. Владыка заявил письменно суду свою готовность стать свидетелем, но трибунал не принял это предложение святителя¹⁷. Ober-прокурор Синода В.К. Саблер выразил свое согласие на присутствие архиепископа Антония на суде и обратился за разрешением на подобную поездку к императору, который также согласился с подобной возможностью. Однако министр иностранных дел С.Д. Сазонов высказал мнение, что «при нынешнем положении вещей такая поездка легко могла бы привести к неприятным случайностям, одинаково не желательным как с точки зрения интересов иерарха Русской Православной Церкви, так и с точки зрения наших политических отношений с Австрией», и счел поездку недопустимой¹⁸.

На этот процесс неожиданно явились депутаты IV Государственной Думы разных политических взглядов (Вячеслав Якубович, протоиерей Михаил Митроцкий (1883-1937), Валериан Лашкевич и украинец Павел Макогон Матвеевич). Они, войдя в зал, во время заседания суда публично поклонились до земли сидящим на скамье подсудимых со словами: «Целуем ваши вериги!». Важными были также ходатайство самого российского императора Николая II, архиепископа Антония (Храповицкого), а также замечательная защита адвокатов. Защищали подсудимых доктор права Владимир Дудыкевич, Кирилл Черлунчакевич, Мариан Глушкевич и Владимир Алексеевич, а также поляк Эмиль Солянский.

Члена Государственной Думы, руководителя Галицко-русского общества графа Владимира Алексеевича Бобринского (1867-1927), готового выступить на суде, судьи не сочли возможным выслушать, поскольку тот недавно уже был обвиняемым на Мармарош-Сигетском процессе. Тем не менее, граф высказал свое отношение к обвинениям, выдвинутым на Львовском процессе. По его словам, само понятие «русофильская партия» не имеет смысла, поскольку «в Галичине среди русских не может быть русофильской партии, ибо русские не могут быть русофилами или русофобами; француз, венгерец, немец может быть русофилом или русофобом; русские же могут быть просто русскими, не великороссами, а просто русскими»¹⁹. При этом Бобринский вновь вернулся к высказанной уже им мысли о том, что и сами процессы, и общее негативное отношение австрийских и венгерских властей к русофильскому движению в целом, особенно к его массовой, «народной» составляющей, имеют политический характер. Он отметил, что «Австрия сто лет относилась терпимо и даже благосклонно к своим русским подданным... но затем, лет сорок тому назад... стали искусственно и насильственно насаждать украинское мазепинство в самой ужасной его форме - ненависти ко всему православному и всему русскому»²⁰. И, по его мнению, именно позиция австрийских властей в «галицком вопросе» существенно осложняет австро-русские отношения.

В присутствии многих зарубежных корреспондентов и большого числа любопытствующих суд выслушал несколько сотен свидетелей, в том числе прихожан священников Игнатия и Максима, многочисленных экспертов по религиозным вопросам, представителей австрийского Генерального штаба. Украинствующие униаты во время процесса прилагали все усилия, чтобы подсудимым, как изменникам «найяснейшего монарха», был вынесен смертный приговор через повешение.

Перед судьями же вырисовалась иная, реальная картина: обвиняемые не виновны в предъявленных им преступлениях, они всего лишь желали открыто исповедовать не греко-католическую, а Православную

веру; в русском и украинском народах, проживавших за границами Австро-Венгерской империи, они видели исключительно своих братьев по вере. Судьям не удалось доказать, что они шпионили по заданию России. Нарочито смехотворные доказательства серьезных обвинений не могли стать основой для иного вердикта присяжных.

6 июня 1914 г. суд присяжных в составе 9 поляков и 2 евреев единогласно признал подсудимых невиновными, подчеркнув, что они не занимались политикой, а их деятельность не преследовала цель изменения государственных границ Австро-Венгрии. Присяжные заседатели, оправдывая подсудимых, совершали довольно смелый поступок, так как председательствующий судья в своей напутственной речи заседателям, очевидно, по указанию свыше, не скрывал надежды на то, что будет вынесен обвинительный приговор. Освобождение всех обвиняемых причинило большое огорчение и самостийникам.

Интересно, что лидер украинского движения Левицкий в своих воспоминаниях высказывал убеждение, что процесс был инспирирован польской администрацией для того, чтобы доказать свою непричастность к русофильской пропаганде²¹. Подобные соображения высказывал и посол России в Вене Н.Н. Шебеко, отметивший, что «самый вердикт присяжных (по 20 пунктам обвинения он был единогласным оправданием, а по 4 из 10 голосов 8 высказались за оправдание) многими объясняется как сознательный политический маневр присяжных заседателей-поляков: вердикт этот будто бы главным образом основан на расчете, что оправдательный приговор наносит удар слишком усилившемуся в последние годы мазепинству и, усилив русскую партию, служит службу полякам, закрепив раскол среди галичан. Он равным образом будто бы послужит на пользу полякам в пределах России». Шебеко при этом подчеркивал, что весь процесс носил явный политический характер, и «поэтому неудивительно, что все участвовавшие в нем элементы, начиная с коронных судебных властей и кончая присяжными, испытывали на себе влияние политических и национальных интересов». Оценивая возможные последствия оправдательного приговора, посол отмечал также, что «приговор не успел снять с обвиняемых всякое подозрение в глазах общественного мнения Австрии. Здесь невольно чувствуют, что за закономерным стремлением к культурному сближению с Россией - какового они нисколько не скрывают - у галичан таится глубокое тяготение к России, которое не может рано или поздно не вылиться в политическое сближение»²⁰.

Повторный арест и заключение в концлагере Талергоф

Выйдя из тюрьмы 7 июня 1914 г., священник Игнатий Гудима возвратился в родные Дитковцы к семье. Но на свободе он пробыл недолго.

1 августа началась Первая мировая война. Снова начались аресты людей, подозреваемых в пророссийских симпатиях, а также массовые репрессии православных верующих²³.

Священник Игнатий Гудима вновь был арестован в августе 1914 г., заключен в тюрьму в Бродах, из которой освобожден русскими войсками. После их отступления он не ушел с беженцами, а вместе с рядом других жителей Бродовского уезда, подозревавшихся в русофильских симпатиях, был арестован в очередной раз и приговорен к смертной казни. Чудом он избежал исполнения приговора на висельнице. Когда отца Игнатия в рясе и крестом на груди в группе арестованных галицко-русских крестьян жандармы проводили через Львов, то толпа националистов начала кричать: «Зрадники!» Фанатически настроенные лица с палками и камнями набросились на православного священника. От тяжелых побоев отец Игнатий потерял сознание и упал на мостовую. От смерти его спасло лишь то, что на него упал избитый крестьянин и своим телом прикрыл лежавшего в крови священника. Озверелая толпа, думая, что отец Игнатий убит, бросила его лежать на улице. Полицейская карета отвезла его в городской морг. Там при осмотре отец Игнатий обнаружил признаки жизни. Страдалец был перевезен в больницу, в которой были подлечены его тяжелые раны²⁴. Гонители не пожалели его, больного и израненного, и отец Игнатий был заключен в Вейнберге в Нижней Австрии.

В мае 1915 г. отец Игнатий был отправлен в австрийский концентрационный лагерь для интернированных русинов - Талергоф²⁵, расположенный в одной из альпийских долин возле Граца, главного города провинции Штирия. В дневнике студента Феофила Курилло сохранилась запись о его прибытии: «30 мая. Воскресенье. Утром прибыла новая партия интернированных, числом 500 человек, из разных городов. Среди них православный священник Гудима из Вейнберга и несколько крестьян из Грибовского и других уездов. Их разместили частью в трех карантинных бараках, частью в бараках №№ 31, 32 и 33. Пелагея Сандович спрашивает о. Гудиму про его жену. До 28 мая интернированных в Талергофском лагере насчитывалось 5 164 человека»²⁶.

Священник Игнатий ходил со всеми на работы, держал себя твердо и мужественно, пытался еще учить французский язык²⁷, занимался художественными работами, принимал участие в православном богослужении в лагерной православной часовне для узников-буковинцев, которую устроил вместе с активным русинским деятелем из Покутья Юлианом Николаевичем Киселевским и его братом - священником²⁸. Как и другим интернированным там русинам, никаких официальных обвинений священнику Игнатию предъявлено не было. Отец Игнатий

Гудима был в числе заключенных, которых подвергли пытке-наказанию в виде «подвешивания» за указание при перекличке своей русской (Russian) национальности²⁹. Там же, в Талергофе, умер 10 марта 1917 г. отец свящ. Игнатия, 70-летний псаломщик Филипп, арестованный в 1914 г.³⁰

Из талергофского лагеря немцы отдали отца Игнатия своему протестантскому (согласно другим сведениям, католическому) пастору, который поручил православному священнослужителю рубить дрова. Больной отец Игнатий несколько лет тяжело трудился чернорабочим за одно пропитание у Йогана Куеиса в Гросс-Стеллендорфе недалеко от известного Геллерсдорфа (Hellersdorf). Супруга отца Игнатия матушка Александра с маленьким ребенком ушла вместе с русскими войсками при их отступлении из Галиции и проживала в России. Однако грозные революционные потрясения и гражданская война в России не пощадили многострадальной семьи священника³¹.

Последние подвижнические годы жизни: юродство о Господе и мученическая кончина

Последние годы жизни отца Игнатия Гудимы прошли в редком и чрезвычайно трудном подвиге юродства³².

Односельчанин и школьный друг Игнатия Гудимы Василий Дикий, узнав о его страдальческом положении, перевез его в родное село Дитковцы, где он проживал до смерти. Там отец Игнатий поселился в родительской старой, полуразрушенной хате, жил как нищий отшельник и как местный юродивый Христа ради³³. Большую часть времени отец Игнатий Гудима проводил в горячей молитве, читал Псалтирь, иногда играл на скрипке. Питался редко и тем, что приносили ему милосердные крестьяне, спал на твердой лавке и на камне под головой, плохо одевался. От непомерных подвигов он часто терял сознание, болел так, что не имел даже сил подняться со своего твердого ложа. Несколько раз его находили полумертвым³⁴.

Светские друзья отца Игнатия, не понимая смысла духовных подвигов своего наставника, полагали, что у него под влиянием физических и нравственных мучений развилось тяжёлое психическое заболевание. По их мнению, душевная болезнь в результате перенесенных потрясений, избиений и страданий полностью вырвала иерея Игнатия Гудиму из общественной жизни. Друзья отца Игнатия помогали ему, как могли, в Северной Америке печатались воззвания о помощи страдальцу и собирались средства для его лечения³⁵.

При этом в 1920-е гг. и позднее имя о. И. Гудимы нередко упоминалось участниками русского движения Галичины как мученика за Православие и борца за русскую идею³⁶. Например, во втором выпуске «Талергофского альманаха» о нем говорится следующее:

«Священник Игнатий Гудима, сынъ дьяка Филиппа изъ Дытковецъ Бродскаго уѣзда. Голова у него тяжела, но не отъ похмѣлья, а отъ горя и кручины³⁷; онъ сдѣлалъ ненужный далекий путь, сидѣлъ два года въ тюрьмѣ у Львовѣ, побывалъ въ Талергофѣ, спалъ въ одномъ рваномъ рубищѣ въ погребѣ католическаго патера, ѣлъ картофель, рубилъ дрова и вернулся въ родную страну, каюсь: грѣшенъ я, душу спасать надо»³⁸.

По имеющимся сведениям, отец Игнатий Гудима был расстрелян гитлеровцами во время оккупации ими Галичины. Погребен отец Игнатий на кладбище возле деревянного Михайловского храма в центре родного села. Его могила с надписью «Отец ИГНАТИЙ ГУДИМА. Борец за воссоединение галичан с Русской Православной Церковью, узник австрийских тюрем и концлагеря Талергоф. Убит в 1944 на 62 году жизни немецкими фашистами в родном селе Дитковцах»³⁹ находится с северной стороны храма. На родной земле о. Игнатий обрел упокоение своего тела, а его душа наследовала вечное блаженство во Господе, которому он верно служил и был верен всю свою страдальческую жизнь.

Значение служения отца Игнатия Гудимы

«Раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его» (Ин. 13.16), - предупредил всех Своих последователей Господь наш Иисус Христос. Такие же книжники и фарисеи, как те, что гнали Христа двадцать веков назад, с той же яростью всегда преследовали и сегодня с той же жестокостью готовы гнать истинных посланников Христовых.

По слову апостола Павла, «Все по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9, 23), отец Игнатий совершил великий подвиг пастырского служения среди родных ему галичан, духовного очищения их от измены Православию.

Мученическая смерть отца Игнатия - очевидная победа веры и его духа, ибо гонители «воинов Божиих и Христовых не убивают, а увенчивают», - сказал священику Киприан Карфагенский (Послание 66). Он пострадал и умер на земле ради вечной жизни с Христом и ныне прославлен Богом в небесных обителях покоя и радости!

Исповеднический подвиг смиренного, кроткого раба Божьего и верного Христова священнослужителя Игнатия Гудимы свидетельствует о том, что в Галицкой Руси всегда были, есть и будут верные последователи галицко-волинского подвижника XIII в. святителя Петра, бывшего игумена Ратненского - труженника единства Руси и Русской Православной Церкви, духовного строителя Дома Богородицы на Руси и послушника Богоматери по созиданию духовного центра Руси - града Москвы, как третьего Рима, «удерживающего» мир на многие столетия от растления!

Наша священная обязанность - сохранить память об отце Игнатии и других страдальцах за Святое Православие на Галицкой Руси, донести историю об их подвиге до сознания грядущих поколений. Будем с благодарностью вспоминать тех, кто сохранил нашу веру, распространять свидетельства об их служении и обращаться с молитвенной поддержкой к Богу о тех, кто находится на передовой духовной брани на пограничье Западной Руси.

Учитывая, что ситуация в религиозной жизни на Западной Украине по-прежнему напряженная, знание жизненного пути и служения подвижников Православия, защищавших Православную Веру и Святую Русь от нападений униатов, очень кстати для укрепления духа православных галичан нашего времени. Также не будет лишним знать и о настоящем лице политиканствующих униатов, у которых вражда к Православию и принадлежность к папскому Риму ставится выше веры Христовой, и истинные причины возникновения нездорового национализма в нашей Украине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Решением Священного Синода Польской Православной Церкви от 7 июля 1994 г. священномученик Максим Сандович был причислен к лику святых. В святцах Польской Православной Церкви - священномученик Максим Горлицкий (*Память 24 августа/6 сентября*). URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41000.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

2. Ныне Бродовский район Львовской области, Украина (укр. Дітківці у складі Гаївської сільської ради).

3. Михаил Алексеевич Качковский (9 июля 1802, село Дубно Ланьцутского уезда - 20 августа 1872, Кронштадт) - галицко-русский общественный деятель и меценат, публицист, юрист. Михаил Качковский, будучи неженатым, во всём себе отказывал и копил из своего небольшого жалованья средства на общественные нужды. В 1861 г. М. Качковский основал во Львове газету «Слово», первую независимую большую политическую русскую газету в Галиции, которая служила органом старорусской партии и просуществовала до 1887 г.; редактором её он избрал Богдана Дедицкого, который, благодаря поддержке Качковского, получил возможность стать первым в Галиции русским профессиональным журналистом. Михаил Качковский считал малорусский народ частью триединого русского народа. Всё своё состояние, 80 000 гульденов (около 60 000 рублей), Михаил Качковский завещал на народные цели. На эти средства и в память заслуг Михаила Качковского в 1874 г. по инициативе протоиерея Иоанна Наумовича было основано в Галиции «Общество имени Михаила Качковского», имевшее своей задачей просвещение и поднятие уровня экономического благосостояния русинов путём распространения знаний, издания народных книг, устройства по городам и селам бесплатных народных читален, учреждения обществ трезвости, приютов и бурс для беднейших рус-

ских учеников, общественных хлебных складов, ссудных и сберегательных касс, экономических выставок и народных чтений.

4. Русин - самоназвание населения Древней Руси. Сам этноним «русин» - производное от слова Русь. Он упоминается в литературных памятниках с X в. (в частности, в текстах договоров с греками князя Олега (912 г.) семь раз, князя Игоря (945 г.) - шесть, в «Русской правде»). Долгое время данный этноним сохранялся на всей территории, входившей в состав Древнерусского государства. Тверской купец Афанасий Никитин писал в «Хождении за три моря» (XV в.): «А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что аз не бесермянин – русин».

К середине XIX в. этноним «русин» оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также населения севера Бессарабии и Холмщины. Австро-венгерские власти называли своих русских подданных русины, рутены (нем. Russinen, Rutnenen), в отличие от русских (российских подданных). Сами русины называли себя в единственном числе русин, а во множественном числе - рускими, веру свою - русскою, свой народ и язык - рускими. В свою очередь русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и др. Второй этноним населения Карпатской Руси - руснак. Население Карпатской Руси издавна проживало в соседстве с католиками-поляками. Само слово «руснак» возникло как противопоставление этнониму «поляк». Подробнее см.: Суляк С. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк Кишинев, 2007. № 4 (10). С. 29-30. См. примечание 1 к статье кандидата исторических наук, президента Общественной ассоциации «Русь» Сергея Суляка «Талергоф и Терезин: забытый геноцид». URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/suleak-talergof-terezin.html> (дата обращения 10.09.2011).

5. В статье «Гудима, Игнатий Филиппович» Википедии утверждается, что он поступил в Житомирскую духовную семинарию, где близко познакомился со своим земляком Максимом Сандовичем. Возможно, более достоверными являются данные брошюры В.П. Гладика «Мученик за Православие и русские идеалы на Галицкой Руси о. Игнатий Гудима» (Philadelphia, Pa, 1943. - 15 с.), автор которой был ровесником отца Игнатия и лично знаком со многими его друзьями.

6. Гладик В.П. Мученик за Православие и русские идеалы на Галицкой Руси о. Игнатий Гудима. Издание Просветительского фонда им. прот. Иоанна Наумовича в Америке по благословению Высокопреосвященнейшего Феофила, митрополита всея Америки и Канады. Philadelphia, Pa, 1943. С. 7.

7. В «Алфавитном указателе жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914 - 1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. Третья, значительно пополненная редакция. (Посвящается 50-летней годовщине Талергофской трагедии Прикарпатской Руси)», составленном Р. Д. Мировичем и изданном во Львове в 1971 г., указывается, что матушка отца Игнатия была из воспитанниц женского монастыря в Лесной. См.: URL: <http://www.talergof.org.ua/>

alfavitnyi_ukazatel1-g.html (дата обращения: 10.09.2011). Это указание следует признать более достоверным, так как Леснинский Богородицкий монастырь с момента его учреждения был призван путём воспитания девочек содействовать упрочению Православия среди «упорствующих» униатов, чуждающихся Православия. При монастыре действовала школа-приют с 4-годичным курсом. Перед Первой мировой войной в обители находилось около 500 монашествующих и более 600 учащихся. См.: URL: <http://www.monasterelesna.org/oMonastyre.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

8. *Гладик В.П.* Указ. соч. С. 9.

9. Священномученик Максим Сандович, называемый Горлицким, родился 19/31 января 1886 г. в селе Ждынь в Подкарпатье в семье лемков-униатов. После четырех лет учебы в гимназии Максим провел три месяца в василианском монастыре в Крехове, но его атмосфера оказалась чуждой для молодого человека. Он разочаровался в увиденной в монастыре духовной жизни. Продолжая духовные искания, в 1904 г. он оставил монастырь и поступил послушником в известную своими богатыми духовными традициями и святынями Почаевскую лавру. Этот монастырь находился недалеко от австро-венгерской границы на российской стороне. Около года Максим пробыл послушником в Почаевской лавре. Во время одного из своих пастырских посещений епископ Житомирский и Волынский Антоний (Храповицкий) обратил внимание на молодого и способного послушника. В награду за образцовое поведение он направил его для дальнейшего обучения в Волынскую духовную семинарию в Житомире. Учеба в семинарии продолжалась шесть лет. После ее окончания с наилучшими результатами в 1911 г. Максим женился на дочери сельского священника Пелагее Григоруку. 17 ноября 1911 г. Максим был рукоположен в священники тогда уже архиепископом Антонием (Храповицким). Владыка предложил молодому священнику трудиться на пастырской ниве в Киевской епархии, однако отец Максим твердо решил вернуться на родину, в край лемков, среди которых росло и ширилось движение за возвращение из унии в Православие. Он посвящает себя тяжелой миссионерской работе среди столь близкого ему народа. Сразу же после начала Первой мировой войны, 4 августа, отец Максим был арестован. Были конфискованы все его богослужебные книги и книги на русском, украинском и польском языках и даже православные иконы, привезенные им когда-то из Житомира. В окружении жандармов, избитого, его повели в тюрьму в Горлицы. На следующий день австрийские жандармы арестовали его близких: беременную жену Пелагию, отца Тимофея - псаломщика, брата Николая и других членов семьи. 6 сентября 1914 г. без суда и следствия австрийская военная команда под предводительством ротмистра Дитриха расстреляла отца Максима во дворе тюрьмы города Горлицы на глазах его беременной жены, отца и односельчан. Последними словами Максима Сандовича были: «Да живёт Святое Православие! Да живёт Святая Русь!».

К сожалению, имя священномученика Максима (Сандовича) отсутствует в наших святцах в день его мученичества, и только благодаря архиепископу Львовскому Августину празднуется лишь в третье воскресенье по Пятидесятнице в Соборе Галицких святых - местном праздновании Львовской епархии Украинской Православной Церкви. Решение о праздновании Собора Галицких

святых в Львовской епархии было принято по предложению митрополита Киевского и всея Украины Владимира 3 апреля 2001 г. на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви.

10. Военные преступления Габсбургской монархии. Галицкая Голгофа, Талергофский альманах. Львов, 1924, Типогр. Ставропигийского института. Приложение (на галицко-русском наречии). URL: <http://galich.org/5/5.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

11. Так называлась ранняя (начала XX в.) конструкция проектора, дающая увеличенное изображение со стеклянного диапозитива.

12. **Бендасюк Семен Юрьевич (1877-1965, Львов), публицист, историк, журналист, православный общественный деятель.** Родился в крестьянской семье в Галиции (Австро-Венгрия). Закончил гимназию в Коломые и юридический факультет Львовского университета. В марте 1912 г. за участие в подготовке журнала для православных галичан вместе со священниками сщмч. Максимом Сандовичем и Игнатием Гудимой, студентом В. А. Колдрой арестован австрийскими властями по обвинению в государственной измене. Судебный процесс, получивший известность как «процесс Сандовича-Бендасюка», происходил на волне массовых государственных репрессий против тех, кто в Галиции исповедовал Православие и идею общеславянского национально-культурного единства. После 2 лет и 3 месяцев тюремного заключения Бендасюк и его товарищи были отпущены на свободу.

В июле 1914 г., накануне Первой мировой войны, Бендасюк уехал в Россию и тем самым избежал повторного ареста, жил в Ростове-на-Дону, после установления советской власти эмигрировал в США, где был главным редактором газеты «Прикарпатская Русь». В 1927 г. вернулся во Львов (в то время территория Польши, с 1939 г. - СССР), работал в архиве Ставропигийного института (научный центр галицко-русинского движения, закрыт в 1939 г.), активно сотрудничал с Львовским православным братством (с 1936 г. - член правления) и его печатным органом журналом «Воскресение» (№ 1 вышел 15 мая 1928 г.). С июня 1945 г. был старостой львовского православного храма во имя вмч. Георгия Победоносца. Похоронен на львовском Лычаковском кладбище. (Статья Фролова К.А. в «Православной Богословской Энциклопедии». Т. 4. С. 594. URL: <http://www.pravenc.ru/text/78014.html> (дата обращения: 10.09.2011)).

13. *Гладик В. П.* Указ. соч. С. 10.

14. *Фролов К.А.* Русские Карпаты – Terra Incognita Православного мира. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/ruskarpaty.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

15. Цит. по: *Фролов К.А.* Указ. соч. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/ruskarpaty.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

16. Военные преступления Габсбургской монархии. Галицкая Голгофа, Талергофский альманах. Львов, 1924. URL: <http://galich.org/5/5.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

17. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение» и его судьба накануне Первой мировой войны. URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/kloпова_rudvi.html (дата обращения: 10.09.2011).

18. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение»...

19. Россия. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия II. 10 мая 1914 г. С. 386. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение»...

20. Там же.

21. *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848-1914. На підставі. Львів. 1926. С. 99. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение».

22. Н.Н. Шебеко - С.Д. Сазонову, 2/15 июня 1914 г. //АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 116. Цит. по: *Клопова М.* «Русское движение»...

23. Всего за время русинского геноцида было уничтожено 120 тыс. человек (!). Среди них – около 300 униатских священников, только заподозренных в симпатиях к Православию. Казнены, нередко без суда или же по решению военных судов, десятки «руських» крестьян, заподозренных в шпионаже, а на деле просто посещавших читальни общества им. Качковского, голосовавших за кандидатов от Русско-народной партии или же просто носивших православный нательный крестик. Более 100 тыс. галичан ушли в Россию вместе с отступавшей русской армией летом 1915 г. Эти сведения приводит польский депутат Венского парламента А. Дашинский (все русские депутаты этого парламента были расстреляны) («Временник», Львов, 1938 г.). В результате тотального геноцида русинов к 1931 г. их процентный вес во Львове сократился почти вдвое. И все же, несмотря на такого рода искусственный отбор русофобского населения Галиции, идею русскости уничтожить не удалось. См.: *Скворцов Д.* Эх, были люди!.. 750-летию столицы Галицкой Руси посвящается. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=1315> (дата обращения: 10.09.2011).

24. Талергофский альманах: пропамятная книга австрийских жестокостей и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг. Вып. 1-4. Львов: Издание Талергофского комитета, 1924-1932. Вып. 3. Талергоф. Ч. 1. Издание Талергофскаго Комитета. Типографія Ставропигійскаго института подь управліннямь Мирона Мацака. Львов, 1930. С. 134.

25. Талергофский концентрационный лагерь в песчаной долине у подножья Альп, недалеко от Граца, сделался с 4 сентября 1914 г. до 10 мая 1917 г. местом истребления русинов. Чего не смог сделать австро-венгерский штык, довершили тиф и холера, холод и голод. Был случай, когда 11 человек, заключенных в лагерь, как значится в похоронном дневнике, «загрызли вши». Свыше 3000 сынов и дочерей Галицкой и Буковинской Руси погибли в Талергофе. А около 20 тыс. заключенных, оставшихся в живых, покинули лагерь калеками, больными, избитыми. Один из историков Талергофа писал: «Будущий историк Галицкой Руси соберет все ее слезы и как бриллиантами украсит терновый венок ее мученичества... Люди гибли за победу русской правды, за русское сердце, слово и зная, за русскую песню и читальню, за русскую землю, за свободу, за освобождение прикарпатских народов от национального гнета и порабощения». *Гагарин А.П.* Из истории идеологической борьбы в Западной Украине. Советская наука. 1940. № 6. С. 3-16. Цит. по: Библиография к «Терезин и Талергоф» В.В. Ваврика. Составитель Р.Д. Минович. URL: <http://ukrstor.com/talergof/liter.html> (дата обращения: 10.09.2011); *Світлинскій Богдан.* Австро-Угорщина і Талергоф (в 25-літіє всемірної війни) (на галицько-руськом наречіи). URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/switlinskij_awstrougorscina.

html#glaw_14 (дата обращения: 10.09.2011). См. также: «Альбом снимков из концентрационного лагеря для военно-арестованных русских галичан и буковинцев в Талергофе, в Штирии (1914-1917). Издание Талергофского комитета. Львов, 1923, Типография Ставропигиального института под управлением Ю.И. Сидорака. URL: <http://galich.org/6/6.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

26. *Курилло Феофил Васильевич*. Дневник лемка из Талергофа (съ 14-го сентября 1914 г. по 22-ое августа 1915 г.). URL: http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah3-x.htm#almanah3_zhishn (дата обращения: 10.09.2011).

27. Запись в дневнике Курилло Ф.В.: «13. авг. - Пятница. ... Напротив меня поместился о. Игнатий Гудима и учится усердно французскому языку». // *Курилло Ф.* Указ. соч. URL: http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah3-x.htm#almanah3_zhishn (дата обращения: 10.09.2011).

28. Юлиан Николаевнч Киселевский (†1928 г.) под № 543 в труде: *Ваврик В.Р.* Члены Ставропигиона за 350 лѣтъ. (1586-1936). URL: <http://www.stavropigion.lviv.ua/vavrik-brat4iki.html> (дата обращения: 10.09.2011).

«Буковинские православные служили себе в своей миловидной (особенно внутри) часовне все богослужения, кроме св. Литургии, ибо все их старания получить от своего архиерея из Черновиц все нужное к служению св. Литургии, кончились ничем. Чтобы могли иногда буковинские православные причащаться, привозил им из Граца (кажется, из сербской церкви о. Прелич) освященные дары сюда в Талергоф и передавал их о. Киселевскому, а он сохранял их в кивоте на престоле». // См.: Талергофский альманах. Вып. 4. С. 118. <http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah4-x.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

29. Статья «Гудима Игнатий Филиппович» из Википедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F3%E4%E8%EC%E0_%C8%E3%ED%E0%F2%E8%E9_%D4%E8%EB%E8%EF%EF%EE%E2%E8%F7 (дата обращения: 10.09.2011).

30. Могила № 1619, ТА П, 14, 108. Офиц. спис. *Мирович Р.Д.* (составитель). Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914 - 1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. 3-я, значительно пополненная редакция. Посвящается 50-летней годовщине Талергофской трагедии Прикарпатской Руси. Львов, 1971 г. URL: http://www.talergof.org.ua/alfavitnyi_ukazatel1-g.html (дата обращения: 10.09.2011).

31. *Гладик В.П.* Указ. соч. С. 12-13.

32. Юродство - это особая форма пророческого служения, соединенная с крайней аскезой. Оно считается в церкви самым трудным подвигом святости, и потому на Руси только юродивым дозволено всегда говорить суровую правду в глаза всем, даже царям. Юродивые – это святые, достигшие святости через изображение внешнего безумия. Во имя достижения смирения и внутреннего света юродивые отказывались от всего: от имущества, семьи, дома, истязали себя холодом, голодом, ношением тяжелых цепей. Отказавшихся даже от употребления разума святых-юродивых принято называть блаженными. Подвиг юродства специфически православный, римо-католики, униаты и протестанты не знают подобной формы подвижничества.

33. *Гладик В.П.* Указ. соч. С. 14.

34. *Гладик В.П.* Указ. соч С. 14.

35. Там же. С. 12-13.

36. Величие подвига отца Игнатия Гудимы замечательно описал в своих сочинениях его земляк галицко-русский (русинский) писатель-поэт, литературовед, историк, исследователь фольклора и один из наиболее ярких представителей галицко-русского движения в XX в. Василий Романович Ваврик (1889-1970).

Библиография публикаций об отце И. Гудиме и указатель архивных документов о нем собраны Р.Д. Миновичем и опубликованы в «Алфавитном указателе жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. Третья, значительно пополненная редакция. Посвящается 50-летней годовщине Талергофской трагедии Прикарпатской Руси. (Составил Р.Д. Минович. Львов, 1971 г.)» под № 1939 (Рел. 4/8. 1914. № 477/пр. ЦГИА 1. С. 138, 155, 204 (С. 1331). ТА 1, 139; П, 13, 14, 20, 32, 57, 105, 108, 109; Ш, 90, 134; 1У, 116, 118. Ваврик. Талергоф. С. 19, 51. Обвинительный акт по делу Бендасюка и тов. (Приложение к «Прикарпатской Руси» № 1294 за 1914 год. «Прикарпатская Русь» за 17/8. 1914. № 2.). *Ваврик В.П.*: За что судили 25 лет тому назад? (В газ. «Русский Голос». 1939. № 125 и следующие очерки *Ваврика В.П.*: Отец Игнатий (в Календаре общества им. М. Качковского на 1935 г., с. 175-195); о. Игнатий Гудима (в газете «Русский Голос» за 14/3 1927 № 216); Жертва австрийского террора о. Игнатий Гудима (в газете «Русский Голос». 1930. № 27); В кольце штыков (в газ. «Русский Голос» 1928 № 280-281); Скрипка о. Игнатия (в газ. «Русский Голос» за 2/12. 1928. № 288); Талергоф. Из рассказа «В водовороте борьбы» (в газ. «Русский Голос» за 18/4 1925 № 117) и «На закате гаснувших дней» (рукоп. записки свящ. П.М. Микулы). URL: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (дата обращения: 10.09.2011); *Ваврик В.П.* Терезин и Талергоф (К 50-летней годовщине трагедии Галицко-Русского народа). Изд. протоиерей Р.Н. Самело, 1966 г. URL: <http://www.ukrstor.com/talergof/terezin.html> (дата обращения: 10.09.2011); *Гладик В.П.* Указ. соч.. С. 12-13.

37. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. Даля, кручина – то, что может крушить нравственно человека: грусть, тоска, печаль, огорчение, горе, длительное душевное страдание, томление.

38. Цит. по: статья «Гудима Игнатий Филиппович» Википедии.

39. *Громик В.* Сайт «Дерев'яні церкви Львівщини» - Бродівський район URL: <http://decerkva.org.ua/2brodD.html> (дата обращения: 10.09.2011).

Тетяна СОЛОГУБ-КОЦАН

ОРНАМЕНТАЛЬНІ МОТИВИ ГУЦУЛЬСЬКОЇ НАРОДНОЇ ВИШИВКИ ЗАКАРПАТТЯ (ЯСНІЯНСЬКИЙ ОСЕРЕДОК) КІНЦЯ ХІХ – ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХХ ст.

Народна гуцульська вишивка є надзвичайно яскравим та глибоким проявом творчих сил народу, вершин його мистецького хисту. Мистецтво вишивання вигадливих візерунків переходило від матері до доньки, постійно розвивалося, збагачувалося новими мотивами, способами виконання та композиційною структурою, дійшовши до наших днів.

У народній вишивці зливаються у гармонійну цілісність виконавська майстерність, природний талант та тонкий естетичний смак. Адже, гуцули – люди поетично-емоційні, люблять життя і замилені своїм рідним краєм. Вся краса сільських пейзажів з вічнозеленими ялинами та смереками, гірськими бурхливими потоками, пташиним співом та барвистими квітами, завдяки вмілим рукам карпатських вишивальниць, відтворилась на полотні. Наші прабабусі, мабуть, не знали письма, але в рідкісні хвилини перепочинку від нелегкої господарської праці шили, вишивали, «виписували» голкою дивовижні орнаменти на сорочках, скатертинах, рушниках.

Рахівщина – можливо єдиний регіон на Закарпатті, де досі збереглися давні традиції у народному мистецтві, зокрема у вишивці. Вони свідчать не про відсталість цього району, а навпаки, звеличують народне мистецтво, мотиви якого ніколи не старіють. В ансамблі гуцульського одягу вишивку бачимо майже скрізь. На сорочках нею оздоблювали вузькі комірки («ошийки»), нагрудники, верхні частини рукавів («уставки») та манжети («дудики»).

Вишивка на рукавах жіночих сорочок в Карпатах називається уставкою. Таку назву їй надано через те, що вона вставляється в рукав. Сама уставка складається з трьох частин: центральної частини уставки («власне уставки»), обрамляючих її стрічок («червачків»), над якими вишиті орнаментальні зубчаті смуги («поверхниці»). Узор центральної частини складається з рядів різноманітно окреслених і з'єднаних в ряд ромбів, трикутників, розет. Незважаючи на суцільне заповнення фону тканини вишивкою, уставки завжди мають виразну симетрично-геометричну композицію. Центральна частина обрамляється «поверхницею» з нижньої і верхньої сторони, або тільки з

верхньої. В «поверхниціях» переважно вишиті підмотиви або зменшені мотиви, що відповідають орнаментальному трактуванню домінуючих мотивів центральної частини уставки. Поетичною мовою художнього рішення наділені трирядові або однорядові стрічки – «червачки», які виділяють центральні частини уставок від обрамляючих «поверхниць». У них також переважно витриманий тридільний принцип. Посередині вишита домінуючим кольором уставки кіска, а обабіч скісною гладдю або хрестиком – стрічки («путки», «снурки»). Їх ще іноді називають «перекладені», бо в них перекладаються кольори ниток, використаних для вишивання центральної частини уставок^{1,2,3,4}.

Уставка в жіночій сорочці займає основне місце, тому вишивальниці надають їй найбільшого значення, намагаються вкласти в неї якнайкращі узори. Уставка – це поезія на полотні. Адже гуцульські вишивальниці в уставкових вишивках показували своє обдарування та природній хист, вміння досягти вершин мистецької досконалості. Вони дуже вимогливо ставились до вибору та укладання узорів. Коли орнамент був вже підібраний, продуманий до деталей, тоді вишивальниця на окремому прямокутному шматку полотна шила одну, а потім іншу уставку.

В Рахівському районі побутували уставки різної величини. Їх розміри залежали від узору, підібраного до сорочок відповідного призначення: буденної та святкової («празникової», «про цирьков»). Святкові сорочки одягали, йдучи до церкви, у гості, на весілля. Кожна гуцулка прагнула мати найкраще вишиту сорочку, показати людям, як вона вміє поєднувати яскраві барви. Нерідко сорочка ставала об'єктом хизування дівчат одна перед одною. Це оспівувалося в народних пісеньках, коломиїках:

Ой кувала зозулечка, та сіла на тичку,

Мені мамка вишивала вишивану сорочку^{5,6}.

Варто відмітити, що вишивка на сорочках відіграла не тільки декоративну та естетичну функцію. Впродовж віків їй надавалось важливе образно-символічне значення. Ще сто років тому досліджуючи вишивку, В. Стасов відзначав: «У народів древнього світу орнамент ніколи не містив у собі жодної зайвої лінії, кожна рисочка мала тут своє певне значення... Це складна мова, послідовна мелодія, що має свою основну причину і призначена не лише для очей, а й для розуму і почуттів»⁷. Дійсно, усі образи народного мистецтва пройняті глибоким змістом, і сьогодні важко з'ясувати початкову семантику сюжетів, бо з плином часу все забулось і переплуталось. Цілісні композиції були розділені на частини, з'явилися поєднання компонентів з різних сюжетів. Функції давніх символів втратили своє первинне значення, набуваючи нового змісту. Повністю прочитати і розшифрувати давні орнаменти сьогодні неможливо.

Метою даного дослідження є спроба аналізу орнаментального мистецтва одягової вишивки ясінянських гуцулів Закарпаття. На основі літературної, джерельної бази, власних спостережень та взірців гуцульської народної вишивки з колекції Марії Грицак (фондове зібрання Закарпатського музею народної архітектури та побуту) автор прагне подати цілісну інформацію про орнаментальні мотиви, художні особливості, символику вишивки досліджуваного регіону.

Вишивка ясінянського округу за своїм змістом є найбільш насиченою, яскравою, з стрічковою композицією, що насичена багатьма орнаментальними мотивами. Саме вони в поєднанні утворюють цілісну картину. Локальна група ясінянських гуцулів окреслена долиною річки Чорна Тиса та її приток. Серед основних населених пунктів, що відносяться до даного регіону, слід віднести: Чорна Тиса, Ясіня, Лазещина, Стебний, Кваси, Сітний, Тростянець, Білин.

У досліджуваній колекції представлені взірці одягової вишивки. Серед них насамперед виділяємо «уставки», нагрудники чоловічих сорочок, манжети («дудики», «дуди») та вузькі комірці («ошийники»).

Найяскравішими та найбільш вишукано оздобленими вишивкою були уставки жіночих сорочок. Відразу ж відмічаємо, що уставки, які збереглися до наших днів і знайшли своє місце у музеї, представляють собою мистецтво вишивки 20-40-х рр. ХХ ст. Про це свідчить їх поліхромна колористика та дрібноузорний орнамент. Однак, не зважаючи на це, вони зберегли орнаментальні мотиви давнішого періоду.

Найчастіше гуцульські майстрині вишивали п'ятирядові уставки. Цікавими були уставки, в основі яких лежала широка смуга з орнаментованою внутрішньою площиною, де зображено кілька ромбів з усіченими

ми кутами. З усіх геометричних форм ромб найчастіше зустрічається в гуцульських вишивках. Творча фантазія вишивальниць наділила його особливою силою художньої ви-

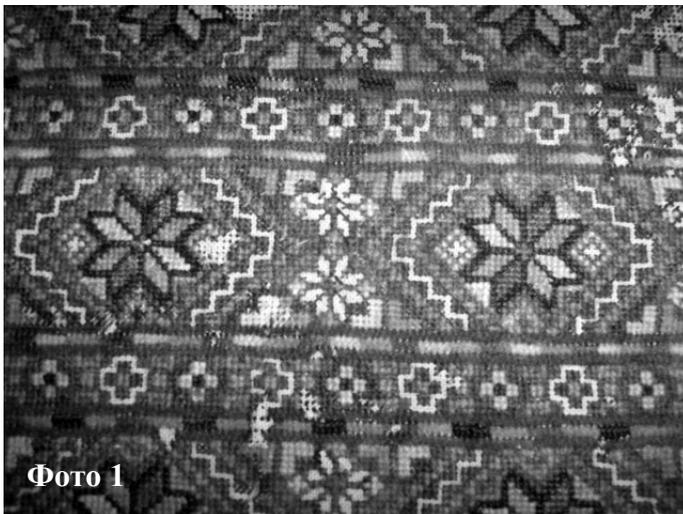

Фото 1

разності. Гідна подиву його багатоваріантність. В даному випадку ромб з усіченими кутами гармонійно поєднаний з восьмипелюстковою розеткою, що вписана в нього. Серцевину розети подано у вигляді малого хрестика («хрестя»). Поміж ромбами вишито по дві маленькі восьмипелюсткові розетки. Стрічки («червачки») обрамлені вузькими смужечками («путками»), в яких перебирається (перекладається) колір – червоний, жовтий, зелений. Основу ж «червачків» становить смуга, що складається з квадратів із загнутими всередину кутами («ягода»)⁸ та квадратів з виступаючими кутами. Ці два мотиви, послідовно чергуючись, утворюють своєрідні «квадратові віночки». Третя частина уставки («поверхниця») є логічним продовженням центральної широкої смуги. В її основі лежить половина орнаментальної композиції центральної частини («власне уставки»)^{9,10} (див. фото 1).

Цікавою за змістом та орнаментальною побудовою є уставка, в основі центрального ряду якої лежать чотири стилізовані квітки («ружі»). Їх характерною особливістю є те, що пелюстки розмежовані прямим та скісним хрестами, які пересікаються. «Хрести» як один із мотивів української народної орнаментики сформувався ще в добу неоліту. Дохристиянським його поширенням пояснюється те, що в українській народній орнаментіці порівняно мало канонізовано-емблематичних зображень цього знака, звичних для церковно-релігійного мистецтва. Однак, невичерпність народної фантазії засвідчують сотні варіантів улюблених хрестикових візерунків. Завдяки прийому пересікання різних видів хрестів утворюються вісім пелюстків. Прямий хрест ділить площину квітки на чотири частини («пелюстки»), а за допомогою скісного, кожна з них в свою чергу поділяється ще на дві. Таким чином утворюється

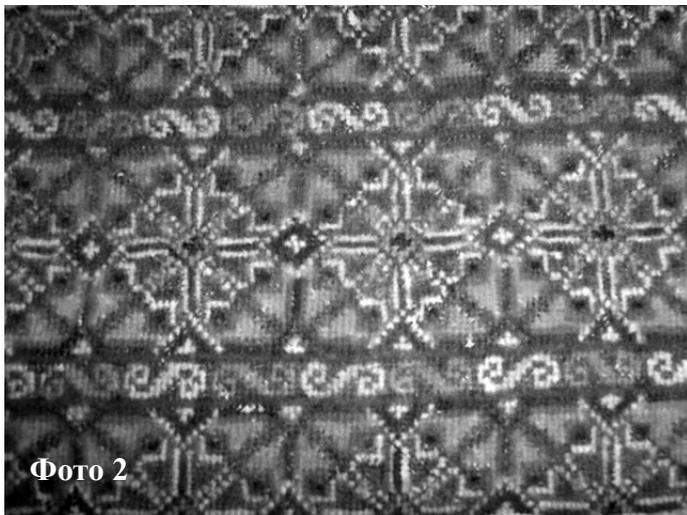

Фото 2

стилізована восьмипелюсткова квітка чи розетка. У народі даний мотив отримав досить цікаве трактування: прямий хрест – символ чоловічого начала, Сонця; скісний хрест –

символ жіночого начала, Місяця. Поєднання цих начал дає всьому життя. А утворена розетка є символом самої Природи. Слід відмітити, що розетка – це один із найбільш поширених архаїчних мотивів гуцульської вишивки. Вона має чотири, шість або вісім загострених чи заокруглених пелюстків. Часто пелюстки однієї розетки вишиваються почергово нитками двох кольорів. Розетки чергуються із зображеннями ромбів, кругів, квадратів, хрестів, есовидних фігур тощо. В нашому випадку есовидні фігури виступають основним мотивом обрамляючих стрічок («червачків»). Есовидні мотиви («глисти», «нумери») розділені у верхній та нижній частині орнаментальними рисочками з виступами («вітрячками»)^{11,12,13,14} (див. фото 2).

Заслужовують на увагу уставки, де домінує реалістичний, стилізований рослинний характер. В залежності від їх орнаментальної побудови виділяють різні назви уставкак: «дубове листя» та «квітчасті». Приклад уставкак з домінуючим мотивом «дубове листя» (в одній з його варіацій) зустрічаємо й у досліджуваній нами колекції. Тут «дубове листя» народна мудрість гуцульських вишивальниць подає у вигляді чотирипелюсткових квіток. Функцію пелюстків якраз і виконує «дубове листя» стилізованої форми. Його виступи загострені по контуру. Неабияку винахідливість продемонстровано й при зображенні поєднання чотирьох листочків. Їх нижня частина подається у формі прямих кутів. У зв'язку з цим утворюється мотив прямого хреста. Подібний прийом ще раз підтверджує істину про багатогранність та багатофункціональність гуцульської вишивки. Жінка намагалась показати на полотні своє ставлення до життя, віру в Бога. На перший погляд, форма хреста в даному взірці не проглядається. Однак, розібравши його по деталям, ми чітко ба-

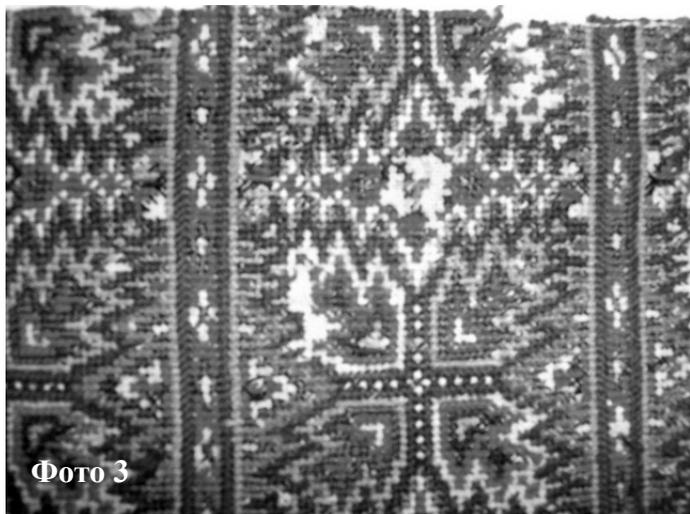

Фото 3

чимо хрест («прямий»). Все це говорить про те, що у вишивку жінка вклала не лише професійні вміння, але й душу, з а в д я к и чому на світ з'являлись справжні витвори мистецтва.

На стику двох квіток, утворених за допомогою «дубового листа», утворюються своєрідні стилізовані мотиви, де головну роль відіграє ромб з видовженими по горизонталі сторонами. Центральний ромб найбільший. Обабіч нього, у верхній та нижній частині, розміщено по три дрібні «ромбички»^{15,16} (див. фото 3).

Своєрідними у композиційній побудові орнаменту є так звані «квітчасті» уставки. В їх основі лежать закомпоновані в коло, ромб чи квадрат великі стилізовані квіти з дрібноузорними деталями. Так, на одній з уставок з села Кваси, основу становить велика стилізована квітка, закомпонована в коло з усіченою верхньою та нижньою частинами. Структурно дана квітка складається з трьох основних частин: центральної та двох бічних. Центральна частина подається у вигляді двох напівквіток, між якими зображені два кружечки («очка»). Дві бічні сторони подаються як подвійні «завитки», що нагадують стилізовану квіточку з пелюстками. Таку складну форму квітів у народній вишивці називають «рачки», «мороки»^{17,18} (див. фото 4).

Не менш ретельним був підхід до оздоблення вишивкою, окрім уставок, й манжет («дудиків»), ошийників («ошийок») та нагрудників на чоловічих сорочках ясніянських гуцулів. Нерідко орнамент даних деталей сорочок повторював візерунок уставки. Однак і тут можна зустріти певні елементи, як давнього походження, так і мотиви більш пізнішого періоду.

Найяскравішу групу вищезгаданих деталей сорочок, оздоблених вишивкою, представляють «нагрудники», якими прикрашали поздовжній розріз чоловічих сорочок. Найпоширенішим елементом тут, так само як і в уставках, є ромб: ромби, що торкаються бічними сторонами, ромб

Фото 4

з усіченими верхнім та нижнім кутом, ромб з урізаними кутами. Виділяються однорядові та п'ятирядові нагрудники. Контури однорядових нагрудників оздоблювались різно-

манітними вузькими смугами: «снурками», «шахівничкою», стебелевим швом, простими рядками, виконаними хрестиком.

В основі одного із взірців нагрудників лежать чотири ромби, що торкаються бічними сторонами. Багатоваріантність заповнення внутрішньої площини ромба, велика кількість кольорів, вказують на те, що це вишивка 20-30-х рр. ХХ ст. Функцію серцевини великих ромбів виконують мотиви прямого та скісного хрестів, закомпоновані в ромб. Подібний прийом, завдяки якому внутрішнє поле ромба ділиться на вісім частин, ми спостерігали і при характеристиці уставок. Доповненням до ромбів є трикутники з восьмиконечними зірками всередині¹⁹.

Зустрічаються нагрудники, де провідним мотивом є ромб з урізаними всередину кутами та складною внутрішньою побудовою. Так, в основі лежить ромб з «баранячими ріжками». У мотиві «баранячі ріжки» завжди є спіральні елементи. Вони можуть бути стилізовано прямокутними (у вишивці), криволінійними (у розписах, витинанках, обробці дерева й металу). Специфічною для цього мотиву є дзеркальна врівноваженість двох антитетичних (протилежно обернених) ріжок. Рідше вони спрямовані на зустріч один одному, мають не дзеркальну, а інші види симетрії, або зовсім її позбавлені. Подібні спіральні візерунки в народі називають й по-іншому: «вівчарки», «гачки», «кучері», «крученики». Внутрішня площа ромба з «баранячими ріжками» закомпонована восьмипелюстковою квіткою («ружею»)^{20,21}.

Як і уставки, нагрудники бувають п'ятирядові. Їх композиційні структури теж схожі. Тут так само центральна смуга найширша. Основний мотив – ромб із закомпонованою внутрішньою площиною. Найпоширенішим варіантом внутрішньої площини ромба є його заповнення стилізованими восьмипелюстковими квітами («ружами»). Допоміжними елементами могли служити трикутники, дрібні кружечки («очка»), хрестики, декоративні рядки з дрібних геометричних фігур^{22,23}.

Крій, еволюція народного моделювання впливали на принцип розміщення вишивки на окремих частинах сорочок. Це стосується і оздоблення вишивкою пазухи («нагрудників»). Поширені три методи розміщення вишивки на пазах: вертикальні суцільні смуги, вишиті близько обабіч розрізу пазухи; дві паралельні вертикальні стрічки, вишиті на відстані двох-трьох сантиметрів від зарубленого розрізу пазухи; суцільна вертикальна смуга вишита на правій половині пазухи. В кінці ХІХ ст. внизу розрізу пазухи почали нашивати прямокутні клинці, на яких вишивка розмішувалася в горизонтальному напрямку, обрамляючи вертикальні смуги, вишиті вздовж розрізу пазухи²⁴.

Вишивка манжетів («дудиків») залежала від їх форми. Однорядними стрічками розміщені орнаментальні мотиви на вузьких обшивках. Сорочки, в яких вишивка розміщена на «дудиках» і комірі, виступали пере-

важно як буденне вбрання. В них продумана чітка система вишивання манжетів, що має кілька варіантів. Згідно характеру композиційного рішення вишивок на манжетах виділяються чотири основні типи сорочок. До першого відносяться сорочки, в яких манжети вишито вузькою смугою, обмеженою по краях петельчатим швом. Тут багато білого поля, вишивка розміщена по краю, біля обмітки. До другого типу відносяться сорочки, в яких краї манжет обметані петельчатим швом, центральна смуга вишита «хрестиком» або «низинкою», а вище неї ідуть ряди «стебнівки», збирання в складки («морщення»). У таких манжетах між вишитими смугами ефектно виступає біле полотно. Своєрідність третьої групи створює те, що вся площа манжетів густо вишита або «низинкою», або «хрестиком», а краї густо обметані. Сорочки з такими манжетами по щільності вишивки гармонують зі структурою запасок, творять цілісні акценти в єдиному ансамблі одягу^{25,26}.

Зустрічаються манжети, контури яких обрамлені вузькими смужечками. Їх внутрішня площа закомпонована ромбиками з виступаючими сторонами, «шахівничками», стебелевим швом, рядком із дрібних хрестиків. Основним же елементом центральної смуги виступає ромб з усіченими верхньою та нижньою частинами. Контури даних ромбів заповнені дрібноузорними мотивами й утворюють форму скісних хрестів, внутрішня площа великих ромбів в основному закомпонована стилізованими квітами («ружами») у різних варіаціях. Найпростішим варіантом є восьмипелюсткова квітка, вписана в ромб, по кутам якого та в серцевині квітки розміщені дрібні ромбики з хрестиками посередині. Зустрічаються випадки, коли квітка закомпонована в ромб з відростами («вусиками»). Останні в свою чергу по контуру обрамляються, утворюючи одну велику композицію у вигляді квітки. Більш складнішою є квітка, пелюстки якої утворюються завдяки перетинанню її площини прямим хрестом. І накінець, найяскравішим та найбільш багатограним варіантом стилізованої квітки є її наступне зображення. В основі лежить ромб, поділений прямим та скісним хрестами на вісім частин («пелюсток»). По центру, у верхній та нижній частині розміщені дрібні ромбики. Центральний ромб по кутам має виступи («ріжки»), площа між якими заповнена стилізованими листочками. Подібні складні мотиви в народі називають «мороки». Поміж центральними ромбами у два ряди розміщуються трикутні мотиви. Їх внутрішня площа, зазвичай, заповнюється «завитками», «баранячими ріжками», рідше «напівзавитками»^{27,28,29}.

Однією з найменших за розмірами деталей одягу, що оздоблювалися вишивкою, є ошийники («ошийки») жіночих та чоловічих сорочок. Вони мають стрічкову орнаментальну побудову. Не дивлячись на те, що це в основному вузькі смуги (2-4 см), вони мають й ряд своїх

особливостей: неперенасиченість рґзними мотивами, простота, чґтке проглядання вґзерунку тощо.

Найпростґшим варґантом вґзерунку на ошийнику є лґнґя кривуля, побудована з покладених навкґсґ прямокутників або ж шестиґранных ромбикґв з крапочками всерединґ («очкати ромбики»), чотирикутників. Площина мґж утвореними таким чином кривулями заповнюється маленькими крапочками, ромбиками чи трикутниками. Такий мотив називається «кривулькови», «глистовий», «кручений». Він обрамлений рґзнокольоровими лґнґями, трирядовою шахґвничкою чи стебелевим швом^{30,31,32}.

Не менш цґкавими є «ошийки», де провґдним мотивом є ромб, що послґдовно чергується з рґзними геометричними чи згеометризованими фґгурами. Тут зустрґчаються такґ типи ромбґв: ромб з усґченими всередину кутами, ромб з виступами («вусиками») та «баранячими рґжками». Серед мотивґв, що чергуються з ромбом, утворюючи єдину орнаментальну композицґю, видґляємо прямґ хрести, завитки, стилізованґ шести-восьмипелюстковґ квіти. Допомґжними елементами можуть служити трикутнґ мотиви^{33,34,35}.

Одним зґ найдавнґших як у кольоровґй гамґ (жовтий, зелений, червоний кольори), так і в орнаментальнґй побудовґ є наступний вґзерунок «ошийок». Центральна широка смуга обрамлювалася вузькими стрґчками («путками»). В основґ ж орнаментальнґй композицґґ смуги лежать два мотиви, що послґдовно чергуються. Перший являє собою скґсну смугу, внутрґшня площина якоґ закомпонована косим рядком квадратикґв. Їх контури чорнґ, а серцевина («очко») – червона, рґдше синя або зелена. Подґбний мотив у народґ прозвали «розкоси», «смерґчка». Другий мотив у своґй основґ має ромб з прямим хрестом в серединґ. Хрест в основному вишивали червоними нитками. По бокам ромба розмґщувалися трикутники^{36,37}.

З наведеного матерґялу робимо висновки, що вишивка ясґнянського осередку є надзвичайно виразною, колоритною та насиченою рґзними барвами. Уставки на жґночих сорочках цґєї округи є широкими, їх композицґя стрґчкова, побудована з двох-трьох смуг, з яких одна найширша. Основним орнаментальним мотивом ясґнянських вишивок є ромб та його варґанти. Вишивки виконувалися «хрестиком» та «низинкою». Як структурний каркас використовувався «стебелевий шов» або ж вузькґ смужки («путки»). Домґнуючою для цього осередку була зелена, чорна, червона (XIX ст.), червоно-вишнева, жовтоґаряча (перша половина XX ст.) кольорова гама.

Як бачимо, орнаментальне мистецтво є одним зґ найяскравґших елементґв матерґяльної культури. Безперечно, повнґстю виявити й оцґнити художньо-образний змґст орнаменту найкраще можна безпосередньо на

тих предметах, на яких він використаний або для яких він створений. Це особливо стосується тих виробів, форма яких, матеріал, техніка виготовлення кладуть певний відбиток на характер орнаментальних узорів.

І все ж таки незаперечним є те, що альбоми зразків орнаментальних народних узорів приносять нам справжнє естетичне задоволення, служать важливим засобом для пізнання культури народу тої чи іншої епохи. Орнамент має здатність впливати на наші емоції, навіть будучи взятим окремо від предмета, на якому він використаний. В самій побудові орнаменту, мотивах, композиції закладений певний ідейно-художній зміст. Адже в народному мистецтві орнамент служить не тільки засобом прикрасення побутових виробів. В його вибагливих живих мотивах, у композиційній будові, в колориті народ втілює безпосереднє відчуття реальної природи, велике почуття радості життя, виявляє свій різносторонній талант.

Отже, орнамент, як і інші види мистецтва, становить своєрідну форму образного відображення дійсності. Він, як і інші види мистецтва, піддається змінам залежно від соціально-економічного і культурного розвитку суспільства. Нові соціально-економічні умови, нові художні запити закономірно і неминуче викликають до життя нові форми орнаменту, його нові стильові ознаки. Для кожної епохи характерний той чи інший орнамент, об'єднаний спільними стильовими рисами, незалежно від того, на яких виробках він виступає. Орнамент є, таким чином, рівноправною, значною галуззю духовної культури народу.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

1. Польові матеріали зібрані у селах Рахівського району // Архів автора.
2. *Боднар І.Я.* Орнамента карпатських вишивок // Народна творчість та етнографія. 1969. № 2. С. 57.
3. *Боднар І.Я.* «Уставки» Космача та Верховини // Львівський державний інститут прикладного та декоративного мистецтва. VII наукова конференція. Львів, 1996. С. 15.
4. *Захарчук-Чугай Р.В.* Українська народна вишивка: західні області УРСР. Київ, 1988. С. 130.
5. *Кокіш Г.С.* Коломийки про одяг // Архів Музею гуцульства с. Розтоки Рахівського району. С. 2.
6. Польові матеріали зібрані у селах Рахівського району // Архів автора.
7. *Коцур Н.М.* І на тім рушникові. Методичний посібник. Донецьк, 2007. С. 3.
8. *Литвинець Е.М.* Українське народне мистецтво вишивання та нанизання. Київ, 2004. С. 15.
9. Фонди Закарпатського музею народної архітектури та побуту, інвентарний номер (далі ФЗМНАП Е:): 12393/257.

10. *Захарчук-Чугай Р.В.* Українська народна вишивка: західні області УРСР. С. 96-97.
11. ФЗМНАП Е: 12393/257.
12. *Захарчук-Чугай Р.В.* Українська народна вишивка: західні області УРСР. С. 108.
13. *Литвинець Е.М.* Українське народне мистецтво вишивання та нанизування. К., 2004. С. 15.
14. *Селівачов М.Р.* Домінантні мотиви української народної орнаментики (кінець ХІХ – ХХ ст.) // Народна творчість та етнографія. 1990. № 2. С. 73.
15. ФЗМНАП Е: 12491/340.
16. *Боднар І.Я.* Орнаментика карпатських вишивок // Народна творчість та етнографія. 1969. № 2. С. 57-58.
17. ФЗМНАП Е: 12544/393.
18. *Литвинець Е.М.* Українське народне мистецтво вишивання та нанизування. С. 15.
19. ФЗМНАП Е: 12490/339.
20. ФЗМНАП Е: 12543/392.
21. *Селівачов М.Р.* Домінантні мотиви української народної орнаментики (кінець ХІХ – ХХ ст.) // Народна творчість та етнографія. 1990. № 2. С. 69.
22. ФЗМНАП Е: 12632/481.
23. ФЗМНАП Е: 12634/483.
24. *Захарчук-Чугай Р.В.* Українська народна вишивка: західні області УРСР. С. 83-84.
25. *Грибанич І.* Народний одяг гуцулів Закарпаття другої половини ХІХ – 50-х рр. ХХ ст. Ужгород, 1995. Вип.1. С. 103.
26. *Захарчук-Чугай Р.В.* Вишивка // Етногенез та етнічна історія населення Українських Карпат. Том ІІ. Етнологія та мистецтвознавство. Львів, 2006. С. 650.
27. ФЗМНАП Е: 12491/340.
28. ФЗМНАП Е: 12544/393.
29. ФЗМНАП Е: 12634/483.
30. ФЗМНАП Е: 12491/340.
31. ФЗМНАП Е: 12543/392.
32. ФЗМНАП Е: 12544/393.
33. ФЗМНАП Е: 12305/184.
34. ФЗМНАП Е: 12543/392.
35. ФЗМНАП Е: 12636/485.
36. ФЗМНАП Е: 12632/481.
37. Польові матеріли зібрані у селах Рахівського району // Архів автора.

Василь КОЦАН

ПЛАНУВАННЯ ІНТЕР'ЄРУ НАРОДНОГО ЖИТЛА УКРАЇНЦІВ ЗАКАРПАТТЯ XIX – ПЕРШОЇ ПЛОВИНИ XX ст.

Закарпатське село відоме своєю мальовничістю, органічним розташуванням у ландшафті, особливою психолого-емоційною атмосферою. Наш край XIX – першої половини XX ст. образно уявляється як «битий, глиняний шлях, дерева, ставок, старенька затишна хатиночка».

Народна будівельна творчість – явище історичне, багатовимірне, яке розвивалось у руслі поступу загальнолюдської цивілізації. Вона постійно відчувала вплив різних факторів суспільного, соціально-економічного, морального характеру, вибираючи на вікових шляхах найцінніше, формуючи принципи і тенденції масового житлового будівництва. Вони і визначали зовнішній вигляд, регіональну багатоваріантність, функціональну життєздатність народної оселі.

Народне житлове і господарське будівництво українців Закарпаття, як і вся їх культура в цілому, становить невід'ємну частину загальнонаціональної скарбниці українського народу. Водночас, у ньому проявляється і чимало місцевих особливостей, які склались упродовж віків внаслідок відповідних чинників. Цьому сприяла й етнографічна мозаїка серед українського етносу Закарпаття. Зокрема, у досліджуваній період серед українців краю розрізнялись етнографічні групи долинян, лемків, бойків і гуцулів. Незважаючи на це, в народному будівництві етнографічних груп українців краю знаходимо більше спільностей, аніж відмінностей.

Дослідження традиційних селянських будівель набуло особливої актуальності в останній час, коли відбулись інтенсивні зміни у побуті та культурі закарпатського села. Створення відповідної інфраструктури, естетичного вигляду, функціональне забезпечення життєдіяльності сучасного села вимагало і вимагає від етнологів, мистецтвознавців, художників та архітекторів глибокого і всебічного вивчення традиційних типів і форм поселень та садиб, житлових і господарських будівель, виявлення в них цікавих елементів, раціональних будівельно-планувальних прийомів і рішень, врахування особливостей традиційних розташувань поселень, архітектурно-художнього оформлення і декоративного прикрашення житла тощо. Адже саме у житлі, де проходила більша частина життя селянина, втілено розум і мистецький

геній народу, його матерiальнi i духовнi потреби та естетичнi iдеали.

Метою дослiдження є iнтер'єрне планування традицiйного житла українцiв Закарпаття. Облаштування внутрiшнього простору старих селянських хат мало свої локальнi особливостi. Залежали вони вiд географiчного розмiщення, природно-клiматичних умов, розвитку ремесел та промислiв тощо. Усе обладнання i предмети в iнтер'єрi традицiйної закарпатської хати крiм своїх основних функцiй – створення зручностей для вiдпочинку, зберiгання рiзних речей, оздоблення – мають i символiчне значення. Таке ставлення народжувалося свiтоглядом селянина, його поетичною душею. Це природно, бо символiзацiя є головною рисою народної творчостi.

При дослiженнi даної проблематики нами використано науковi та науково-популярнi публiкацiї, починаючи з середини ХІХ ст. З праць цього перiоду варто вiдзначити статтю-нарис вiдомого закарпатського вченого, фiлолога i сходознавця Андрiя Дешка «О Карпатской Руси»¹, статтю О. Митрака, присвячену народному будiвництву «Домики или избы угрорусских крестьян»².

Цiнний етнографiчний матерiал зiбрав у кiнцi ХІХ ст. священник Юрiй Жаткович з села Строино Свалявського району, опублiкувавши угорською мовою працю «Нарис угорських русинiв» (1895 р.), перекладену на українську мову i в дещо скороченому варiантi надруковану стараннями Володимира Гнатюка в «Етнографiчному збiрнику» за 1896 р.³ У наш час робота Ю. Жатковича опрацьована й перевидана доктором iсторичних наук професором кафедри нової i новiтньої iсторiї та iсторiографiї Ужгородського Нацiонального унiверситету Олегом Мазурком^{4,5}.

Важливу роль у вивченнi матерiальної i духовної культури Закарпаття вiдiграв краєзнавчий журнал «Пiдкарпатська Русь» (1923-1936), редакторами якого у рiзний час були такi вiдомi вчені, як Иван Пaнькевич, Павло Яцько, Августин Штефан, Василь Гаджега. Частина матерiалiв цього часопису присвячена народному будiвництву Закарпаття. Дуже складний опис гуцульської хати 1865 р. в с. Кваси Рахiвського району подав у журналі Михайло Обiдний⁶.

З чехословацьких авторiв цього перiоду слiд вiдзначити працю Амалиї Кожминової «Podkarpataska Rus». Тут подано опис окремих дiлянок культури i побуту селян Закарпаття, зокрема Ужанщини, у тому числi певне мiсце вiдведено характеристицi зовнiшнього вигляду верховинського села, житла i господарських будiвель. Цiннiсть цієї працi полягає у тому, що вона мiстить фотографiї з рiзних галузей народної культури, в тому числi житлових i господарських будiвель^{7,8}.

Ф. Вовк у монографiї «Студiї з української етнографiї та антропологiї» зробив опис гуцульської гражди, садиб бойкiв i лемкiв (так званих «довгих хат», «довгих хиж») ⁹.

У 1940 р. у журналі «Руська правда» опубліковано цікаву, хоча й без вказівки на конкретну місцевість, статтю Федора Потушняка про звичаї та обряди при будівництві народного житла Закарпаття¹⁰.

Свій внесок у дослідження народного будівництва українців Закарпаття зробив радянський етнограф І.Ф. Симоненко. Він у перші роки радянської влади на Закарпатті зібрав певний польовий матеріал і на його основі зробив спробу визначити планувальні типи поселень і садиб, ареали їх поширення, подав свою класифікацію житлових будівель та еволюцію духової печі^{11, 12, 13}.

Характеристичні народного житла карпатських етнографічних груп (гуцулів, бойків, лемків) певне місце відведене у праці П.Г. Юрченка «Дерев'яне зодчество України». Тут розглядаються прикметні риси архітектури житла, конструктивні особливості тощо¹⁴.

Фрагментарні дані про інтер'єр народного житла українців Закарпаття подано у праці В.А. Маланчук «Інтер'єр українського народного житла»¹⁵.

Кілька робіт окремим питанням народного будівництва Українських Карпат присвятив Юрій Гошко. Під його керівництвом та за безпосередньою участю підготовлено узагальнюючі монографії «Бойківщина»¹⁶, «Гуцульщина»¹⁷, «Лемківщина»¹⁸, які мають відповідні розділи про народне будівництво цих етнографічних груп, а також «Народна архітектура Українських Карпат»¹⁹.

Питання народного житла Закарпаття в архітектурно-художньому плані розглядалися у працях українських архітекторів та мистецтвознавців В.П. Самойловича^{20,21}, Т.І. Макушенка²². У дослідженнях порушено такі питання: планування традиційних та сучасних хат, принципи їх архітектурного вирішення, конструкції і декоративно-художнє оздоблення стін, декоративно-художнє оформлення інтер'єру.

Як порівняльний матеріал використано працю українського етнологі Архипа Данилюка. У ній висвітлено питання українського народного житла у синтезі побутового, архітектурного та естетичного аспектів, подано різні типи планування, архітектурні особливості, внутрішнє облаштування традиційної оселі різних регіонів України, в тому числі й Закарпаття²³.

Слід також відмітити ґрунтовні дослідження народного житла українців Східної Словаччини відомого етнологі, директора Музею української культури у Свиднику (Словаччина) Мирослава Саполиги, які на основі зібраного вченим великого фактичного матеріалу підтверджують генетичну спорідненість цієї ділянки народної культури українців Пряшівщини і Закарпаття та інших українських земель^{24,25}.

Із сучасних дослідників слід відмітити багаті напрацювання відомого у краї етнографі, громадського, культурного діяча П.М. Федаки. Він у

своїх роботах вперше в українській етнології на основі польових, архівних та історіографічних матеріалів всебічно дослідив типи і форми традиційних сільських поселень, садиб, дворів, жител і господарських будівель українців Закарпаття XIII – XX ст.^{26,27, 28,29,30}.

Автором також використано матеріали, вміщені в Малій енциклопедії українського народознавства. Це перше подібного роду видання в українській етнологічній науці, в якому подається визначення та зміст основних етнологічних понять і термінів, серед яких знаходимо й термінологію, пов'язану з народним будівництвом та внутрішнім плануванням традиційного житлового приміщення³¹.

Щоб краще зрозуміти внутрішні диспозиції народного житла та організацію побутування в ньому, слід проаналізувати форми традиційного хатнього обладнання, яке завжди творило основну складову частину житлового інтер'єру.

Меблі, які формувались під впливом тих або інших умов, у свою чергу детермінували також характер цілого життєвого середовища, отже, впливали й на формування поодиноких типів народного житла. Народні меблі є яскравим свідченням способу життя та рівня розвитку виробничих сил в тому або іншому суспільному ладі. Крім цього, цей побутовий інвентар є одним із визначних проявів народної творчості взагалі, в якому відбито багатство матеріальної та духовної культури простого народу. У ньому відображені не лише утилітарні потреби, але й естетичні уподобання людини, та до певної міри національний характер населення³².

Перш ніж приступити до розгляду конкретної проблематики, слід зауважити, що на сьогодні в досліджуваному регіоні зустрічаються ще поодинокі взірці традиційного народного житла. Однак, відмічаємо той факт, що практично вже не має жодної хати із комплектним традиційним умеблюванням. Із підвищенням життєвого рівня селян традиційні форми меблів витіснялись модернішими та практичнішими. Це відповідно зумовило й зміну інтер'єру житла в цілому.

Не дивлячись на це, на основі збережених традиційних предметів хатнього побуту в досі наявних, хоч і рідкісних, народних будівельних пам'ятках, а особливо на основі музейних зібрань нашого краю та сподгдів старожилів, сьогодні ще можливо точно встановити типологію народних меблів та інтер'єрних комплексів досліджуваного регіону.

Найпоширенішим типом народного житла Українських Карпат у другій половині XIX – на початку XX ст. була тридільна хата, яка складалась з житлового приміщення, сіней і комори. Рідше зустрічався дводільний тип житла – хата+сіни (у найбільшій частині населення). На півдні Хустського і Тячівського районів у цей час побутував, відмінний від двох вказаних, тип житла, де хата складалась з житлового

приміщення і комори, в кожне яких вели окремі двері з галереї, а між собою входом вони з'єднані не були³³.

Більшу частину життя сім'я проводила в отоплюваному житловому приміщенні («хата», «хижа», «хыжа»), де готували їжу, відпочивали, приймали гостей, працювали. Помешкання, площа якого в основному не перевищувала 25 м², було тісним. Тому кожен кут, кожна частина хати використовувались дуже раціонально. Тільки таким чином в ній могла розміститися багаточисельна сім'я, а взимку і окремі домашні тварини та птиця.

Житлове приміщення умовно розподілялось на такі частини: **кухонна** (місце для приготування їжі) – піч, мисник, ложечник; **спальна** - ліжко, дитяча колиска; **їдальня та репрезентативна частина** - стіл, лавки, стільці, лади-шафарні. За функціональним призначенням все, що знаходилося у житлі, ділилось на три великі групи: меблі, посуд, предмети декоративного та релігійно-культурного характеру. До першої належали ліжко, стіл, лавиці, стільці, колиска, скриня, грядка для одягу та рушників, мисник, ложечник; до другої – миски, горшки, ложки, солянки, дійниці, коновки, бербениці тощо; до третьої – настінні миски, тарілки, ікони.

Подібне використання житлового приміщення характерне для всіх етнографічних груп Закарпаття (гуцулів, бойків, лемків, долинян), Галичини, Буковини, інших регіонів України, українців Східної Словаччини^{34,35,36,37,38}.

Кухонна частина

У селянському житлі збереглися архаїчні риси в прийомах розташування печі, розміщення традиційних кутів, місця для відпочинку тощо. Таким чином, внутрішній простір житла розподілявся відповідно до вікових традицій, де кожен кут і суміжні зони мали в хаті певне функціональне призначення. Традиційне розміщення кутів було логічно направлене і підказане практичною стороною побуту, при цьому враховувалось максимальне використання площі житлового приміщення. Така багатофункціональність була властива й окремим побутовим предметам. У житловому приміщенні сім'я не тільки жила, а й працювала. У зимовий час у хатах встановлювали ткацький верстат, снувальницю, куделю та інші знаряддя виробництва, необхідні в селянському побуті.

Внутрішнє планування житлового простору є однією з найважливіших етнографічних ознак і зумовлюється насамперед місцем розташування печі та поворотом її челюстей. Олександр Довженко писав: «Традиційна сільська піч – добра щедра піч, що пахла стравами, печеним хлібом, печеними і сушеними яблуками та сухим насінням, зіллям, корінням»³⁹.

Піч у функціональному розумінні з'явилась дуже давно. Це назва загальнослов'янська. Вона зв'язана з словами «печера», «пещись», «попеченіє». Піч – це насамперед вогонь, вогнище. А воно в оселі відіграло роль не лише «осередку» тепла, а й духовну, згуртовуючу. Звідси й метафора: «родинне вогнище».

У другій половині XIX – початку XX ст. у селянському житлі Закарпаття, як і на всій території Українських Карпат, побутували різні типи печей – курна, напівкурна та з опаленням по-чистому (дим виводився на горище). Піч розміщувалась в одному із кутів біля вхідних дверей (справа або зліва). У гуцулів і бойків челюсті печі повертали до чільної (фасадної), а у лемків – до причілкової стіни. Перший варіант відповідає загальноукраїнському, другий аналогічний до середньоросійського, а також чесько-моравського і словацького. На півдні Хустського і Тячівського районів піч знаходилась у протилежному від дверей куті і була звернена челюстями до них. Таке розташування печі зустрічалось виключно у дводільному житлі типу хата+кліть, де до кожної частини вели окремі двері з галереї^{40,41,42}.

Піч на території Карпат у своєму розвитку пройшла кілька етапів. Найбільш старовинним типом була піч без комина – курна піч – давній основний тип на всій території України. Подібні печі («курнянки», «димнянки»), як найдавніша форма печей, у найвіддаленіших гірських районах проіснувала як реліктове явище до середини 40-х рр. XX ст.

Піч, як правило, розташовувалась у куті, між задньою та сінешньою стінами хати, поряд із входом у житлове приміщення. Займала вона майже четверту частину жилої кімнати і в той же час конструктивно була зв'язана із зрубом. Місце печі обумовлене віковими традиціями, пов'язаними з практикою побутового укладу та обладнання. В кухонному кутку найзручніше було виконувати господарську роботу, звідси був прямий і найкоротший шлях в сіни та комору, по воду та дрова, дим від печі найкоротшим шляхом виходив у двері.

Форма печі на території Українських Карпат певною мірою залежала від локальних та кліматичних умов. Так, у бойків та гуцулів, які проживали в гірських районах, де найхолодніші зими, характерна форма курної печі – з плоским верхом, де влаштуувалась лежанка. У лемків Великоберезнянського та Перечинського районів переважав тип печі без такої лежанки. Челюсті печі переважно мали заокруглений верх, але зустрічались й інші форми. Так, наприклад, у Великоберезнянському, Воловецькому та Міжгірському районах у хатах, побудованих у середині XIX ст., челюсті печі були прямокутними, із заглибленням на торцевій стороні – руслом до виходу диму. З літературних джерел відома й найбільш архаїчна – п'ятикутна форма челюстей. Кут з'єднання запічка з припчком майже завжди буває конструктивно зрізаним^{43,44}.

Збережені зразки курних печей являли собою глинобитні споруди у вигляді квадрата чи прямокутника (1,5x1,5; 1,8x2; 2x2), на якому влаштовано склепіння печі. Висота печі (разом з припічком) становила 0,5-1,2 м. Глинобитна площадка встановлювалась або безпосередньо на землі, або на спеціально виготовленій дерев'яній рамі, внутрішня частина якої засипалась землею. Склепіння робилось з глини: на основі печі («поді») встановлювався дерев'яний куполоподібний каркас. Останній обмазувався товстим шаром глини. Ззовні куполу надавали форму квадрата чи прямокутника, іноді із заокругленими кутами, набиваючи у відповідні місця необхідну кількість глини. Коли піч просихала, її випалювали. Дерев'яний каркас вигорав, глина набувала відповідної твердості й міцності. В окремих селах Міжгірщини замість дерев'яного каркасу клали товсту, стесану з одного боку колоду, обмащували її глиною, яку щільно утрамбовували. Після утрамбовування глини і надання печі ззовні потрібної форми, колоду або виймали, або запалювали, вона поступово згорала. Курні печі, як правило, мазали жовтою або сірою глиною, з огляду на те, що на такому тлі менше видно сліди кіптяви. У стіні над піччю, як правило, прорубувався невеликий квадратний отвір («димник»), через який дим виходив у сіни. Аналогічні димники часто прорубувались і в стелі⁴⁵.

Наступним етапом розвитку печі була напівкурна піч. Основні особливості реконструкції курної печі у напівкурну полягали в тому, що над челюстями печі будували пристрій для збирання диму («кіш»), до якого прибудовували димовідвід («цівка»), завдяки якому дим відводився у сіни.

При зведенні напівкурної печі, спочатку з дощок або обтесаних колод встановлювали форму основи – ладу. У форму довбнями набивали червону глину. Далі, на підготовлену таким чином основу печі клали товсту, обтесану з одного боку колоду («кимак»), яку обмащували і поступово оббивали глиною, залишаючи не обмащеним кінець з фасаду для отвору челюстей («челюсті», «челюстяник») і верхню передню частину (для коша). Кіш виплітався з лози і обмащувався товстим шаром глини. Після цього протягом двох-трьох днів випалювали колоду. На четвертий-п'ятий день вже можна було пекти перший хліб. З двох боків печі, на рівні нижньої частини отвору-челюстей, з смерекових дощок робились «припічок» і «запічок», які підтримувались фігурними підпорами-стовпцями. Для гуцульських печей характерним було те, що їх конструкція опиралась на дерев'яні балки, врубані у стіни хати, знизу балки підкладались відрізком колоди або каменем^{46,47}.

Наприкінці XIX – початку XX ст. печі стали доповнювати чавунними плитами («шпорами», «шпаргетами»). Цей процес у долинян та лемків розпочався у кінці XIX ст., а в гуцулів і бойків – після Першої

світової війни. Труба («цївка») шпаргета або сполучалась з кошем печі, або виходила на горище. У 20-х рр. ХХ ст. з'являються муровані з вальків або цегли комини, якими виводили дим спочатку на горище, а потім – назовні хати.

І курні, і напївкурні печі були великих розмірїв. У зв'язку із багатофункціональністю печі (обїгрівання примїщення, приготування їжі, кормїв та ін.), поліфункціональним було і використання житлового простору (для сну й для відпочинку, спїльного обїду чи вечерї, прийому гостей, відзначення сімейних свят тощо). Форми курної та напївкурної печей зумовлювали і загальний вигляд интер'єру житла. Характерною його особливїстю були нерухомі, конструктивно зв'язані зі зрубом, меблї, форма яких творилася і відзначалась дивовижною раціональністю, простотою і зручністю.

У кухонній частинї («бабиному кутї») найважливіше місце відводилось печі. На нїй сушили зерно, фрукти, гриби, одяг. Тут же спали і зїгрівались діти, хворї, старї. На центральній площинї кута печі клали плоский камїнь, а на нього – скїпу для освїтлення хати. На печі та біля неї знаходились предмети, пов'язані із випїканням хлїба (лопата, кочерга), окремий посуд для приготування кормїв і підїгрїву води домашнім тваринам, птицї та інше.

Мїж пїччю і дверима на висотї 1,5-1,7 м від пїдлоги висїв ложечник («ложичник», «лжичник», «зальжник», «льжчик»). Найпростїші за конструкцією ложечники побутовали у виглядї планки чи дощечки з отворами для ложок. До дошки з отворами прикрїплялась спинка, яка відзначалась різноманїтністю форм. У безпосередній близькостї від ложечника (збоку або знизу) висїла дерев'яна солянка. Орнаментация ложечників і солянок, їх форми надзвичайно розмаїті, бо, крім традиційних мотивів, кожен майстер приносив у декор щось своє. В орнаментицї ложечників і солянок переважають геометричні вїзерунки, що повторюються, значно рїдше зустрічаються стилізовано-рослинні мотиви⁴⁸.

У цьому ж кутї біля печі висїв рушник («ручник», «рушник», «втераник») – шматок домотканого конопляного полотна. Часто біля печі, ближче до дверей, розміщалась невелика лавка на чотирьох нїжках, на якїй, як правило, сидїли пїд час прядїння, а у вільний від роботи час на нїй знаходився різноманїтний посуд (дїйницї, барилки, коновки тощо).

З другого боку дверей (мїж ними і лавою) знаходився мисник («мисник», «полиця», «талож», «подишур»). Мисник – рїзновид обладнання традиційного селянського житла України, який призначався для зберїгання кухонного посуду⁴⁹.

Мисник, як й інше обладнання у курних хатинах, встановлювався разом із будівництвом самої хати. Його розташування у простїнку мїж

вхідними дверима і стіною, було традиційним для усього Закарпаття. Тут було зручно користуватись мисником, оскільки він знаходився поблизу печі. Розміри мисника безпосередньо залежали від розмірів стіни, на якій він встановлювався. Цікаві найбільш архаїчні мисники, які збереглись у старих бойківських хатах. Вони виконані з тесаного дерева, складались із трьох-чотирьох полиць. З одного боку полиці кріпились до стіни зрубу, а з другого – до вертикальної боковини. Масивна боковина мисника за допомогою дерев'яних кілків кріпилась у суміжній стіні. Задньою стінкою мисника у даному випадку була стіна зрубу. Разом із цим у курних хатах гуцулів, бойків, лемків побутовували мисники з двох-трьох полиць, зв'язаних боковинами і задньою стінкою. Такі мисники підвішувались на стіні. Зрозуміло, що застосування відкритих мисників у курних хатах було недоцільним, бо кіптява осідала на полиці і посуді.

У напівкурних хатах Воловецького та Міжгірського районів побутовували відкриті мисники, а також полиці для мисок і тарілок – так звані «замисники». Привертають також увагу гуцульські мисники, які мають полиці («вищу», «середню», «нижчу», «прилавок»), що конструктивно зв'язані із розміром стіни, де вони розташовані. Верхня полиця найдовша, розміщена над дверима і по всій довжині розділена на комірки, в яких стоять миски («косівки»). Гуцульський мисник – це своєрідна вітрина декоративного посуду, який надавав житлу особливий своєрідності^{50,51}.

Спальна частина

На Закарпатті у всіх хатах XIX – початку XX ст. уздовж глухої стіни за піччю знаходилось ліжко, яке разом із дитячою колискою формувало так званий «спальний куток» жилого приміщення.

Найбільш давньою формою ліжка в курних хатах Закарпаття був поміст з дощок – «піл», «пріча», «постіль». Дерев'яний поміст займав площину під задньою стіною і спирався на чотири стовпи. Відомі й інші способи опертя. Так у бойків, якщо один кінець ліжка опирався на припічок, то другий кріпили в стіну або клали на кінець лави. Відмічаємо і своєрідні види ліжок у гуцулів, які ставили на двох поздовжніх брусках, що одним кінцем були вмонтовані в стіну, а другим – в піч. Подібні ліжка («лежанки») робили із тесаних дощок, які настеляли поверх жердин, що спирались з одного боку на вкопані в землю стовпці, а з другого – запускались у стіну зрубу. Зовнішній кінець лежанки обрамлювався, як правило, покладеною на ребро дошкою, щоб не падали малі діти. Всі складові частини лежанки кріпились між собою без єдиного гвіздка. Поверх дощок настеляли соломі, зрідка сіно або пір'я з кукурудзяних качанів і прикривали домотканими простирадлами

(«веретами», «вериннями»). На верету стелили тканий вовняний лїжник. Двїчі в рїк (перед Пасхою та Рїздвом) мїняли солому, при цьому старанно промивали всї частини лежанки гарячою водою^{52,53,54}.

З часом нерухому лежанку замїнило лїжко, яке складалось з прямокутного дерев'яного ящика на чотирьох високих нїжках. Всї деталї старовинних лїжок з'єднувались мїж собою шипами-врїзками або дерев'яними кїлочками («тиблями», «чопиками»). Чим старовиннїше лїжко, тим воно вище. Зафїксованї дуже високї лїжка у гуцулїв (до 1 метра). У високогїрних районах Карпат робили лїжка на високих нїжках (1,16 – 1,20 м). На високих лїжках зимою було теплїше спати, а пїд постїллю влаштувалось мїсце («царок») для маленьких ягнят, а восени тримали картоплю⁵⁵.

Подальший етап еволюцїї спальних меблїв представляє лїжко з пїдвищеними чїльними спинками («щитами»). У багатьох випадках їх декорували рїзьбленням. Такї лїжка були прототипом мїських меблїв вїдповїдного призначення. Бїльшїсть з них пофарбована олійною фарбою, найчастїше коричневого кольору.

Багатством форм вїдзначаються меблї, призначенї для спання дїтей – колиски. Найдавнїшими були пїдвїснї колиски («гойдачки», «гомбачки»), якї крїпились до стелї над лїжком курних та напївкурних хат гуцулїв, бойкїв, лемкїв. У даному випадку народ керувався передусїм принципом економїчного використання житлових просторїв та принципом зручностї при колисаннї дитини. Коли дитина вночї плакала, то мати за допомогою шнурка, прив'язаного до колиски, не встаючи з лїжка, могла приколисати.

Пїдвїснї колиски виготовляли напївкруглої або трапецїєвидної форми з дощочок чи планок, а також виплїтали з лїщинового і вербового пруття або видовбували зї шматка дерева. За колиску часто використовували домоткане простирадло, яке пїдвїшували до стелї.

З 20-х рр. ХХ ст. у побут селян увїйшли стоячї колиски. Найпростїшою їх формою були полотнянї колиски, прив'язанї за допомогою шлейок («фрумбїй») до двох пар схрещених та з'єднаних горизонтальною палицею патикових нїг. Такї колиски в інтер'єрї хат використовували рїдко. Служили вони передусїм пїд час лїтнїх польових робїт, тому й називаються «польовими колисками»⁵⁶.

Побутували й стоячї колиски («колиска», «бїльчїв», «бїльчув») двох конструкцїй – на дугоподїбних рухомих нїжках і на нерухомих пїдставках. В останньому випадку пїдвїшена колиска трималась на нерухомих нїжках. Цї колиски, звичайно, ставили бїля лїжка. Інодї бильця розписували, в основному на них наносились зображення популярних у народї квітїв і птахїв.

Колиски («бїльчуви») накривали своєрїдними рушниками («гайтками»). Подїбнї рушники збереглися у лемкїв сїл Туриця, Сїмер, Зарїчево,

Новоселиця Перечинського району та українців сусідніх сіл Ужгородщини – Пацканьово, Худлево, Оріховиця, Анталовці та ін. Гайтки здавна побутували у місцевого населення для перенесення немовлят. Мати, закидаючи гайтку через плече, одним кінцем обгортала дитину, а другим міцно закріпляла гайтку спереду, що дозволяло при необхідності звільнити руку. За формою гайтки нагадують рушники, тільки значно довші за них. У будні загортали дитину у звичайну пілку полотна, а у свята – в оздоблену перебірним тканням гайтку. За характером декору святкові гайтки споріднені з рушниками, тканими перебором, а також скатертями. Але на відміну від них, вони декоровані в основному тільки з одного кінця, який при загортанні дитини знаходився зверху^{57,58}.

Отже бачимо, що ліжка та дитячі колиски із усім своїм розмаїттям були яскравим свідчення майстерності та винахідливості нашого народу.

Репрезентативна частина

В діагонально протилежному відносно печі куті жилого приміщення, як правило, знаходився стіл. Цей куток, розташований між двома чільними стінами хати, слов'яни вже з давніх-давен пов'язували з культом предків. Тому це була найчистіша та, так би мовити, репрезентативна частина житла. В цьому кутку, за винятком курних хат, на обох стінах знаходились різні декоративні прикраси: мальовані тарілки, глиняні миски, горнята, ікони. Ці предмети крім художньо-декоративної доцільності, мали й релігійне та охоронне призначення.

Місце стола та згаданих елементів оздоблення житла було дуже вигідне якраз з того аспекту, що сюди проникало найбільше світла з вікон в обох стінах, і що воно впадало у вічі прихожому відразу ж після відкриття дверей. Місце стола було найпочеснішим у цілому житлі. Біля нього відбувались найрізноманітніші сімейні обряди. Стіл відігравав і функцію певного магічного символу. На ньому навколишній світ із землею і лісом, водами і луками, звірами і птахами набував форми хліба насущного, який завжди лежав на скатертині. При повсякденному харчуванні за середину стола сідав голова сім'ї. При ньому сідали інші чоловіки. Діти найчастіше їли на долівці, з мискою на плахтині або низенькому стільці. Старші члени сім'ї також рідко сідали за столом. Жінки при харчуванні у багатьох випадках із-за нестачі місця стояли або їли біля печі^{59,60}.

Найдревнішим типом стола, що дійшов до наших днів і широко побутував у минулому, був стіл-скриня. За формою окремих частин і за різьбою не завжди можна встановити час виготовлення таких столів. Безсумнівний лише зв'язок форми, техніки, різьби і мотивів орнаментики з конструктивно-декоративними елементами зовнішнього і внутрішнього оформлення давнього карпатського житла.

Як правило, стіл-скриню виготовляли з твердих порід дерева (бука, клена). Характерною особливiстю такого стола було порiвною вузьке, хоча i масивне пiдстiлля (ящик-скриня, обшитий дошками, i чотири нiжки) та велика кришка-покривка («столовина», «столишня»). Останню витiсували з суцiльного шматка твердої породи дерева. Довжина її сягала 140-200 см, ширина – 70-90 см, товщина – 4-8 см. Часто в одному з кутiв столовини бойкiвських столiв утворювалось заглиблення як наслiдок наризання капусти, хлiба i т.д. Всi деталi стола-скринi з'єднувались мiж собою без гвiздкiв, за допомогою дерев'яних кiлочкiв та пазiв^{61,62,63}.

На Гуцульщинi й Бойкiвщинi ще в кiнцi XIX – на початку XX ст. зрiдка зустрiчались столи iз заглибленнями у столовинах, так званi «столи з довбанками». Видовбанi ямки («довбанки») служили мисками. Для кращого їх промивання знизу просвердлювали дiрки, якi затикали затичками. Таких заглиблень могло бути одне (велике, посерединi) або кiлька менших.

Пiдстiлля, зокрема передню частину, часто декорували плоскою контурною рiзьбою, переважно розетками, хрестами i геометричним орнаментом у виглядi рисок та ялинок. Особливо щедро оздоблювались столи-скринi у Боржавській долини. Принцип конструктивної побудови залишається тим же, що й у бойкiвських столах, але розмiри столовини зменшилися, пiдстiлля набрало певної стрункостi, з'явилися фiгурнi нiжки. Шестипелюстковi розети, пiвкола та iншi елементи декору, ритмiчно повторюючись, заповняли всю передню частину пiдстiлля. На Закарпаттi розети називають «ружами». Крім них зустрiчаються й iншi символiчнi мотиви: стилiзована ялина, колос пшеницi, олень i т.д.

Самобутнiстю вiдзначались столи гуцулiв. Склались вони з двох плоских навхрест складених нiжок, якi на мiсцi перехрещення з'єднувались дерев'яними клинами. У нижнiй частинi нiжки з'єднанi пiднiжжям (рамою з чотирьох дощок), яке зв'язує їх i не дозволяє розсуватись. На нiжках лежить широка масивна покривка («стiльниця») з м'якої породи дерева, пiд якою знаходиться один або два висувних ящики («шуфляди»). Такi столи завжди гарно орнаментованi плоскою рiзьбою, випалюванням або розписанi в червоний колiр. Стiл накривався тканюю, рiдше вишитою скатертиною⁶⁴.

З 20-х рр. XX ст. стiл-скриня починає втрачати свою монументальнiсть: ящик-скриня поступово замiнюється висувним ящиком для зберiгання ложок, виделок, ножiв, стiльниця робиться бiльш легкою, тоншими стають нiжки.

Одним iз обов'язкових елементiв народного житла українцiв Закарпаття були лавицi. У курних та напiвкурних хатах передню i задню лави влаштували одночасно з будiвництвом. Передню ставили вздовж

довгої фасадної стіни, а задню – бокової. В куті лави скріплювалися між собою навскіс або під прямим кутом. Дошка лави опиралася на підставки з каміння або круглі дерев'яні «ковбани». Іноді кінець передньої лави наглухо врубався в стіну. Площина лави завжди виготовлялась з масивної дошки шириною 0,5 – 0,6 м, товщиною 0,8 – 0,12 м. Як правило, довжина передньої лави сягала до мисника в куті, а задньої до постелі. Висота лави 0,5 – 0,6 м значною мірою залежала від висоти підвіконня. Це пояснюється тим, що лава виконувала лише утилітарну функцію в інтер'єрі і, як правило, не мала ніякого оздоблення. На лаві спали члени сім'ї, сидячи біля вікна займалися різноманітними господарськими справами – ремонтували взуття, шили, вишивали, пряли. Для прядіння в лаві вирізали невеликі наскрізні отвори для закріплення куделі. Іноді на продовжений край лави ставили мисник або відро з водою. Місце на лаві за столом вважалось почесним. У святкові дні лави застеляли домотканим доріжками («покрівцями»)⁶⁵.

Поряд із довгими лавами побутовали і короткі переносні лавиці, які ставили біля високих ліжок, стола. Вони мали спрощену конструкцію – на чотирьох, навскіс покладених ніжках або двох відрізках дошки з фігурним вирізом знизу. У курних хатах для сидіння служили різноманітні низенькі лавиці та стільці з вибагливо, природно вигнутого дерева, так звані «родимі стільці». Для такого типу стільців використовували обруки дерева з різноманітним розгалуженням гілок і коріння. За своїми формами вони були симетричні. В них майже не зустрічається прямих ліній та рівних площин.

Найбільш давні стільці і лавиці мали порівняно невисоке сидіння – 0,23-0,35 м. Це пояснюється тим, щоб в курній хаті, коли палили піч, людина не потрапляла в зону диму, який піднімається у верхні шари. До типу примітивних можна віднести й такі, в яких спинка і сидіння були витесані одночасно з одного шматка дерева. Подібними меблями для сидіння широко користувались по всій території Закарпаття.

У 30-х рр. ХХ ст. у долинян та лемків Закарпаття поширився ще один різновид народних меблів – «лада-шафарня». Виготовляли їх сільські теслі з різних порід місцевої деревини: бук, ялина, смерека. Зазвичай, ці породи у виробі комбінували. Розміри лад: довжина 190-210 см, ширина 50-60 см, висота 85-95 см (разом зі спинкою). Глибина скрині становила біля 35 см. Скриня зверху мала віко («вершник»), яке складалось з однієї або двох дощок, що тримались на завісах. Площину спинки лад декорували різьбленням та розписом.

Лади шафарні виконували три основні функції: на них сиділи, у скрині зберігали полотно, тканини, одяг, іноді продукти харчування (крупки, сушені ягоди або гриби) та за потреби на ній спали. Тобто лади певною мірою поєднували в собі функції лави, скрині або шафи та ліжка. Шафарні ще й нині можна зустріти у селянських хатах Закарпаття^{66,67}.

Важливу роль у житлі вiдiгравав центральний сволок («геренда», «гряда», «мештерниця», «мештергеренда», «трагар») – масивний чо-тиригранний брус, на якому трималась вся стеля. Для виготовлення геренди використовували товстий стовбур дуба чи липи, обтесували його, надаючи квадратної чи прямокутної форми. На Гуцульщинi сволок виготовляли з кедрa. Тут навiть iснував звичай переносити його зi старої хати на нову. Особливо урочисто пiднимали його на зруб, перев'язували рушниками або хустками, iнодi господиня обгортала своїм кожухом, щоб хата була теплою. Рушники i хустки дарували обов'язково майстрам, а потiм влаштовували гостину⁶⁸.

Геренда часто орнаментувалась, на нiй вирiзблювали дату спорудження хати, а iнодi й прiзвище майстра. Вона також служила мiсцем складання рiзноманiтних речей, переважно дрiбних знарядь працi. На дерев'янi кiлки, вбитi у геренду, вiшали глечики, горнята, шапки та iн. Бiля дверей iнодi прибивали вiшалки (дошку з вбитими у неї дерев'яними кiлками або козячими нiжками), де вiшали повсякденний одяг. Крім того, для одягу використовували i торцеву дошку мисника або зруб бiля дверей, над лавицею з боку фасадної стiни та iншi мiсця, набиваючи додатковi цвяхи.

В традицiйному житлi зустрiчаємо ще один елемент iнтер'єру, який служив для вiдкладання та схову рiзних предметiв та речей повсякденного вжитку – жердки («жердь», «жердка», «дрючок»). Жердка – це дерев'яна тичка, горизонтально повiшена пiд стелею за допомогою висячих дерев'яних держакiв. Подекуди їх прикрiплювали до стелi й за допомогою мотузкiв або дротяних держакiв. Жердка служила передусiм для вiшання одягi, рушникiв, лiжників.

Вишуканiстю видiляються жердки з рушниками у свiтлицях хат Хустського та Тячiвського районiв. Для Тячiвщини (села Тересва, Тересва, Буштино, Бедевля, Нересниця, Новоселиця) та сумiжних сiл Хустщини (Данилове, Стеблiвка, Боронява та iн.) найхарактернiшi рушники з щiльним укладом орнаментальних смуг. Особливою декоративнiстю видiляються перебиранi рушники, в яких доминиуючими є ромби, що рельєфно виступають над фоном, розети та хрестоподiбнi фiгури, якi розмежовують їх. Рiзноманiтнiсть форм цих мотивiв, варiантнiсть поєднання їх мiж собою у щораз iншому ритмi та майже суцiльне заповнення вiльних промiжкiв мiж ними дрiбними елементами (ромбиками, трикутниками, тощо) створюють цiлiсну площину орнаментального мережива вишуканих форм. Мiж ними тiльки де-не-де проглядаються невеликi просвiти контрастного за тоном бiлого тла, яке допомагає чiткiше виявити силует мотивiв i смуги в цiлому^{69,70}.

Своєю особливiстю вирiзняються жердки в гуцульських хатах. Тут на жердку спочатку вивiшували складенi учетверо лiжники, поверх них

клітчасту тканину, яка використовувалась для пошиття сумок («бисаг»), далі ряд з тканих рушників, а потім одяг.

Часто у кімнаті під стелею висіли дві паралельні жердки («грядки»). Вони служили передусім для сушіння дров, різноманітних трав та квітів. Подібні грядки зустрічались у старих курних хатах бойків ще у 20-х рр. ХХ ст.

Долівка у традиційному селянському житлі була земляною, і лише в кінці ХІХ – на початку ХХ ст. у заможних селян з'являється дерев'яна підлога з тесаних або різаних на водяній пилорамі дощок. Глиняну долівку («землю») напередодні свят або неділі змащували («мастили») рідким розчином глини, змішаною з половиною.

Щодо внутрішньої обробки стін, то тут все залежало від форми опалення. У курних хатах, як правило, чистилась і милась (двічі-тричі на рік) частина стін від вікон до рівня нерухомих лавиць, тобто добре видимі і вільні від кіптяви місця. В напівкурних оселях без побілки стіни житлового приміщення мились повністю – зверху донизу. У передгірських та гірських районах як внутрішня, так і зовнішня побілка проводилась перед Великоднем⁷¹.

Своє місце в інтер'єрі хати закарпатського селянина мали предмети вжитку (миски, горшки, ложки, солянки, дійниці, коновки, бербениці тощо) та речі декоративного й релігійного характеру. Їх розташування залежало від способу укладу життя сім'ї.

Більшість посуду у гуцулів і бойків Закарпаття виготовляли з дерева – так званий «бондарний посуд». Під категорією бондарний посуд розуміємо дерев'яний посуд, що складається із певної кількості окремих частин («клепок», «дуг») і призначений для зберігання і транспортування рідких і сипучих речовин. Серед них виділяємо наступні.

Бокла – бондарний посуд з двома днами. У верхньому дні отвір, що закривається дерев'яним клином. Застосовували боклу для зберігання молока, води.

Бербениця – також бондарний посуд, еліпсоподібної форми, з двома днами. У верхньому дні отвір, через який наливали молоко. Використовували для зберігання та транспортування молока.

Маслобійка – це традиційний бондарний посуд, форми зрізаного конуса. Складається з трьох частин: основна частина видовженої форми з 6 – 7 клепок, скріплених обручами. В цю частину маслобійки заливали вершки. Накривається маслобійка кришкою круглої форми із стесаною нижньою частиною для щільного прилягання до конусоподібної частини пристрою. Покришка посередині має отвір, в який просовується держак («колотівка»), що в кінці має кружок з 8 отворами. Маслобійку використовують для збивання масла.

Гелетки широко використовувались в домашньому господарстві. У них зберігали бринзу, квашене молоко, сіль, муку, жир.

У минулому в хаті господарів незалежно вiд соціального становища можна було побачити рiзноманiтний за функціональним призначенням, формами, розмірами бондарний посуд, виготовлений iз певної кiлькості окремих частин («клепок»).

На протязі кiлькох століть зусиллями багатьох бондарів були вироблені раціональні прийоми виготовлення бондарних виробів, винайдені прості інструменти і пристосування, що забезпечують при умiлому використанні необхідний успіх. В давнину секрети бондарного ремесла передавались найчастіше вiд батька до сина. Основні «секрети ремесла» були вiдомі кожному бондарю. Однак, крiм знання прийомів роботи спеціальними інструментами, справжній майстер повинен вiдчувати дерево, знати всі його властивості та враховувати їх на практиці.

До бондарних робіт належало також виготовлення довбаного посуду. Це переважно корита, тiльки, миски та ін. Використовувались м'які породи дерева – явір, березу, осику. Довбали звичайним долотом – простим і жолобчастим. Дно посудини виготовляли iз сухого дерева, вставляли його в видовбану посудину. При пізнішому висиханні бокові частини зменшують свій об'єм і тим самим сильно затискають дно, яке не зменшувало свого об'єму, бо було зроблено iз сухого дерева⁷².

Вмiла робота залежала не тільки вiд знань і досвіду майстра. Багато в чому вона залежала вiд зручних і надійних інструментів та пристосувань. Здебільшого бондар виготовляв інструменти сам, «по своїй руці».

Велика кiлькiсть дерев'яних виробів свiдчить про те, що дерево було найбільш доступним і дешевим матеріалом для виготовлення знарядь праці та речей побуту навіть у 20-х рр. ХХ ст. Бiднiсть і переважання дерев'яних ужиткових речей були викликані важким соціальним становищем, замкнутістю селянського господарства. Однак, дерев'яні побутові речі у бойків позначені високою якістю художньої обробки. Миски, посуд на молоко, дерев'яна дiйниця, «двiйнята» – все це водночас і красиве, а з точки зору ужитковості доцiльне. Тут знайдено вдале співвiдношення між практичним і декоративним елементами. Свій естетичний смак, почуття селянин вкладав також у милозвучну пісню-коломийку, танок, у витончену рiзьбу чи вишивання, ткання.

У зв'язку з харчуванням родини слiд згадати про розміщення коновки чи iншої посудини з питтєвою водою. Так, у долинян та лемків канту з водою розміщували у куті бiля мисника. Це було особливо вигiдним при пiдготовці їжі.

Колориту хатам нашого краю надавали вишукано розвiшані на стiнах фаянсові тарiлки. Вони були фабричного виробництва, традиційної форми з глибоко вигнутими стiнками, якi, чiтко заломлюючись, переходять в розкосі «криси». Лицева сторона тарiлок декорована пiдгладзурним кольоровим розписом. На бiлому тлi поверхні чiтко видiляється

візерунок, який розміщено на дні і «крисах» тарілки. Орнаментальні мотиви різноманітні – рослинні, геометричні. Кольорова гама насичена. Краї оздоблювали різноманітними ланцюжками. На зворотній стороні іноді стоять штампи, а через наскрізний отвір на стінці дна протягнутий шнурочок. Тарілки призначені для прикрашення інтер'єру.

На торцевих стінах закарпатських хат поміж декоративних тарілок вивішували ікони. Найпоширенішими з них були – «Вознесіння Господнє», «Воскресіння», «Богородиця з немовлям». Могли вішати одну ікону посередині під центральною герендою; дві ікони обабіч геренди; три ікони.

Комора та сіни як окремі складові житла та їх еволюція

Другим приміщенням дво- або тридільного житла були сіни («сіни», «півтор», «хороми», «прикліть», «приклад»). Сіни, крім того, що обєрігали житлове приміщення від холоду, відігравали й комунікаційну функцію. У бойківських та гуцульських хатах ширина сіней становила 4-5 м, в лемківських – 2-3 м^{73,74}.

Сіни як допоміжне приміщення упродовж XIX ст. були холодними. У кінці XIX – на початку XX ст. у житлі низовинних і передгірних районів часто сіни перетворювались в кухню, тобто з хати сюди вносились піч і приміщення почало поєднувати функцію сіней та кухні. У 20-30-х рр. XX ст. процес трансформації сіней активізується, і вони з часом повсюдно перетворюються на кухню. Вікон у сінях не було. При перетворенні їх у кухню прорізувався один або два отвори.

Стелі у сінях житла кінця XVIII – початку XIX ст. не було. У хатах другої половини XIX – початку XX ст. стеля вже зустрічається майже повсюдно, крім гуцульських хат, зокрема, гражд, де вона здебільшого була відсутня. У більшості районів у стелі в сінях залишали невеликий отвір для виходу диму. У західній частині Закарпаття (Перечинський, Ужгородський райони) над витяжним отвором надбудовували пірамідоподібний, обмазаний глиною димар (так званий «сліпий комин»). Це був своєрідний іскрогасник, оскільки вся його верхня частина, за винятком невеликого отвору, закривалася і була обмазана глиною. Часто отвір у стелі робився у передній частині сіней. До нього прикладали драбину («лазиво») для входу на горище («під»). Найдавніші, відомі за етнографічними матеріалами, драбини виготовлялись із суцільного стовбура дерева і відзначалися характерною для речей селянського побуту монументальністю і міцністю⁷⁵.

У сінях знаходяться речі побуту. В хатах долинян та лемків під стіною, що розділяла сіни та комору, стояла лавиця, на якій розміщували мірки на муку та зерно, рубель та качалку для прання, терки, дерев'яні миски («тяльки») та маслобійки. Крім вищезгаданих предметів в сінях

могли знаходитися сусік, керамічні горщики, чесалка, польова дитяча колиска.

Зустрічаються хати, у яких в сінях представлено розвиток ремесел. Так, на прикладі хати з с. Довге Іршавського району (ужгородський скансен) можемо спостерігати процес виробництва керамічного посуду. Тут в сінях розміщено гончарний круг, писаки, зразки глини, керамічний посуд, сита, дерев'яна довбня, що вказує на розвиток гончарства на Іршавщині.

Часто сіни були зв'язуючою ланкою жилих приміщень. У даному випадку вони виконували функцію кухні. Навпроти вхідних дверей, у лівому кутку, розміщувалась вариста піч. Цим пояснюється потреба господарки тримати під рукою хатній посуд в якнайкращому асортименті. Водночас сіни були найкоротшим шляхом зв'язку з господарським двором. При потребі, накинувши безрукавку («реклик»), брали до рук дійницю чи відро, які стояли на лаві поруч і завжди були напоготові до послуг господарям у виконанні щоденних побутових потреб.

У курних та напівкурних хатах гуцулів, бойків, а подекуди й лемків та долинян сіни мали наскрізні двері. Їх відкривали рідко, лише в тому випадку, коли виходили на господарський двір («город»), виносили чи заносили різні сільськогосподарські знаряддя праці або зібраний урожай. Сіни тут були виробничим осередком, де виконувались різноманітні роботи. Побутові речі нагадують про традиційне заняття гуцулів та бойків. Високогір'я було бідним на ораниці, але багате на полонини і гірські сінокосні луки. Це створювало сприятливі умови для полонинського скотарства, знайшло відбиток у господарському житті та побуті місцевого населення. Більшість посуду і начиння зв'язане з веденням молочного господарства. Овець переважно доїли у відро або гелетки, корів – у дійниці. Бербениці використовували для зберігання молока і його транспортування у село⁷⁶.

Комора («комора», «кліть»), як і сіни, була холодним, неопалювальним приміщенням, призначеним для зберігання продуктів, деяких кормів, посуду, одягу, а в особливих випадках – і снання. Комору, як і сіни, у напівкурних та курних хатах гуцулів, бойків і лемків не білили. Але вона на відміну від сіней завжди була чистішим приміщенням.

В коморах долинян та лемків знаходилися сусіки на зерно, лавиці, на яких розміщували корита, гелетки, віялки, сокири, пральники, курчаки, зварьки. Крім цього, в коморах тримали й предмети призначені для ткацтва, виноробства, садівництва, землеробства. Це, зокрема, граблі, вили, коси, деталі ткацьких верстатів. Іноді в коморах окремі куточки виділяли під розміщення предметів виноробства: бочки на вино та дерев'яний саморобний прес для вичавлювання соку. На стінах висіли оригінальні посудини із засушених динь для набирання вина з бочок («лоповки»). Форма такої посудини набувалася при розвішуванні ба-

дилля дині на тин. При цьому, звисаючи, плоди набували каплеподібний вигляд з довгою, іноді до півтора метра шийкою.

Цікавими за своїм внутрішнім плануванням є комори курних хат бойків та гуцулів. Для них характерні грядки для зберігання одягу, зокрема, жіночих та чоловічих сорочок, фартухів («платів»), жіночих поясів («плетінки», «пасини»), хусток («молодиці»), хусток («шерінки»), холошнів, уйошів, кожухів, гунь та ін. Крім того, тут зберігали різне господарське начиння. Під стінами розміщували сусіки для зерна, ручні ступи. На сусіках – праники, колотівки («обушки»), гелетки, сокири, «гурчів» (посуд для молока, олії), сільнички, «двійнята», серп, бокла («бібоня») для ропи⁷⁷.

З кінця XIX ст. у коморах з'являються невеликі світлові отвори. Які з часом (з 20-х рр. XX ст., коли розпочався інтенсивний процес перетворення комори у друге житлове приміщення) стають вікнами. З перетворенням комори у друге помешкання тут встановлюється чавунна грубка, як правило, місцевого виробництва (Фрідішевського, Довжанського, Кобилецькополянського, Тур'яреметівського залізобробних заводів), а також стіл, ліжко, лавиця зі спинкою та інше.

З перетворенням сіней у кухню, а комори у друге житлове приміщення відбуваються зміни у розташуванні окремих елементів внутрішньої організації хати, їх функціональній специфікації. Кухонна і столова частини переносяться у кухню, випікання хліба – за межі хати (у двір або шопу, де роблять велику піч). Для спання більше використовується друге житлове приміщення (що утворилось із комори) і кухня. Велика кімната перетворюється у святкову – для прийому гостей та проведення сімейних свят і обрядів. У ній же, якщо сім'я була велика, ночувала одна шлюбна пара, як правило, та, яка недавно взяла шлюб⁷⁸.

Внутрішня обстановка та спосіб організації життя в хаті залежали від кількості та складу членів сім'ї. В одному житлі мешкало дві або й більше сімей разом. Найчастіше спільно господарювали батько із сином або зятем. Часто це були двоє братів або брат із сім'єю сестри. У минулому в закарпатських селах народжувалось багато дітей, але значна їх кількість помирала передчасно. Отже, само собою зрозуміло, що в хаті часто відбувались незвичайні події, в часі яких мінялась і повсякденна обстановка кімнати: пологи, хрестини, весілля, похорони. Пологи відбувались на постелі породіллі, яку відокремлювали від іншого хатнього середовища домотканою плахтою. Майже повністю міняється вигляд хати під час весілля, коли з неї виносили практично усі предмети, крім стола та лавок. Гостей саджали у дальших приміщеннях, зокрема сінях та коморі. В житлі ж співали й танцювали. Під час похорону у житлі панував смуток. Біля труни горіли свічки. Рідні та близькі молились

та розлучались з небіжчиком, при якому сиділи цілу ніч. При цьому розважались різними балачками, іграми та жартами⁷⁹.

Мінявся інтер'єр жилого приміщення й під час великих свят, особливо різдв'яних. Тоді в цілій сім'ї панував надзвичайно урочистий настрій. Стіл переповнювали різними стравами. До хати вносили солому. Вечеря супроводжувалась багатством обрядів.

Слід мати на увазі багатогранність соціально-економічних функцій селянського господарства, що зумовлювали поліфункціональність різних приміщень, в яких зосереджувалась виробнича і соціально-біологічна діяльність родини. У літній час, особливо при великій кількості дітей (підлітків та юнаків), окремі підсобні та господарські приміщення використовувались і для снання, зокрема, комора, стодола, сінник, хлів, оборіг і т. д. У свою чергу, хата, призначена насамперед для мешкання, використовувалась також для виробничої діяльності, виконання різноманітних робіт – приготування їжі і кормів, виготовлення полотна, одягу, взуття, обробки молочних і м'ясних продуктів тощо⁸⁰.

Дещо іншою була ситуація взимку, коли більшість мешканців житла були переважно вдома. В такому випадку організація щоденного селянського побуту вимагала інших правил. Поширеним було те, що на ліжку спали старша подружня пара. Однак, коли, наприклад, оженився син, який взявся керувати господарством, ліжко надавали йому. В 20-х рр. ХХ ст. в закарпатських оселях з'являється й друге ліжко, на якому спала молода подружня пара. Решта мешканців влаштовувалась на ночівлю на печі та лавках⁸¹.

Все ж таки і в цих складних умовах простий народ дбав про чистоту й порядок у своїй оселі. Утримування порядку в інтер'єрі хати належало, як правило, жінкам. Про зовнішній вигляд, крім побілки, дбали чоловіки. Завжди після завершення якоїсь роботи долівку кропили водою та змітали з неї сміття. Глиняну долівку наприкінці кожного тижня господиня вимазувала рідким розчином жовтої глини. Так само вимазували піч. Вранці поправляли, стелили ліжко. Сам спосіб стелення залежав від господарських умов життя селян та ступеня розвитку системи опалення й інтер'єру житла взагалі. Перини та подушки з'являються після Першої світової війни. Найпростіший спосіб стелення полягав в тому, що перину або покривало складали, клали на подушку, а потім все ліжко накривали домотканою плахтою («веретою»). Цей спосіб був характерним для бідного селянства і найдовше зберігся на Бойківщині.

Дуже парадними ліжками вирізнялись кімнати світлиці Тячівського, Хустського, Іршавського районів. Тут ліжка застеляли так: на простирadlo («верету») стелили покривало («велах»), що складалось з двох частин («пул»), з'єднаних посередині мереживом («решуткою»), в'язаною гачком («глицею»). Деякі покривала оздоблювали мереживом

і по краях, а в нижній частині прикрашали вишивкою, що являє собою стилізовано-рослинний орнамент. Зверху ліжка накривали вовняними килимами («джергами»). На них в декілька рядів накладали подушки («парни»), які спереду прикрашали вишитими стилізованими квітками. Взагалі вишивка народних майстринь вище згаданих районів вражає багатством барв та орнаментів.

Внаслідок поступового удосконалення способу опалення народ чим далі, тим більшу увагу приділяє стінам та стелі. Великий порядок робили особливо перед Великоднем та Різдом. Тоді білили стіни хати, мили стелю, вікна, двері, лавки, стільці та інші побутові предмети. У святкові дні, як і кожної неділі, стіл накривали вишиваною скатертиною («обрусом»), на якому звичайно знаходився хліб.

Отже, як бачимо, народ і в найскромніших життєвих умовах завжди намагався створити для себе затишне і зручне, чисте і світле, тепле і приємне житло.

Однією з характерних особливостей народного житла українців Закарпаття є гранична простота і лаконічність об'ємно-просторової композиції. Бідність простого закарпатського селянина привертала до себе увагу багатьох дослідників, істориків та етнографів. Так, етнограф О. Митрак, що неодноразово бував у селянській хаті, а тому добре знав домашній побут, описав його простий та в деякій мірі жалюгідний вигляд. В своїй статті «Домики или избы угрорусских крестьян», яка дає цілісне уявлення про життя наших предків, він писав: «Избушка состоит из сеней, налево от которых дверь ведет в комору, а из коморы на чердак; направо из сеней есть другая дверь, которою можно вступить в самую избу. Там находится огромная печь из глины, занимающая четвертую часть всей избы. Около печи – лежаки ("лавицы"), чтоб было где сесть, даже полежати членам семейства. У печи дымной трубы не имеется; дым сквозь цивку так и валит на чердак»⁸².

Розміри житлових приміщень та їх внутрішнє умеблювання диктувалось лише необхідними потребами та принципами практичності і зручності. Характер житлового приміщення та його умеблювання тісно пов'язані між собою. Наприклад, ліжко стояло в найтеплішому і затишному куті біля печі. Стіл з лавами групувались у найбільш освітленій частині хати біля вікон. Мисник з посудом, ложечник були обумовлені місцем розташування печі. Грядки розміщували ближче до стін та стелі. Кімнатне обладнання намагались розмістити таким чином, щоб воно не займало багато місця і відповідало вимогам практичності.

Предмети селянського умеблювання відрізнялись простотою форм і максимальною раціональністю. Вбудовані та напіввбудовані меблі були органічно пов'язані з інтер'єром житла. В їх кращих зразках наочно виявляється просторовість, їх незамкнута конструкція.

Оформлення інтер'єру, добротність та привабливість побутових речей залежали насамперед від матеріального достатку сім'ї, хоча і в хатах бідняків дуже часто зустрічались меблі та обладнання, що відзначались високим художнім рівнем оздоблення. Вже на початку ХХ ст. в конструкціях та оформленні меблів відчувається вплив міської моди. У 20-30-х рр. ХХ ст. поширюється фабричне виробництво меблів.

Хотілось би відмітити, що внутрішнє планування, інтер'єр, використання житлового простору мають в основному спільний для українців Закарпаття, регіону Українських Карпат та й усієї України характер. Деякі відмінності, зокрема, у розташуванні печі й спрямування її челюстей, зустрічались в окремих районах краю. Селянин завжди виходив з принципу раціонального, найбільш повного і зручного використання внутрішнього простору хати, внаслідок чого склалась чітка і дуже стійка традиція його планування та використання. Однак, не зважаючи на традиційність народних форм житла, його оздоблення, воно безперервно змінювалось.

Це стало особливо помітним тоді, коли умови життя сільського населення, а відповідно й вимоги до житла вступали у протиріччя з існуючими типами народного житла. На їх місце приходили сучасні форми інтер'єру, повністю або частково наближені до міських.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Данилюк Д.Д. Історична наука на Закарпатті (кінець ХVІІІ – перша половина ХХ ст.). Ужгород, 1999. С. 193.
2. Там же. С. 201.
3. Жаткович Ю. Замітки етнографічні з Угорської Русі // Етнографічний збірник. 1896. Т. ІІ. С. 1-38.
4. Мазурок О.С. Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород: УжНУ, 2001. – 292 с.
5. Жаткович Ю. Етнографическій очерк угро-русских: Комплексне видання / [Упорядкування і передмова О.С. Мазурка]. Ужгород: Мистецька лінія, 2007. – 392 с.
6. Обідний М. Старі гуцульські хати в селі Квасах // Підкарпатська Русь. Річник ХІІ-ХІІІ. 1936. С. 54-58.
7. Kozminova A. Podkarpatska Rus. Praha, 1922.
8. Kozminova A. Podkarpatska Rus. Prace a zivot lidu. Uzhorod, 2007. – 131 с. (перевидання книги «Підкарпатська Русь», 1922).
9. Вовк Ф. Студії з української етнографії та антропології. К., 1995. – 367 с.
10. Потушняк Ф. Постройка дома в народном вировании // Руська правда. 1940. 4 августа, 6 августа.
11. Симоненко И.Ф. Быт населения Закарпатской области // Советская этнография. 1948. № 1. С. 63-89.

12. *Симоненко І.Ф.* Поселення, садиби та житло на Закарпатті // Матеріали з етнографії та художнього промислу. Вип. II. К., 1956. С. 60-109.
13. *Симоненко І.Ф.* Соціалістичні перетворення в побуті трудящих села Гересниці Закарпатської області. К., 1957. – 379 с.
14. *Юрченко П.Г.* Дерев'яне зодчество України (XVIII–XX ст.). К., 1949. – 213 с.
15. *Маланчук В.А.* Інтер'єр українського народного житла. К., 1973. – 326 с.
16. Бойківщина. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Наукова думка, 1983. – 304 с.
17. Гуцульщина. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Наукова думка, 1987. – 471 с.
18. Лемківщина. Історико-етнографічне дослідження. Львів, 1999. – 504 с.
19. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. К., 1987. – 271 с.
20. *Самойлович В.П.* Народное архитектурное творчество. К., 1977. – 654 с.
21. *Самойлович В.П.* Українське народне житло. К., 1972. – 437 с.
22. *Макушенко П.И., Петрова З.А.* Народная архитектура Закарпатья. М., 1976. – 361 с.
23. *Данилюк А.* Українська хата. Київ, 1991. – 112 с.
24. *Саполига М.* Народне будівництво українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. № 7. Братіслава-Пряшів-Свидник, 1976. С. 387-480.
25. *Саполига М.* Народне житло українців Східної Словаччини. Братіслава-Пряшів, 1983. – 387 с.
26. *Федака П.М.* Залежність між формами сім'ї і народного житла в Українських Карпатах (друга половина XIX – початок XX ст.) // Народна творчість та етнографія. 1987. №1. С. 18-24.
27. *Федака П.М.* Зміни в народному житлі колгоспного селянства Закарпаття (50 – 60-ті роки) // Народна творчість та етнографія. 1978. № 5. С. 22-27.
28. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. Ужгород: Гражда, 2005. – 352 с.
29. *Федака П.М., Тиводар М.П., Мазюта М.А.* Закарпатский музей народной архитектуры и быта. Ужгород, 1981. – 71 с.
30. *Федака П.М.* Формування гірських поселень // Етногенез та етнічна історія населення Українських Карпат. Т. II. Етнологія та мистецтвознавство. Львів, 2006. С. 141-161.
31. Мала енциклопедія українського народознавства / [За заг. редакцією С. Павлука]. Львів: Ін-т народознавства НАНУ, 2007. – 832 с.
32. *Саполига М.* Народне житло українців Східної Словаччини. С. 174.
33. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. Ужгород: Гражда, 2005. С. 172.
34. Бойківщина. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Наукова думка, 1983. С. 166.
35. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. С. 112.
36. Гуцульщина. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Наукова думка, 1987. С. 110.
37. *Саполига М.* Народне житло українців Східної Словаччини. – 174 с.

38. *Федака П.М.* Формування гірських поселень. С. 156.
39. *Данилюк А.* Українська хата. Київ, 1991. С. 51.
40. *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР/ 1956. С. 224.
41. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. С. 112.
42. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. С. 174.
43. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. К., 1987. С.113.
44. *Саполига М.* Народне житло українців Східної Словаччини. С. 210-211.
45. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. С. 175.
46. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. С. 113.
47. *Симоненко И.Ф.* Быт населения Закарпатской области. С. 73.
48. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. С. 180.
49. Мала енциклопедія українського народознавства. С. 345.
50. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. С. 123.
51. *Мазурок О.С.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. С. 180.
52. *Двойникова Е.С., Лямин Н.В.* Художественные работы по дереву. М., 1972. С. 44.
53. Мала енциклопедія українського народознавства. С. 433.
54. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. С. 181.
55. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. С. 114.
56. *Саполига М.* Народне житло українців Східної Словаччини. С. 188.
57. *Никорак О.І.* Сучасні художні тканини Українських Карпат. Київ: Наукова думка, 1988. С. 104.
58. *Коцан В.В.* Оглядова екскурсії по експозиції Закарпатського музею народної архітектури та побуту // Архів Закарпатського музею народної архітектури та побуту. С. 14-15.
59. *Данилюк А.* Українська хата. С. 48.
60. *Макушенко П.И., Петрова З.А.* Народная архитектура Закарпатья. М., 1976. С.40.
61. *Мазурок О.С.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород: УжНУ, 2001. С. 218.
62. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. С. 182.
63. *Жаткович Ю.* Етнографический очерк угро-русских. С. 118.
64. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. С. 183.
65. *Гошко Ю.Г.* Народна архітектура Українських Карпат. С. 114.
66. Лемківщина. Історико-етнографічне дослідження. Львів, 1999. С. 321.
67. Мала енциклопедія українського народознавства. С. 671-672.
68. *Данилюк А.* Українська хата. С. 59.
69. *Никорак О.І.* Українська народна тканина XIX–XX ст. Львів, 2004. С. 412.
70. *Байрак Я.М., Федака П.М.* Закарпатський музей народної архітектури та побуту. Путівник / Я.М. Байрак. – Ужгород: Карпати, 1986. С. 28.
71. *Макушенко П.И., Петрова З.А.* Народная архитектура Закарпатья. С. 41.
72. *Гонтарь Т.А.* Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX – первой четверти XX вв. // Советская этнография. 1978. № 4. С. 81.

73. *Обідний М.* Старі гуцульські хати в селі Квасах // Підкарпатська Русь. – Річник XII-XIII. 1936. С. 56.
74. Лемківщина. Історико-етнографічне дослідження. Львів, 1999. С. 376.
75. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII–XX ст. С. 184.
76. *Байрак Я.М., Федака П.М.* Закарпатський музей народної архітектури та побуту. Путівник. С. 68.
77. *Гонтарь Т.А.* Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX – первой четверти XX вв. С. 47.
78. *Федака П.М.* Залежність між формами сім'ї і народного житла в Українських Карпатах (друга половина XIX – початок XX ст.). С. 19.
79. *Саполига М.* Народне житло українців Східної Словаччини. С. 247.
80. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття XVIII – XX ст. С. 186.
81. *Саполига М.* Народне житло українців Східної Словаччини. С. 248.
82. *Данилюк Д.Д.* Історична наука на Закарпатті (кінець XVIII – перша половина XX ст.). С. 201.

Подписка 2012

На международный исторический журнал

Руськи

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи

Отдельные номера журнала можно приобрести

в Общественной ассоциации «Русь»

(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА (РУСНАКА)

15 сентября 2011 г. на 91-м году жизни почил во Бозе высокопреосвященнейший митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим (Руснак), старейший архиерей Московского патриархата.

18 апреля 1921 г. в маленьком доме на Буковине родился будущий митрополит Никодим. В селе Давидовцы, где он появился на свет, издревле существовал обычай: после первой купели родители клали рядом с младенцем разные предметы нехитрого крестьянского обихода, рабочие инструменты. Считалось, что с тем, к чему младенец притронется ручонкой, будет связана его жизнь. Маленький Николай (мирское имя владыки Никодима) прикоснулся к Библии - само-

му дорогову, что было в убогой хатке Степана и Параскевы Руснак.

Юный Николай Руснак. 1930-е гг. Детство не было безоблачным: приходилось тяжело работать на поденщине, пасти овец, убирать урожай. Но ежедневный труд не омрачал состояния души. В школе, где преподавание велось на румынском языке, любимыми предметами Николая были математика и история. В те годы он дружил с сыном сельского священника отца Иоанна Смеречанского. Общение с батюшкой повлияло на выбор жизненного пути. И в августе 1938 г. Николай отправился в монастырь.

В 1938 г. Николай Руснак стал послушником Иоанно-Богословского Крещатицкого монастыря на Северной Буковине. 6 января 1945 г. принял монашеский постриг с именем Никодим. Монастырь был очень бедным. 29 апреля 1945 г. монаха Никодима рукоположили во иеродиакона, а 23 февраля 1946 г. - во иеромонаха. После трудных военных лет Свято-Иоанно-Богословский Крещатицкий монастырь нуждался в значительном благоустройстве. Трудами иеромонаха Никодима, ставшего в 1950 г. настоятелем святой обители, строится жилой корпус на 24 келии. К этому периоду относятся и первые пробы молодого священнослужителя в литературном творчестве.

В 1955 г. иеромонах Никодим направляется в город Загорск (ныне Сергиев Посад) для поступления в Московскую Духовную семинарию. 1955/1956 учебный год - особенный в истории духовного вертограда «у Троицы», отмечавшего в 1955 г. свое 270-летие. Он стал первым учебным

годом, когда наконец-то появилась аудитория № 1 - храм Божий. Пребывая на учебе в семинарии, иеромонах Никодим некоторое время исполнял обязанности благочинного Свято-Покровского академического храма. В 1956 г. по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича; †1961) иеромонаха Никодима определяют для служения в Свято-Преображенский (Скорбященский) храм на Большой Ордынке в городе Москва, где пребывает высокочтимая икона Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Московскую Духовную академию владыка Никодим окончил в 1966 г. со степенью кандидата богословия за работу по кафедре патрологии «Пастырская и проповедническая деятельность святителя Иоанна Златоуста на Константинопольской кафедре».

Решением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского; †1970) и Священного Синода иеромонах Никодим направляется в Иерусалим в качестве заместителя начальника Русской духовной миссии. Это послушание он выполнял на протяжении трех лет - с февраля 1958 по февраль 1961 г. «Святую Землю, - подчеркивал митрополит Никодим, - я считаю своей второй Духовной академией. Рядом со мной был мудрый наставник - начальник Русской духовной миссии архимандрит Никодим, который щедро делился со мной тем, чему нельзя научиться ни в каком учебном заведении - практическим опытом священнослужения не только на Родине, но и за ее пределами. И кто знает, как бы сложилась моя духовная жизнь, если бы Десница Божия не свела меня с этим дивным иерархом Церкви Христовой, ревностным «служителем по домостроительству Божию» (Кол. 1, 25)». 15 ноября 1958 г. по просьбе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I иеромонах Никодим возведен в сан архимандрита Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским и всей Палестины Венедиктом (Пападопулос; †1980) и затем исполнял обязанности начальника Русской духовной миссии.

5 июля 1961 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I и Священный Синод Русской Православной Церкви приняли решение: «Архимандриту Никодиму (Руснак) по возвращении из Святой Земли определено быть епископом Костромским и Галичским, с совершением его архиерейской хиротонии в Свято-Троице-Сергиевой Лавре». Хиротония архимандрита Никодима во епископа «на дело служения, для созидания тела Христова» (Еф. 4,12) состоялась в Сергиевском Трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры 10 августа 1961 г., в день празднования Смоленской и Костромской икон Божией Матери.

21 апреля 1964 г. чиномачалием Русской Православной Церкви епископ Костромской и Галичский Никодим определен епископом Аргентинским и Южноамериканским для духовного окормления православных верующих, переселенцев из Украины, России и Белоруссии, проживающих на Латинскоамериканском континенте. И если вначале аргентинские власти предоставили епископу Никодиму визу на пребывание в стране лишь в течение трех месяцев, то затем ему выдается так называемое «свидетель-

ство о принадлежности» («сedula de indifcate»), которое давало право на проживание в Аргентине пожизненно. За многие труды, к которым следует отнести и строительство в Аргентине трех новых православных храмов (в том числе Благовещенского кафедрального собора в Буэнос-Айресе) и учреждение в Республике Чили первого русского православного прихода, в 1968 г. преосвященный Никодим возведен в сан архиепископа, а в 1970 г. назначен патриаршим экзархом Центральной и Южной Америки, включая Мексику, и пребывал на этом посту до 1977 г. В 1970 г. под редакцией владыки на испанском языке издается «Служебник» («Литургикон») - чин Божественных литургий Иоанна Злагуоста, Василия Великого и Григория Двоеслова. Специалисты признали его лучшим в Латинской Америке переводом православных литургий на испанский язык.

1 декабря 1970 г. владыка был назначен архиепископом Харьковским и Богодуховским. К этому времени в Харьковской епархии действовало всего около 60 приходов, причем многие из них не имели необходимых помещений. Отсутствовали монашеские обители и духовные школы. Епархиальное управление размещалось в маленькой комнатухе в колокольне Благовещенского кафедрального собора города Харькова. Внешнецерковные труды архиепископа Никодима способствовали активизации жизни епархии.

После тринадцати лет пребывания на Харьковской земле архипастырское служение владыки продолжилось на Львовской кафедре - духовном центре древней Галичины. В апреле 1985 г. указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена архиепископ Львовский и Тернопольский Никодим, правящий архиерей самой многочисленной по количеству приходов епархии Русской Церкви, возведен в сан митрополита.

После 5-летнего перерыва митрополит Львовский и Дрогобычский Никодим 13 сентября 1989 г. Священным Синодом Русской Православной Церкви был вновь назначен на Харьковскую кафедру. В сложной ситуации в церковной жизни Украины, связанной с раскольнической деятельностью бывшего митрополита Киевского Филарета, Священный Синод Матери-Церкви вынес решение: митрополиту Харьковскому и Богодуховскому Никодиму, старейшему по хиротонии архипастырю в Украине, создать и возглавить в 1992 г. Собор епископов Украинской Православной Церкви. Отвергнув пагубный раскол, участники Собора приняли судьбоносное решение - быть в единении со Вселенским Каноническим Православием, нерушимо соблюдать верность историческому пути, указанному святым апостолом Андреем Первозванным, святым равноапостольным князем Владимиром и тысячелетним подвигом стояния в православной вере народа Святой Руси. «Едиными усты и единым сердцем» Харьковский Архиерейский Собор избрал предстоятелем Украинской Православной Церкви блаженнейшего Владимира, ставшего 121-м митрополитом Киевским в истории Святого Православия. Немалые труды были приложены высокопреосвященнейшим Никодимом для

реабилитации и канонизации в 1993 г. священномучеников Слободского края. В том же году Синодом Украинской Православной Церкви митрополит Никодим удостоен права ношения двух панегий. Священноначалием была также отмечена богословско-гимнографическая деятельность владыки, возглавлявшего Богослужебную комиссию при Священном Синоде Русской Православной Церкви и Комиссию по канонизации святых при Священном Синоде Украинской Православной Церкви.

Владыка больше десяти лет боролся с недугом (у него была парализована правая сторона тела после инсульта).

7-8 мая 2011 г. Харьковская епархия торжественно отметила 90-летний юбилей своего архипастыря. Участие в юбилее приняли высокие гости, в том числе Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и Предстоятель Украинской Православной Церкви блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Из Соборознования Патриарха РПЦ МП Кирилла по случаю кончины старейшего иерарха своей Церкви митрополита Никодима (Руснака):

«С прискорбием узнал о кончине старейшего иерарха Русской Православной Церкви преосвященного Никодима, митрополита Харьковского и Богодуховского. За полувековой период архиерейского служения покойный владыка немало потрудился на ниве Христовой, в различных, зачастую многосложных обстоятельствах оставаясь подлинным «домостроителем таин Божиих» (1 Кор. 4:1) и ревностным свидетелем Евангельской Истины.

В судьбоносные моменты истории Украины он твердо противостоял раскольническим действиям разрушителей богозаповеданного единства, являя всем христианам добрый пример верности каноническому Православию.»

*По материалам: <http://www.pravmir.ru>,
<http://pravoslavie.kharkov.ua>, <http://www.taday.ru>*

МИТРОПОЛИТ НИКОДИМ (РУСНАК): ГОСПОДЬ УПРАВЛЯЕТ ШЕСТВИЕМ МОИМ

Жребий брошен

Я покидал пределы моей родной Буковины зрелым, сформировавшимся духовно в монашеском подвиге человеком, которому праведный и благой во всех делах Своих Бог даровал призвание на Свою святую службу, выше которой не может быть ничего. Меня ждали расположенные в Сергиевом Посаде (Загорске) Московские духовные школы - семинария и академия. На протяжении более полутора столетий они были связаны со святой обителью

преподобного Сергия Радонежского. Под его молитвенным покровом в Троице-Сергиевой Лавре богословское образование тесно соединялось с пастырским душепопечением. В этих всемирно известных духовных школах мне предстояло дополнить свой опыт духовной жизни глубиной богословского ведения.

Я ясно представлял себе все трудности, которые меня ожидают. Ведь садиться вновь за ученическую парту мне предстояло после 17-летнего пребывания в монастыре. Но я был уверен в том, что благодаря многолетней духовной закалке, полученной мною в монастыре, я смогу преодолеть любые затруднения. Я чувствовал в себе силы для того, чтобы следовать призыву апостола Петра: «Взрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа». Я был преисполнен стремления усваивать знание, перенимать полезное у других, неумоимо постигать глубины богословия. Мне казалось, что ближайшие несколько лет не сулят мне каких-то особых, неожиданных поворотов в моей судьбе, что они будут заполнены лишь слушанием лекций, чтением, осмыслением услышанного, прочитанного, усвоенного.

Но Промысел Божий выше всякого человеческого разума и того, о чем мы мечтаем. «Как небо выше земли, так... мысли Мои выше мыслей ваших», - говорит Господь. И дальнейший мой рассказ еще раз подтверждает истинность слов Священного Писания: «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его».

Учеба в Сергиевом Посаде и священнослужение в Москве

Я сравнительно быстро освоился в новой, непривычной для меня обстановке: познакомился с учащимися и преподавателями, с громадным интересом слушал и конспектировал лекции, выступал на семинарах, часами просиживал в библиотеке, осваивая богатейшее духовное наследие корифеев православной богословской мысли. Во время моей учебы в Московских духовных школах там преподавали такие выдающиеся ученые, как доктор богословия Николай Петрович Доктусов, Старокадомский, Иван Иванович Шабатин, профессор Георгиевский. Они и многие другие преподаватели, не жалея сил, раскрывали нам неисчерпаемое богатство богословия, щедро делились с нами своим многолетним духовным опытом. Благодарная память о многих наставниках Московских духовных школ навсегда сохранится в душе моей.

Разумеется, во второй половине 50-х годов XX века преподаватели не могли рассказывать нам об истинной, трагической истории нашей Святой Православной Церкви в советское время. Но эти пробелы в нашей академической подготовке восполнялись беседами с жертвами и очевидцами жестоких гонений на Церковь. Так, в 1956 году я поехал на Рождественские каникулы в г. Архангельск, куда был переведен Черновицкий епископ Феодосий (Коверницкий). Он рукополагал меня в сан иеродиакона, а затем и иеромонаха в Черновицком Свято-Духовском Соборе. Вла-

дыка Феодосий принял меня с отеческой любовью. Он попросил меня поехать на Рождественские дни в село Матигоры Холмогорского района Архангельской области, отдаленное от Архангельска на более чем 200 км. Вокруг этого прихода в радиусе более 100 км не было действующего православного храма. Настоятель прихода, 80-летний старец, заболел и служить уже не мог. Я охотно поехал туда. Храм села Матигоры находится на вершине кручи, над рекой. Прихожане шепотом рассказывали мне о том, что во времена сталинизма на эту кручу приводили узников - группу за группой - и расстреливали их. Мертвых и полуживых сбрасывали с этой кручи в бурлящую реку, воды которой неслись в холодное Белое море.

Тяжкие телесные и душевные муки претерпевали в это время исповедники наших православных народов в Соловецком, Валаамском, сибирских и других монастырях - святынях нашей земли, превращенных гонителями веры в лагеря смерти. Но слугам сатаны не приходило в голову, что эти узилища станут для истинных христиан алтарями священнодействия наших православных народов. Как невозможно счесть песчинки на

Слева направо: иеромонах Никодим и иеродиакон Антоний (Вакарник), с 1992 г. – митрополит Черниговский и Нежинский (фото 1948 г.).

берегу морском, так невозможно счесть и святых подвижников на наших славянских православных землях. И эти святые подвижники у Престола Божьего непрестанно молят за нас Христа, Бога нашего.

Вскоре после запечатлевшейся в моей памяти поездки в Архангельскую область мне довелось совмещать учебу в Духовной семинарии с пастырской деятельностью. Дело в том, что мою мать вскоре после ее вступления в монастырь постиг тяжелый недуг - паралич, и в таком мучительном состоянии она пребывала 12 лет. Все эти годы за ней ухаживала одна благочестивая, сострадательная инокиня Иустина (Веренько). Но за уход надо было платить.

Я обратился к ректору Духовной семинарии и академии протоиерею Константину Ружицкому и к инспектору Московских духовных школ, выдающемуся

богослову, философу и историку Николаю Петровичу Доктусову и попросил их походатайствовать перед Московской Патриархией о том, чтобы мне разрешили по воскресеньям и праздничным дням служить в одном из московских храмов и таким образом зарабатывать средства на уход за больной матерью. Такое разрешение было получено. Я был определен для служения в московский Свято-Скорбященский храм, расположенный на улице Большая Ордынка. Настоятелем этого храма в то время был протоиерей Михаил Зернов (впоследствии - архиепископ Киприан, управляющий делами Московской Патриархии). В Свято-Скорбященском храме находилась икона Богоматери всех скорбящих, перед которой свершались молитвословия и акафисты, что изобильно питало меня духовно. И хотя мне было трудно совмещать напряженную учебу со священнослужением, это совмещение оказалось чрезвычайно полезным для моей дальнейшей деятельности.

Через много лет, выступая перед преподавателями и учащимися Харьковской духовной семинарии как ее ректор, я сказал: «Многие спрашивают меня, где я учился, какие науки изучал, откуда почерпнул знания в области литературы и искусства, кто учил меня разбираться в экономике и дипломатии и т. д. В таких случаях я отвечаю, что получил образование не только в духовной семинарии и академии, а учился и учусь до сего дня у книги жизни, познанию которой нет предела».

Служение в московском Свято-Скорбященском храме вселяло в мою душу чувство своей полезности, нужности людям. В этой связи расскажу такую историю. В одно из воскресений Рождественского поста настоятель Свято-Скорбященского храма протоиерей Михаил Зернов благословил меня пойти по указанному им адресу и причастить тяжело больного человека. В то время это было нелегкой задачей для священника - посещать дома, да еще в Москве. Подойдя к дверям указанной мне квартиры, я нажал на кнопку звонка. Дверь открыла видная женщина. С первого же взгляда можно было удостовериться в глубокой интеллигентности, присутствующей этому человеку. Я спросил ее, приглашала ли ее семья священника. «Да, батюшка, заходите», - приветливо откликнулась она и проводила меня в комнату, где на кровати лежал изможденный мужчина лет сорока пяти. Я попросил женщину и ее дочку выйти в другую комнату, а сам приступил к совершению Святого Таинства Исповеди. Болящий по имени Василий сказал мне: «Батюшка, я пригласил тебя не для того, чтобы ты меня успокаивал как больного. Я взрослый, все понимающий человек, более того - работник ЦК КПСС. На протяжении всей своей жизни я сознательно боролся против Церкви и против Бога. Я болен раком, и мне остается два или три дня жизни. Ты мне ответь: Бог может мне простить то, что на протяжении всей своей сознательной жизни я воевал против Него или нет?».

Я стал мучительно размышлять: что ответить этому больному, чтобы помочь ему? Господь Милосердный отозвался на мою внутреннюю

мольбу, обращенную к Нему. Я вспомнил про разбойника, каявшегося на Голгофском кресте, и сказал больному: «Если вы способны к такой глубокой вере в Господа, которой проникся разбойник, висевший на кресте и просивший помянуть его в Царствии Небесном, то Господь и вам скажет так же, как ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». Я верю, что Господь простит вам». Лежавший передо мною больной судорожно схватился обеими руками за мою руку и почти в истерике, рыдая, воскликнул: «Я верю, верю: наш Господь меня простит!»

Эта святая исповедь на всю жизнь осталась для меня, как духовника Православной Церкви, назидательным уроком. После исповеди я причастил больного. Он успокоился, а потом вновь начал плакать и сказал: «Батюшка, у меня есть еще один грех, который я не могу исправить. Моей дочери Марии уже 18 лет. Когда она была маленькой, ее хотели окрестить, но я категорически запретил это делать». И на этот раз я утешил его, заметив: «Это дело поправимое, позовите дочь к себе, скажите ей об этом, и вы освободитесь от этого греха». Он пригласил дочь к своей постели. Девочка припала к его коленям, и он повинился перед ней: «Доченька! Прости меня, я запретил тебя крестить, когда ты была маленькой!» Заливаясь слезами, она утешила его: «Папочка, родной! Будь спокоен, я крещусь!»

С трепетным волнением я оставил их дом. Через два дня, во вторник, в храм пришли люди и сообщили, что исповеданный мною больной умер. Перед смертью он просил, чтобы отпевал его я. С благоговением выполнил я последнюю волю покойного. А еще через два дня, в четверг, я был приглашен в дом усопшего и совершил Таинство Крещения над его дочерью. Так, Богу содействующу, при сострадании к кающемуся грешнику я приобрел духовное утешение на всю свою жизнь.

Мое прилежание в учебе и ревностное служение в московском Свято-Скорбященском храме были замечены церковным руководством.

В декабре 1957 года, в одно из воскресений, я, как всегда, пришел в храм для чреды своего служения. Настоятель храма протоиерей Михаил Зернов беседовал в алтаре с незнакомым мне иеромонахом. Я приблизился к ним, чтобы поздороваться. Настоятель храма представил меня иеромонаху, а затем, представляя своего собеседника, сказал: «Это - игумен Никодим (Ротов), помощник начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме. А в настоящее время Синод Русской Православной Церкви определил ему быть начальником этой Миссии».

В непродолжительной беседе я попросил игумена Никодима о его молитвах за меня у Гроба Господнего. В ответ на эту просьбу игумен Никодим, улыбаясь, произнес: «А ты поезжай в Иерусалим и сам помолись у Гроба Господнего». Но о поездке в Святой град Иерусалим в то время мало кто мог даже мечтать. Поэтому я не придавал особого значения словам игумена Никодима и этой мимолетной встрече и продолжал заниматься своими обычными делами.

Но через несколько дней меня пригласили в Отдел внешних церковных сношений Московской Патриархии. Там со мной стал беседовать секретарь отдела Алексей Буевский. Вначале он поинтересовался, какие из богословских предметов мне больше всего нравятся, а затем, как бы между прочим, спросил: «А не желали бы Вы поехать за границу?» Недоумевая, я простодушно ответил: «Конечно, хотел бы, но не больше чем на неделю-две, чтобы не прерывать надолго учебу в Духовной семинарии». На этом наш разговор закончился. Но неожиданные собеседования, смысл которых мне тогда был совершенно непонятен, продолжались.

В 1958 году, за три недели до Пасхи, меня пригласил к себе в кабинет новый инспектор Духовной семинарии и академии архимандрит Леонид (Поляков), впоследствии - митрополит Рижский и Латвийский. Все свои беседы с учащимися он начинал с обращения: «Миленький мой». Не стал изменять он этой привычке и на сей раз. «Миленький мой, - спросил он меня, - ты почему не сообщил мне о том, что тебя направляют в Русскую духовную миссию в Иерусалиме?» Этот вопрос прозвучал для меня как гром среди ясного неба. Лишь после явно затянувшейся паузы я смог пробормотать, что мне об этом ничего не известно. «Ладно, - продолжил беседу архимандрит Леонид, - ступай в библиотеку и возьми у ее заведующего тетрадь со своим последним сочинением по гомилетике. Я его об этом уже предупредил. Возьми свое сочинение, за которое я тебе поставил «двойку», исправь текст в соответствии со сделанными мною замечаниями и перепиши сочинение в новую тетрадку». Надо заметить, что архимандрит Леонид явно предвзято относился ко мне. Объяснялось это тем, что я был старше остальных учащихся своего класса, за моими плечами был пятилетний стаж настоятельства в Свято-Иоанно-Богословском Крещатинском монастыре, и поэтому мои соклассники частенько больше прислушивались к моему голосу, чем к предписаниям педагога-руководителя нашего класса и инспектора духовных школ архимандрита Леонида. Из-за этого последний постоянно ставил мне по гомилетике, которую он преподавал, «двойки».

Памятую все это, я с чрезмерной, по моему теперешнему разумению, резкостью ответил нашему инспектору архимандриту Леониду: «Сочинение по Вашему предмету - гомилетике - я переписывать не буду, ибо считаю, что оценку Вы мне поставили заслуженно. Не буду! Пусть поставленная Вами оценка остается!» Архимандрит Леонид попытался уговаривать меня, но я оставался непреклонным и даже привел широко распространенный в среде учащихся, но далеко не бесспорный афоризм: «Что это за ученик, если он не получал «двоек»?» В конце концов, несмотря на продолжавшийся со стороны архимандрита Леонида нажим, сочинение по гомилетике я так и не переписал.

Вспоминая сейчас об этом эпизоде, я думаю о том, насколько важен индивидуальный подход педагога к каждому из своих учеников. Одного надо направить на путь истинный строгим назиданием, другого - под-

держать в трудную для него минуту, третьего - поощрять в его неустанном искании истины. И главное, ко всем без исключения учащимся наставнику надлежит относиться с искренней, отеческой любовью, для каждого из них у наставника всегда должно находиться доброе слово. Недаром в народе говорится: «Доброе слово и кошке приятно». Ну, а относительно гомилетики я могу заметить, что экзамен по этому предмету я продолжаю сдавать вплоть до настоящего времени. За свое более чем полувековое пастырское и архипастырское служение я произнес не один десяток тысяч проповедей и «Слов» и не раз убеждался в том, что они благосклонно воспринимались и воспринимаются моими слушателями. А это для меня гораздо важнее, нежели «пятерка» в экзаменационной ведомости учебного заведения.

Вскоре после беседы с архимандритом Леонидом я, наконец-то, понял значение моего мимолетного знакомства с игуменом Никодимом (Ротовым). Оказалось, что он приходил в наш Свято-Скорбященский храм для того, чтобы посоветоваться с протоиереем Михаилом Зерновым, который до него был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, относительно того, кого из священнослужителей избрать себе в помощники. И протоиерей Михаил Зернов порекомендовал ему меня.

Наконец, решением Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) и Священного Синода Русской Православной Церкви от 23 апреля 1958 года я был направлен в Святой град Иерусалим в качестве заместителя начальника Русской духовной миссии.

На Святой земле

Мое послушание в Русской духовной миссии в Иерусалиме продолжалось три года - до 9 февраля 1961 г. На протяжении первого года я был заместителем начальника Русской духовной миссии, а следующих двух лет - исполняющим обязанности начальника Русской духовной миссии.

В Святом граде Иерусалиме, где сотворилось великое Таинство Крестной Жертвы Сына Божьего, я с невыразимым трепетом, со стесненным дыханием совершил свою первую Святую Бескровную Жертву на Святом Гробе Господнем. Преклонив свои колени пред Святая Святых мира, я не находил слов для того, чтобы выразить благодарение Богу и молить Его о нуждах всех людей и о себе, грешном. В эти священные минуты я вспомнил слова, написанные монахиней Горненской обители Викториной: «У Гроба Господня замолкают уста, только биение сердца вопиет к Богу: "Боже, буди милостив ко мне, грешному"».

Такие же чувства испытывал я и во время принесения Бескровной Жертвы на Святой Голгофе, где пролилась Кровь Господня за грехи всего мира. Там хотелось беспрестанно повторять лишь одно: «Господи, Ты пощадил разбойника, пощади и всех нас, немощных чад Твоих, и омой грехи всего мира Твоей Пречистою Кровью!» Там немели уста, там память отказывалась вспоминать чьи бы то ни было обиды и прегрешения,

ибо Любовь Распятого зывала к людям: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас». Эти трепетные мгновения на Святой Голгофе сохранятся в душе моей до моего последнего вздоха.

На Святой земле мне была дарована и великая благодать служения в Вифлеемской пещере, где 2000 лет тому назад возлежал на сене Царь мира и Господь всех веков. В моем сердце теплилось только одно желание: присоединить свои убогие слова к хору ангелов небесных, воспевавших над этой Вифлеемской пещерой дивное Рождение Христово.

Не раз посещал я город Назарет, где Божия Матерь через архангела Гавриила получила благовествование о том, что Она родит Божественного Младенца, где Божия Матерь и праведный Иосиф воспитывали Богомладенца Христа, Который затем, по достижении Им тридцатилетнего возраста, отправился в Свой мессианский путь. Я также трепетно молился в окрестностях Иерусалима - в Свято-Крестном монастыре, где, по преданию, было спилено дерево для Креста, на котором распяли Иисуса Христа. Не передаваемые словами чувства я испытал при посещении Элеонской горы - места, откуда вознесся на Небо Господь. Затем, во время моего пребывания на Святой Земле, было благоговейное Жертвоприношение на Гробе Божией Матери в Гефсиманском саду, а также дивное хождение по берегам Тивериадского озера, где Господь умножил пять хлебов и две рыбы для насыщения пяти тысяч народа и где после своего Воскресения Он вкушал со святыми апостолами печеную на углях рыбу и преломленный Им хлеб. В селении Вифсаиде я поклонялся Святым

Свято-Троицкий собор Русской духовной миссии в Иерусалиме.

местам, где родились святые апостолы Андрей Первозванный и Петр. В этих и в других достопамятных местах на Святой земле мне не раз хотелось взять в руки священную арфу и, следуя примеру святого пророка Давида, воспевать величие промыслительной любви Божией к людям.

В 1960 году, когда я исполнял обязанности начальника Русской духовной миссии в Святом граде Иерусалиме, Бог судил мне заложить в саду святой равноапостольной Марии Магдалины основу храма в ее честь. Завершил строительство этого храма архимандрит Варфоломей (Гендаровский), который в 1963 году был хиротонисан во епископа Угличского. В его Епископской хиротонии участвовал и я. А в 1987 году епископ Варфоломей почил в Бозе. Сотрудники Русской духовной миссии в Иерусалиме часто приходят помолиться в этот храм святой равноапостольной Марии Магдалины. Особенно многолюдными бывают эти моления в День ее памяти.

Святую землю я считаю своей второй Духовной академией. И это не просто слова. В Святом граде Иерусалиме на протяжении года рядом со мной каждодневно был мудрый наставник - начальник Русской духовной миссии архимандрит Никодим (Ротов), который щедро делился со мной тем, чему нельзя научиться ни в каком учебном заведении - богатейшим практическим опытом священнослужения не только на Родине, но и за ее пределами. Правда, полное взаимопонимание у нас установилось не сразу. Архимандрит Никодим был чрезвычайно требовательным человеком. И поэтому мне поначалу казалось, что он слишком строг по отношению ко мне. И я, по своей молодости и неопытности, не нашел ничего лучшего, как поделиться своими впечатлениями о строгости своего начальника с настоятельницей и некоторыми монахинями женского Горненского монастыря, в котором я совершал богослужения по средам и воскресеньям. Монахини в свою очередь жаловались мне на чрезмерную, по их мнению, требовательность архимандрита Никодима.

И вот, спустя два или три месяца после моего прибытия в Иерусалим, после обычного утреннего совещания сотрудников Русской духовной миссии архимандрит Никодим попросил меня остаться. После того как все разошлись, он облокотился о стол, склонил голову на руки, прищурил глаза и спросил меня: «Слушай, отец Никодим, ты говорил, что я жесток и тому подобное?» Поняв, что все, о чем я говорил с монахинями, ему известно, я признался: «Да, отец архимандрит, говорил». «А вот то-то и то-то говорил?» - продолжал допытываться мой неумолимый начальник. «Да, все, о чем вы спрашивали, я говорил», - покаянно ответил я. «А почему говорил?» - не отставал он от меня. «Да вот взяло за душу - и говорил», - с ноткой отчаяния в голосе промолвил я.

Архимандрит Никодим, видимо, остался доволен моими честными ответами. Он поднял голову и с улыбкой предложил мне: «Отец Никодим, давай договоримся о следующем. Все мы люди немощные, у всех нас разные характеры, и поэтому, если когда-нибудь что-нибудь «возьмет

тебя за душу», ты лучше никому не жалуйся, ибо этим непременно воспользуются для того, чтобы поссорить нас. А в итоге все это отразится на нашей духовной работе - и не просто на работе, а на ответственной работе в Святом граде Иерусалиме». А затем он добавил: «Знаешь, что бы я тебе посоветовал? Когда, как ты сказал, тебя что-то «возьмет за душу» (а это вполне может случиться, ибо все мы далекие от совершенства смертные люди), то возьми ключ, закройся в своей келье и крой меня вдоль и поперек, пока не отведешь душу, а потом, успокоившись, приходи ко мне, и мы с тобой будем мирно и плодотворно работать на пользу Святой Церкви».

На такое, позволю себе сказать, святоотеческое преисполненное духовной мудрости, всепрощающее наставление по немощи человеческой способен далеко не каждый. Так может поступать лишь тот, кто, по словам святого апостола Павла, «имеет веру и добрую совесть». Таким богатством, таким даром Божиим приснопамятный пастырь (а затем архипастырь) Никодим преизобиловал преизрядно.

Этот откровенный разговор не только наполнил меня глубочайшим уважением к архимандриту Никодиму; он раскрыл мне путь христианского отношения к людям, заключающегося в умении прощать своим ближним их ошибки, находить в каждом человеке зерна добра. Когда я выходил из кабинета архимандрита Никодима, мы с ним искренне, по-братски обнялись и пообещали друг другу тесно сотрудничать в возложенном на нас Матерью-Церковью послушании. С этого Богом благословенного дня мы с архимандритом Никодимом оставались искренними духовными друзьями - вплоть до его трагической смерти. С архимандритом, а затем митрополитом Никодимом я всегда мог поделиться своими тревогами и опасениями и всегда мог рассчитывать на его мудрый совет и поддержку.

Во время моего пребывания на Святой земле мой духовный опыт значительно обогатился и за счет тесного духовного общения с монахинями Горненского женского монастыря, где, как уже отмечалось, я еженедельно проводил богослужения. Мне хочется назвать здесь имена некоторых, ныне уже почивших в Бозе, насельниц этой святой обители. Это игумения Михаила и ее преемница игумения Тавифа, ризничная монастыря, монахиня Рахиль, монахини Викторина, Виссариона, Вероника, Евгения, Магдалина, Тавифа (впоследствии - схимонахиня Диодора), благостная Ермиония, Акилина. Они и другие насельницы Горненского женского монастыря рассказывали мне о своем нелегком монашеском подвиге на Святой земле в условиях сложного переплетения там религиозных и политических противоречий. Эти неспешные, душевные разговоры с благоговейными матушками не раз помогали мне принимать верные решения в трудных ситуациях.

Одним из главных уроков, усвоенных мною в моей второй академии на Святой земле, было терпимое отношение ко всем людям, независимо

от их вероисповедания, национальности, образа жизни. Как известно, Святой град Иерусалим - средоточие многих религий и, прежде всего, христианства, иудаизма, мусульманства. Живя в Святом граде Иерусалиме, я постоянно помнил о том, что для Христа не существовало никакого избранного народа, что Он не проводил никакого различия между «иудеями и эллином» и что возгласители Его учения всегда обращались с проповедью ко всем людям, к «народу Божьему». В Святом граде Иерусалиме я пришел к глубокому убеждению, что ни одна религия не должна считать себя доминирующей и что в общении с разными народами надо руководствоваться словами нашего великого Кобзара: «И чужому научайтесь, и своего не цурайтесь».

На Святой земле я познакомился со многими известными людьми. Среди них были и православные, и католики, и мусульмане, и приверженцы иудаизма, и представители других Церквей, а также государственные и общественные деятели. Постоянное общение с ними расширило мой кругозор, позволило приобщиться к культуре и традициям разных народов мира, духовно обогатило меня, еще больше укрепило меня в моей верности Святой Православной Церкви.

Среди этих незаурядных личностей мне, прежде всего, хотелось бы назвать Великого Патриарха Иерусалимской Церкви блаженнейшего Венедикта - мудрейшего и добрейшего человека, выдающегося богослова, искусного дипломата. Благоговение перед ним я сохранил до конца своих дней.

Неизменную духовную радость мне доставляло общение с видными иерархами Гроба Господнего: архимандритом Хрисанфом (впоследствии - архиепископом), архимандритом Диодором (впоследствии - блаженнейшим и благостнейшим Патриархом Святого града Иерусалима и всея Палестины, который недавно почил в Бозе), архиепископом Василием, архиепископом Даниилом.

Воплощением истинной, не показной доброты, идеалом настоящего архипастыря я считал и считаю митрополита Святого града Назарета Исидора. Уважение к нему со стороны православного населения Галилеи, особенно со стороны православных арабов, было столь велико, что они после окончания богослужения часто несли этого архипастыря на руках более километра от Собора Благовещения Пресвятой Богородицы до его резиденции.

Сейчас я часто вспоминаю то время моего служения в Иерусалиме, когда и я, и многие из названных мною здесь иерархов были молодыми. Думаю я и о том, что Бог уже призывает друг за другом к Себе нас, дабы мы дали Ему отчет обо всем, соделанном нами. И я постоянно молился и молюсь за упокой тех, с кем Промысел Божий свел меня в Святом граде Иерусалиме и кто уже отошел ко Господу.

Пребывая в Святом граде Иерусалиме, я поддерживал постоянные связи с представителями Армяно-Апостольской Церкви. Особенно те-

плыми были мои отношения с архимандритом Папкеном Абадьяном, который происходил из бейрутских армян. В 1960 г. он был рукоположен Католикосом-Патриархом всей Армении Вазгеном I, который также происходил из зарубежной диаспоры, во епископа с определением на Аргентинскую и Южноамериканскую кафедру. Прощаясь с ним, я невольно изумился тому, сколь непостижим жребий Божий, неожиданно перемещающий людей за тридевять земель. Но мне и в голову не могло тогда прийти, что через какие-то четыре года Промысел Божий судит и мне оказаться в тех краях, куда отправлялся новопосвященный епископ Армяно-Апостольской Церкви.

Находясь на Святой земле, я не раз присутствовал на разных официальных приемах. Не раз доводилось мне встречаться с государственными деятелями Израиля и в неофициальной обстановке. Особенно запечатлелись в моей памяти встречи с вице-министром Министерства религии Израиля доктором Варди. Это был необычайно одаренный человек. Он окончил в одном из западноевропейских университетов юридический факультет, а затем изучал теологию в Григорианском университете в Риме. Находясь на посту вице-министра Министерства религии Израиля, он одновременно преподавал в Иерусалимском университете историю христианских религий (разумеется, с позиций последовательного адепта иудаизма). Впоследствии судьба не раз сводила меня с этим всесторонне образованным, умным человеком на разных всемирных религиозных форумах. Добрые деловые отношения установились у меня также с сотрудниками Министерства религии Израиля доктором Мендесом, доктором Кольби и с рядом видных государственных деятелей Израиля.

Разностороннее общение с людьми разных вероисповеданий и взглядов дало мне возможность постичь искание Божественной Истины разными путями. Но, несмотря на это разнопутье, в конечном итоге торжествует стремление всех народов к Солнцу Правды - нашему Творцу. И куда бы в дальнейшем ни приводил меня Промысел Божий, я всегда помнил, что мой священный долг пред Богом и людьми - это уважение к тем, среди кого Бог предназначил мне находиться с одной-единственной целью: вносить в их жизнь дух христианской любви, которая утверждает в народе Божиим Божественные добродетели и помогает познавать Божественную Истину - Свет Евангелия Христова.

Таким многоцветным было мое служение на Святой земле. Каждый день, начинавшийся с Божественной литургии, был заполнен множеством важных, неотложных дел, каждый день приносил что-то новое, неизведанное. Но внезапно в эту жизнь ворвалось большое горе. 12 февраля 1961 года я получил из монастыря, в котором пребывала моя мать, скорбную телеграмму о ее блаженной кончине. В измерении судеб Божиих, начертанных Десницей Божией в нашей жизни, моя родная мать завершила свое земное хождение пред Богом в Великой схиме с именем святой равноапостольной Марии Магдалины.

Быстро оформить визу тогда было невозможно. Из-за этого я не смог прибыть на погребение своей матери. Ее погребли в Свято-Иоанно-Богословской Крещатинской обители без меня. Я сообщил о кончине моей матери блаженнейшему Патриарху Иерусалимскому Венедикту, и он, в силу своего отеческого отношения ко мне, во утешение моей скорби благословил архиепископу Фаворскому Виссариону совершить на Гробе Господнем литургию за упокой моей новопреставленной матери, схимонахини Марии Магдалины. Свершение Святой Божественной литургии на Гробе Господнем за упокой моей новопреставленной матери принесло облегчение моей глубоко истомленной печалью душе. Но и сегодня, размышляя над судьбой моей матери, я проникнут чувством вечного долга молитвы пред Богом за ее упокой.

В конце февраля 1961 года меня отозвали на Родину. После возвращения из Иерусалима я временно совершал богослужения в Московском Елоховском Богоявленском Патриаршем Соборе. Затем мне предоставили отпуск, и я поехал в Свято-Иоанно-Богословский Крещатинский монастырь, где была похоронена моя мать, чтобы низко поклониться и помолиться у ее святой для меня могилы. Монахини рассказали мне о ее последних минутах, и их рассказ я до сих пор вспоминаю со слезами на глазах. Умирая, моя мать попросила снять со стены мою фотографию, прижала ее к своей груди, как когда-то прижимала меня к себе во времена моего младенчества, и в то же мгновение отдала свою измученную душу в руки Божии. Впоследствии я написал на надмогильном кресте своей матери стихи.

Я написал, что моя мать в могилу унесла все то, что не досказала, ибо, когда Господь призвал ее к приюту вечности, я находился во Святом граде Иерусалиме.

Мои односельчане постоянно ухаживают за могилой моей матери. Она всегда утопает в цветах. В присланном мне из родного села Давидовцы видеофильме, о котором я упоминал на первых страницах этой книги, запечатлена трогательная сцена исполнения учениками и учителями Давидовской школы на могиле моей матери песни, которую они посвятили ей.

Во время приезда на могилу матери я также бывал в родном селе Давидовцы. Там я встретился со многими своими односельчанами и, прежде всего, с женой Дионисия Бевцика Доминикой, которая ко времени нашей встречи уже вдовствовала. Бедная вдова Доминика, ныне уже в Бозе почившая, поведала мне о горьких последних годах и днях своего покойного мужа. Во время правления Н.С. Хрущева была объявлена амнистия для многих политзаключенных. Были освобождены из лагерей и Дионисий, и его невестка Туся. Но вскоре после возвращения Дионисия домой каторга напомнила ему о себе. Он слег и уже больше не поднялся. По словам Доминики, в свой смертный час Дионисий не вспоминал ни о своем прежнем богатстве, ни о своих детях, ни о перенесенных им каторжных страданиях. Последними его словами были: «Боже мой! Как

бы мне хотелось поговорить сейчас с отцом Никодимом!» Произнеся эти слова, он три раза глубоко вздохнул и отдал свою измученную душу в руки Предвечного Праведного Судии Бога. А покотившиеся по холодеющему, изможденному лицу Дионисия слезинки свидетельствовали о его горьком раскаянии в попании им предначертанного ему свыше жребия.

Я много думал о последних минутах жизни Дионисия и о его последних словах. И мне кажется, что он в конце своей жизни осознал не только всю тщету своих юношеских устремлений к преходящим, подверженным тлению благам мира сего, но и то, что отринутый им на Святой горе Афон жребий Божий Бог передоверил соседскому пареньку, который когда-то пас у него овец. А между тем Десница Божия и после моего возвращения из Святого града Иерусалима продолжала вести меня по ведомой лишь Творцу всего сущего стезе...

Архипастырское служение в Южной и Центральной Америке Господь управляет шествием моим

После многочасового полета наш самолет приземлился в аэропорту Эсейса, расположенном в 40 км от столицы Аргентины Буэнос-Айреса. Меня встречало множество людей: официальные лица республики Аргентина, наши православные прихожане, представители разных Церквей в Латинской Америке. Среди встречавших был и иерарх Армянско-Апостольской Церкви Папкен (Абадьян), с которым мы в 1960 году расстались в Святом граде Иерусалиме. Мы обнялись с ним, как близкие, родные братья, и у меня сразу же исчезло чувство заброшенности и одиночества, которое овладевает каждым, когда он впервые ступает на неведомую ему землю.

В моем нелегком послушании меня всегда вдохновлял подвиг ревностных миссионеров Русской Православной Церкви: начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), святого равноапостольного святителя Николая (Касаткина) - архиепископа Токийского и Японского, преподобного Германа Аляскинского и других. Руководствуясь их благодатным примером, я прилагал все свои усилия для того, чтобы возрождать святоотеческие православные традиции и духовно окормлять как своих соотечественников, которых многие годы назад горькая доля унесла за тысячи миль от родной земли, так и их детей, внуков и правнуков, которые ее никогда не видели.

Я прибыл в Латинскую Америку для несения архипастырского служения после того, как там уже 12 лет не было архипастыря Русской Православной Церкви. Мой предшественник епископ Феодор (Тукачев) в 1952 году из-за происков недругов Святого Православия был выдворен из Аргентины как persona non grata. После возвращения на Родину он вел жизнь аскета в Псково-Печорском монастыре, где и отошел ко Господу. Вначале аргентинские власти предоставили мне визу на пребывание в Аргентине только в течение трех месяцев. Но затем мне было выдано так

называемое «свидетельство о принадлежности» («cedula de indificate»), которое давало мне право на проживание в Аргентине пожизненно.

С учетом отмеченных выше обстоятельств надо ли говорить о том, какую величайшую ответственность за вверенную мне миссию я ощущал во все время моего пребывания в Южной и Центральной Америке? А ведь оно измерялось не днями и даже не месяцами, а долгими годами. Более четырех лет - до конца февраля 1968 года я нес служение епископа Аргентинского и Южноамериканского. 25 февраля 1968 года я был возведен в сан архиепископа и назначен экзархом Центральной и Южной Америки. И даже после того, как в конце 1970 года я был отозван чиновниками Русской Православной Церкви на Родину и нес служение архиепископа Харьковского и Богодуховского, мне довелось до октября 1977 года совмещать его с исполнением обязанностей экзарха Центральной и Южной Америки, включая Мексику.

Ко времени моего прибытия в Аргентину связи этой страны с Советским Союзом едва-едва теплились. К тому же, как и в Святом граде Иерусалиме, в Латинской Америке мне довелось нести свое служение в поликонфессиональной среде. Наиболее распространенная религия в Латинской Америке - католицизм. Он является государственной религией в большинстве латиноамериканских стран. К разным протестантским деноминациям там принадлежит около 10 % населения. И, наконец, в странах Латинской Америки живет около полумиллиона православных христиан: русских, украинцев, белорусов, сирийцев, ливанцев, армян,

С прихожанами (Аргентина).

греков, румын, сербов, коптов. Больше всего православных в Аргентине (около 400 тысяч).

Учитывая слабую осведомленность латиноамериканцев о Советском Союзе в середине 60-х годов XX века и многоцветие религиозной жизни в Латинской Америке, я считал одной из своих важнейших задач достойное и искреннее засвидетельствование государственным и общественным деятелям, Церквам и народам стран Южной и Центральной Америки глубокого благочестия и твердости веры нашего боголюбивого народа, дабы слово Божие царствовало в мире и служило ему во благо. Во время пребывания в Южной и Центральной Америке я удостоился чести быть принятым президентами Аргентины, доктором Артуром Умберто Ильией, генералом Х.К. Онганией, а также президентом Чили доктором Монтальво Эдуардо Фреем, который был не только видным государственным и общественным деятелем, но и известным юристом и публицистом. У меня также сразу же сложились самые добрые отношения с государственными деятелями Аргентины, которые ведали религиозными делами. Особенно дорогими моему сердцу были и остаются: заместитель министра иностранных дел Хосе Арменго Ногероль, его преемник доктор Арамбари, директор департамента некатолических вероисповеданий доктор Романо Браво, его заместитель доктор Видаль Раффо и сеньор Нестор Породи. Со всеми этими людьми мне было очень приятно и решать множество деловых вопросов, и по-человечески, по-дружески общаться в свободное время. Очень хорошо они относились ко мне во время моего пребывания в гостеприимной Аргентине. Их имена я постоянно упоминаю в своих молитвах.

В духе братского взаимопонимания проходили мои встречи с иерархами Православных Церквей в Аргентине: митрополитом Антиохийской Православной Церкви Мелетиосом (Свайти), епископом Греческой Православной Церкви Мелетиосом (Деокандрео), а после его смерти - с его преемником епископом Геннадием; кроме того, с рядом иерархов Сирийской Православной Церкви, епископом Республики Чили преосвященнейшим Афанасием и митрополитом Бразилии Игнатием (Фырсли). Неизменно дружескими оставались мои отношения с Архиепископом Армяно-Апостольской Церкви Папкеном (Абадьяном) и иерархами и священнослужителями других Православных Церквей в Латинской Америке. Мы в братском единении, с чувством взаимной любви часто совершали в наших храмах соборные богослужения и вместе участвовали во встречах с верующими разных Православных Церквей в странах Латинской Америки. Нормальные отношения у меня также сложились и с примасом Римско-Католической Церкви в Аргентине, кардиналом доктором Антонио Каджани и с примасом Римско-Католической Церкви в Республике Чили, кардиналом доктором Раулем Сильва, и со многими руководителями традиционных Протестантских Церквей. И вообще, во время моего служения в Латинской Америке там не происходило каких бы то ни было конфликтов на религиозной почве. Значительный вклад

в установление в 60-х годах XX в. добрых, братских отношений между разными христианскими Церквями внес Римский Папа Иоанн XXIII (1958–1963) - неутомимый проповедник конфессиональной терпимости и христианской любви. Созванный по его инициативе Второй Ватиканский Собор (1962-1965) еще больше упрочил этот курс. К сожалению, этот дух взаимопонимания между христианскими Церквями в наши дни заметно охладел. А тогда, в 60-х годах XX в., иерархи, священнослужители и паства разных Церквей составляли как бы единый хор, славивший Творца. Разумеется, при этом каждый сохранял свою религиозную самобытность: одни вели партию баса, другие - альты, третьи - тенора и т. д. Но в целом звучание нашего хора зависело от промыслительной воли Дирижера - Творца всего свершающегося в мире, в том числе направляющего пути разных Церквей и ее служителей. В этой связи мне вспоминается такая история.

Во время моего пребывания в Буэнос-Айресе меня однажды пригласил к себе в гости профессор Военно-морской академии доктор Линерс де Эстрада. Кроме меня, среди приглашенных в его дом были: митрополит Антиохийской Православной Церкви Мелетиос (Свайти), епископ Греческой Константинопольской Церкви Мелетиос (Деокандрео), архиепископ Армянско-Апостольской Церкви, уже не раз упоминавшийся мною Папкен (Абабян), генеральный капеллан Федеральной полиции Буэнос-Айреса падре Гарделла, профессор Католического института города Лухань падре Крпан и несколько мирян. В завязавшейся за чашкой чая беседе один из гостей, адвокат по профессии, задал «провокационный» вопрос профессору-католику падре Крпану: «Падре, чем Вы можете доказать бытие Божие?» Следует заметить, этот вопрос до настоящего времени остается предметом нескончаемых дискуссий. Однако падре Крпан очень убедительно и остроумно ответил лукавому искушителю. «Если Церковь Христова, - сказал падре Крпан, - при наличии таких немощных, противоречащих друг другу в своих суждениях о вере, столь разных по своим духовным убеждениям священников, подобных тем, которые сидят за этим столом, уже 2000 лет существует и будет существовать, то это является лучшим доказательством бытия Божиего. Бог управляет Своей Церковью, а не мы».

Отдав дань глубокого, искреннего уважения государственным и общественным деятелям, православным и инословным иерархам разных Церквей, с которыми я встречался в Латинской Америке, мне хотелось бы рассказать и о своем ближайшем окружении, и о тех, кого я духовно окормлял на протяжении многих лет.

Настоятелем Свято-Благовещенского собора Русской Православной Церкви в Буэнос-Айресе был протоиерей Фома (Герасимчук). Он верно служил Матери Церкви и в то время, когда в Латинской Америке не было ее епископа, и тогда, когда там появился я. Первой верной помощницей отца Фомы была его матушка Марфа, неизменно доброжелательно настроенная, гостеприимная, отзывчивая женщина. В нашем соборе также

служили такие верные пастыри, как протоиерей Милош, серб по национальности, и иерей Федор Рус, родом из Закарпатья. Наш приход не относился к числу богатых и не мог им платить. Поэтому они зарабатывали деньги на жизнь на других работах, а в соборе служили безвозмездно.

Так же безвозмездно в нашем соборе служил протоиерей Владимир Римский-Корсаков, племянник (сын родного брата) знаменитого композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова - автора 15 опер, трех симфоний, многих оркестровых сочинений и романсов. Из его музыкальных произведений мне особенно нравятся оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», «Псковитянка», «Майская ночь», «Садко», «Царская невеста». Питомец Морского корпуса в Петербурге, Н.А. Римский-Корсаков в свое время совершил двухлетнее кругосветное плавание. Но, проплывая мимо берегов Аргентины, он вряд ли мог себе представить, что его племяннику доведется не по своей воле коротать большую часть своей жизни так далеко от горячо любимой им Родины.

Племянник знаменитого композитора Владимир Римский-Корсаков и его гостеприимная супруга Нина после своей вынужденной эмиграции в Аргентину работали в газовой промышленности. А уже потом, после выхода на пенсию, Владимир Римский-Корсаков принял сан священника и стал служить в нашем соборе. Полноправным членом семьи Римских-Корсаковых была няня их сына Андрюши Матренушка, которая приехала вместе с ними из России. Ей очень хотелось, чтобы внучатый племянник великого композитора получил прекрасное образование и достойно продолжил традиции своего знаменитого рода. Матренушка самоотверженно ухаживала за Андрюшей дома, всегда провожала его до самой школы и приводила из школы. Буэнос-Айрес расположен на равнине. Поэтому после больших дождей, которые там далеко не редкость, на улицах города образуются большие лужи. В таких случаях Матренушка носила Андрюшу в школу и из школы на своих плечах. А потом, когда Андрюша вырос, Матренушка не захотела сидеть без дела и переселилась в наш собор. Мне хочется сравнить ее с евангельской пророчицей Анной, которая жила день и ночь при храме Божьем. Так и наша Матренушка с утра до вечера возилась в храме, наводя в нем чистоту и порядок. Обладая чудесным голосом, она пела на клиросе. При одном виде этой прекрасной русской женщины у каждого становилось тепло и радостно на душе. У нее был редкостный, поистине ангельский характер: она не умела сердиться, никогда ни на кого не обижалась. Земное ее хождение пред Богом уже закончилось. Да упокоит ее Господь в Своих чертогах.

При храме служила также раба Божия Мария Семеновна Торачкова, которая наряду с этим была моей домохозяйкой.

Мне хочется вспомнить здесь и матушку Ангелину Егоровну. Она происходила из семьи немцев Поволжья, которая эмигрировала в Южную Америку. Она в совершенстве знала пять языков: немецкий, русский, английский, французский и испанский. После развода с мужем-полковником, уехавшим в Испанию, Ангелина Егоровна приняла

монашество и служила в нашем соборе псаломщицей. У нее был сын Лев и дочка Анна. И мать, и двое ее детей уже упокоились во Господе. Я часто поминаю их в своих молитвах.

С особой теплотой мне вспоминается Лаврентий Алексеевич Брадткорб - прекрасный, добрый, незабвенный человек, который учил меня испанскому языку и знакомил с культурой и традициями латиноамериканцев. Его прадед переселился в Россию из Швеции и через некоторое время занял видное положение в обществе. Лаврентий Алексеевич после бурных событий 1917 года в России вынужден был вместе со своей супругой баронессой Евгенией Ивановной эмигрировать в Аргентину. Лаврентий Алексеевич и его супруга были не только высокообразованными людьми. Всему их образу жизни была присуща подлинная интеллигентность, которая является не столько продуктом воспитания, сколько свойством души, изначально заложенным Господом. В гостеприимном доме Брадткорбов я провел немало восхитительных минут и часов. А когда в нем появлялись супруги Римские-Корсаковы и другие столь же воспитанные и интеллигентные друзья супругов Брадткорбов, наши встречи превращались в настоящие праздники для ума и души.

Я благодарю Бога за то, что Он сподобил меня учиться испанскому языку у Лаврентия Алексеевича Брадткорба. Дело в том, что в лексике испанского языка, на котором говорит большинство аргентинцев, содержится немало слов из языков индейцев кечуа и гуарани. Лаврентий Алексеевич приложил немалое старание для обучения меня чистому испанскому языку, в основе которого лежит кастильское наречие. Он неоднократно повторял мне, что именно кастильское наречие имел в виду император Священной Римской империи немецкой нации Карл V, когда он замечал, что испанский язык создан для того, чтобы разговаривать им с Богом.

Благодаря урокам моего незабвенного учителя Лаврентия Алексеевича Брадткорба, я спустя некоторое время смог выполнить ответственнейшую и сложнейшую задачу: перевести на испанский язык Святые литургии св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого, св. Григория Двоеслова. После окончания работы мои переводы были признаны специалистами лучшими в Латинской Америке переводами Православных литургий на испанский язык.

У Лаврентия Алексеевича и Евгении Ивановны было трое детей: сын и две дочери. Родители трогательно заботились о них, постарались дать им прекрасное образование. И сын, и дочери супругов Брадткорбов получили престижную профессию физиков-ядерщиков. Сын работал в Америке, а дочери - в Западной Германии.

Но течение нашей земной жизни бывает очень изменчивым. И в ней беда по беде - как по нитке идет. Внезапно умерла жена Лаврентия Алексеевича Евгения Ивановна. Сын и дочери приехали на похороны. Но они появились в родительском доме отнюдь не для того, чтобы проводить в последний путь свою мать и утешить страдавшего от невосполнимой

утраты отца. Их, как когда-то Дионисия Беввика во время его пребывания на Святой горе Афон, донимали черные мысли об отцовском наследстве.

И вот, воспользовавшись полной беспомощностью отца, придавленно-го к земле непомерным горем, они с помощью ловких, не отягощенных предписаниями христианской морали адвокатов продали дом и имущество отца и разделили между собой вырученные таким кощунственным путем деньги. А перед тем как разехаться к местам своей службы, они сдали впавшего в отчаяние, беспомощного отца в нищенский приют для престарелых. Впрочем, слово «сдали» здесь, наверное, не совсем подходит. Ведь сданный в камеру хранения чемодан по истечении определенного времени опять забирают оттуда и возвращают в дом на привычное место. Дети несчастного Братткорба выбросили его на свалку жизни, как выбрасывают износившуюся вещь.

Увы, диплом физика-ядерщика, как и любой другой диплом, не прививает его обладателям иммунитет к корыстолюбию и жестокосердию. А людей, которые лишены этого иммунитета, Священное Писание характеризует кратко и нелицеприятно: «Разоряющий отца и выгоняющий мать - сын срамный и бесчестный». Дальнейшая судьба детей Братткорба мне неизвестна. Но думаю, что рано или поздно им довелось познать справедливость слов шекспировской Корделии:

Как люди не хитры, пора приходит -

И все на воду свежую выводит.

(В. Шекспир. «Король Лир»).

А моему дорогому, доброму учителю Лаврентию Алексеичу Братткорбу суждено было повторить судьбу отца Корделии короля Лира. Он не смог вынести обрушившихся на него, как снежный ком, бедствий и повредился в уме. Он часто убегал из приюта для престарелых, неприкаянно бродил по Буэнос-Айресу, потом его находили и возвращали за приютскую ограду. И так продолжалось бесчисленное множество раз - пока наконец Господь не даровал ему вечный покой.

Вся эта история происходила во время моего отсутствия в Буэнос-Айресе. Трагическую судьбу дорогого моему сердцу человека я не могу забыть до сих пор. Мне хочется написать о нем стихотворение «Мой добрый учитель», и, если Бог поможет мне, я напишу его. А пока я в каждой Божественной литургии поминаю Лаврентия Алексеича Братткорба, прах которого покоится в далекой аргентинской земле.

К счастью, такие люди, как бесчестные дети Лаврентия Алексеича Братткорба, больше не встречались мне на латиноамериканской земле. А объехал я ее, как говорится, вдоль и поперек. По долгу своего архипастырского служения я неоднократно посещал многие страны этого громадного региона: Колумбию, Бразилию, Кубу, Гаити, Гватемалу, Венесуэлу, Эквадор, Боливию, Перу, Мексику, Уругвай, Панаму, Тринидад и Тобаго, Чили, Коста-Рику, Гондурас, Гренаду.

По материалам: <http://www.pravmir.ru>

(Окончание в следующем номере).

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet

Leontii Voitovich

The Boundaries of the Galician - Volynian State.

1. Gebhard L.A. Geschichte des Königreiches Galizien, Lodomerien und Rotreussen. Pest, 1778; Hoppe I.A. Geschichte des Königreiches Galizien und Lodomerien. Wien, 1792; Engel J.Ch. Geschichte von Halitsch und Vladimir. Wien, 1792; Russov S. Volynskie zapiski. SPb., 1809; Siarczyński F. Dzieje księstwa niegdyś Przemyskiego // Czasopism naukowy Biblioteki im. Ossolińskich. 1828. № 2/3; Id. Dzieje niegdyś księstwa Belzkiego i miasta Belza // *Ib.*, 1829. № 2; Zubrycki D. Rys do historii narodu ruskiego w Galicji i hierarchii cerkiewnej w temże królestwie. Lwów, 1837; Zubrickij D.I. Istorija drevnego Galichsko-Russkogo knjazhestva. Ch.1-3. L'vov, 1852, 1853, 1855; Ego zhe. Istorija Galicko-Vladimirskoj Rusi. L'vov, 1863; Maksimovich M. Volyn' // Kievljanin. 1842; Smirnov S. Sud'by Chervonnoj ili Galickoj Rusi do vossoedinenija eja s Pol'shej 1387 g. M., 1860; Sharanevich I.I. Istorija Galickoj i Vladimirskoj Rusi do 1453 g. L'viv, 1863; Stecki J.T. Wołyń pod względem stystycznym, historycznym i archeologicznym. Lwów, 1864; Longinov A.V. Chervenskie gorody, istoricheskij ocherk, v svjazi s jetnografiej i topografiej Chervonoj Rusi. Varshava, 1885; Krizhanovskij L. Zabuzhnaja Rus'. SPb., 1885; Andrijashev A. Ocherk istorii Volynskoj zemli do konca XIV st. Kiev, 1887; Ivanov P. Istoricheskie sud'by Volynskoj zemli s drevnejshih vremen do konca XIV v. Odessa, 1895; Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraïni-Rusi. T. 1. L'viv, 1898. S.372-378, 419, 424-425, 488-494, 556-559; T. 2. L'viv, 1905. S. 300-311, 359-504, 560-562, 564-583; T. 3. L'viv, 1905. S. 1-142, 504-536; Korduba M. Suspil'ni verstvi ta politichni partii v Galic'komu knjazivstvi do polovini XIII st. // Zapiski NTSh. T. 32. 1899. S.1-42; Ego zhe. Zahidne pogranichchja Galic'koï derzhavi mizh Karpatami ta dolishnim Sjanom // Zapiski NTSh. T. 138/140. 1925. S. 159-245; Ego zhe. Boleslav-Jurij II. Krakiv, 1940; Ego zhe. Istorija Holmwini i Pidljashshja. Krakiv, 1941; Tomaszewskij S. Die weltpolitische Bedeutung Galiziens. München, 1915; Tomshivs'kij S. Ukraïns'ka istorija. L'viv, 1923; Pashuto V.T. Ocherk po istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M., 1950; Krip'jakevich I.P. Galic'ko-Volins'ke knjazivstvo. Kiïv, 1984; Vid.2. L'viv, 1999; Ratic O.O., Nud'ga G.L. Zahidnoukraïns'ki zemli v epohu Kiïvs'koï Rusi ta v period feodal'noï rozdrobenosti // Torzhestvo istorichnoï spravedlivosti. L'viv, 1968. S. 44-64; Isaevich Ja.D. Zagarbannja zemel' Galic'ko-Volins'kogo knjazivstva inozemnimi derzhavami // Torzhestvo istorichnoï spravedlivosti. L'viv, 1968. S. 74-81; Ego zhe. Teritorija i naseleennja Chervens'kih gradiv (X-XIII st.) // Ukraïns'kij istoriko-geografichnij zbirnik. Vip.1. 1971. S. 71-83; Ego zhe. Do pitannja pro zahidnij kordon Kiïvs'koï Rusi // Istorichni dzherela ta ih vikoristannja. Vip.6. Kiïv, 1971. S. 83-100; Ego zhe. «Grady Chervenskie» i Peremyshl'skaja zemlja v politicheskikh vzaimootnoshenijah mezhdju vostochnymi i zapadnymi slavjanami (konec IX –

nachalo XI v.) // Issledovanie po istorii slavjanskih i balkanskih narodov. Jepoha srednevekov'ja. Kievskaja Rus' i ee slavjanskie sosedi. M., 1972. S. 107-124; Ego zhe. Kul'tura Galicko-Volynskoj Rusi // Voprosy istorii. 1973. № 1. S. 92-107; Ego zhe. Iz istorii kul'turnyh svjazej Galicko-Volynskoj Rusi s zapadnymi slavjanami v XII-XIV vv. // Pol'sha i Rus'. M., 1974. S. 261-275; Ego zhe. «Korolevstvo Galicii i Volodimirii» i «Korolevstvo Rusi» // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Mat. i issled. 1985 g. M., 1987. S. 62-63; Ego zhe. Galicko-Volynskoe knjazhestvo v konce XIII – nachale XIV v. // Tam zhe. 1987 g. M., 1989. S. 71-77; Ego zhe. Galic'ko-Volins'ka derzhava // Istorija Ukraïni: nove bachennja. T. 1. Kiïv, 1995. S. 95-112; Ego zhe. Galic'ko-Volins'ka derzhava. L'viv, 1999; Kuchinko M.M. Litopisni mista Posjannja za litopisnimi danimi // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 1970. № 12. S. 72-83; Ego zhe. Pivdenno-zahidni mezhi rozselennja shidnih slov'jan u IX-XIII st. // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 1973. № 9. S. 98-105; Ego zhe. Pro pleminnu nalezhnist' rann'oseredn'ovichnogo naselennja Pobuzhzhja i Posjannja // Arheologija. Vip. 16. 1975. S. 77-83; Ego zhe. Srednevekovye goroda Pobuzh'ja v svete letopisnyh i arheologicheskikh istochnikov // Sovetskoe slavjanovedenie. 1978. № 4. S. 22-30; Ego zhe. Istoriko-kul'turnij rozvitok Zahidnogo Pobuzhzhja IX-XIV st. Luc'k, 1993; Ego zhe. Narisi starodavn'oi i seredn'ovichnoi istorii Volini. Luc'k, 1994; Kotljars' M.F. Danilo Galic'kij. Kiïv, 1979; Ego zhe. Vijs'kova sprava u Galic'ko-Volins'kij Rusi XII-XIII stolittja // Zhovten'. 1984. № 1. S. 95-97; Ego zhe. Formirovanie territorii i vznikonovenie gorodov Galicko-Volynskoj Rusi IX-XIII vv. Kiev, 1985; Ego zhe. Volins'ka zemlja: Z istorii skladannja derzhavnoi teritorii Kiïvs'koï Rusi. Kiïv, 1985. S. 19-32; Ego zhe. Primarna korona Danila Galic'kogo // Zhovten'. 1987. № 7. S. 103-111; Ego zhe. Galicko-Volynskaja Rus' i Vizantija v XII-XIII vv. (svjazi real'nye i vymyshlennye) // Juzhnaja Rus' i Vizantija. Kiev, 1991. S. 20-33; Ego zhe. Najdavniša povist' pro Danila Galic'kogo // Kiïvs'ka starovina. 1992. № 1. S. 75-78; Ego zhe. Vijnja Volins'kogo knjazivstva z Dobzhins'kim ordenom // Seredn'ovichna Ukraïna. Vip.1. Kiïv, 1994. S. 17-28; Ego zhe. Diplomatični vidnosini Galic'ko-Volins'koï Rusi z Ugorwinoju v XIII st. // Galich i Galic'ka zemlja. Zbirnik naukovih prac'. Kiïv-Galich, 1998. S. 82-87; Ego zhe. Galic'ko-Volins'ka Rus'. Kiïv, 1998; Ego zhe. Danilo Galic'kij. Kiïv, 2001; Ego zhe. Diplomatiija Galic'ko-Volins'koï Rusi // Narisi z istorii diplomatii Ukraïni. Kiïv, 2002. S.54-77; Ego zhe. Istorija diplomatii Pivdenno-Zahidnoi Rusi. Kiïv, 2002; Ego zhe. Diplomatiija Juzhnoj Rusi. SPb., 2003; Petegirich V.M. Iz istorii jekonomicheskikh i kul'turnyh svjazej Galicko-Volynskoj Rusi v X-XIII vv. // Slavjanskie drevnosti. Jetnogenez. Material'naja kul'tura Drevnej Rusi. Kiev, 1980. S. 151-163; Ego zhe. Pochatki Belza i Bus'ka ta formuvannja ih social'no-topografichnoi strukturi v X-XIV st. // Galichina i Volin' v dobu seredn'ovichchja. Do 800-ričchja z dnja narodzhennja Danila Galic'kogo / NAN Ukraïni, In-t ukraïnoznavstva im.I. Krip'jakevicha. Istorichni ta kul'turologični studii. Vip. 3. L'viv, 2001. S. 199-210; Ego zhe. Pro chas viniknennja Belza // Belz i Belz'ke zemlja. Naukovij zbirnik. Vip. 1. 2004. S. 18-23; Kupchins'kij O.A. Doslidzhennja i publikacii gramot Galic'ko-Volins'kogo knjazivstva u XVIII - pershij polovini XIX st. // Kiïvs'ka Rus': kul'tura, tradicii. Kiïv, 1982. S. 129-149; Ego zhe. Iz sposterezhen' nad rozviteom dokumenta ta dijalnistju knjazivs'koï kanceljarii Galic'ko-Volins'kih zemel' XIII - pershoï polovini XIV stolit' // Zapiski NTS. T.

231. 1996. S. 44-108; Ego zhe. Akti ta dokumenti Galic'ko-Volins'kogo knjazivstva XIII – pershoj polovini XIV stolit'. L'viv, 2004; Rozhko M.F. Karpats'ki fortenci dobi Kiivs'koj Rusi // Kiivs'ka Rus': Dzherela. Kul'tura. Tradicii. Kiiv, 1982. S. 12-20; Ego zhe. Karpats'ki shljahi ta ih oborona // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 1990. № 10. S. 86-97; Ego zhe. Tustan'. Davn'orus'ka naskel'na fortecja. L'viv, 1996; Ego zhe. Mista. Derev'jane budivnictvo. Naskel'ni ta oboronni sporudi Karpat IX-XIV st. // Etnogenez ta etnichna istorija naselennja Ukraïns'kih Karpat. T. 1. Arheologija ta antropologija. L'viv, 1999. S. 361-460; Ego zhe. Oboronne budivnictvo Danila Galic'kogo // Galic'ka brama. № 9-10 (81-82). S. 24-29; Dashkevich Ja. Davnij L'viv u virmens'kih ta virmeno-kipchaks'kih dzherelah // Ukraïna u minulomu. Vip.1. Kiiv-L'viv, 1992. S. 7-13; Ego zhe. Ukraïns'ki zemli v chasah galic'ko-volins'koj derzhavnosti // Pam'jat' stolit'. 2002. № 5. S. 3-21; Ego zhe. Problema derzhavnosti na Galic'ko-Volins'kih zemljah (kinec' X-seredina XIV st.) // Korol' Danilo Romanovich i jogo misce v Ukraïns'kij istorii. Materiali Mizhnarodnoj naukoj konferencii (L'viv, 29-30 listopada 2001 r.). L'viv, 2003. S. 8-23; Golovko O.B. Davn'orus'ko-pol's'ki vidnosini na pochatku XIII st. (pro obstavini zagibeli galic'ko-volins'kogo knjazja Romana Mstislavicha) // Mizhnarodni zv'jazki Ukraïni: nNaukovi poshuki i znahidki. Vip.1. Kiiv, 1991. S. 7-10; Ego zhe. Roman Mstislavich i jogo doba: Narisi z istorii politichnogo zhittja Pivdennoj Rusi XII – pochatku XIII st. Kiiv, 1991; Ego zhe. Pivdenna Rus' i polovec'kij step u politichnij dijalt'nosti galic'ko-volins'kogo knjazja Romana Mstislavicha // Ukraïns'ka kozac'ka derzhava: vitoki i shljahi istorichnogo rozvitku / Materiali drugih vseUkraïns'kih istorichnih chitan'. Cherkasi, 1992. S. 15-17; Ego zhe. Pol'wa v zhitti ta politici knjazja Romana Mstislavicha // Pol'wa-Ukraïna: istorichna spadvina i suspil'na svidomist'. Kiiv-Kam'janec'-Podil's'kij, 1992. S. 16-17; Ego zhe. Knjaz' Roman Mstislavich ta jogo doba. Kiiv, 2001; Ego zhe. Knjaz' Roman Mstislavich // Voprosy istorii. 2002. № 12. S. 52-70; Ego zhe. Bojars'ka «fronda» v Galichi // Pam'jat' stolit'. 2002. № 5. S. 49-60; Ego zhe. Korona Danila Galic'kogo. Volin' i Galichina v derzhavno-politichnomu rozvitku Central'no-Shidnoj Evropi rann'ogo ta klasichnogo seredn'ovichchja. Kiiv, 2006; Vojtovich L.V. Zorja knjazja Romana // Litopis Chervonoj Kalini. 1991. № 2. S. 32-35; Ego zhe. Udil'ni knjazivstva Rjurikovichiv i Gediminovichiv u XII-XVI st. L'viv, 1996; Ego zhe. Bitva pid Peremishlem u 1099 r. // Ukraïns'kij al'manah. 1999 rik / Vidp. red. S. Zabrovarnij. Varshava, 1999. S. 105-110; Ego zhe. Roman Mstislavich i utvorenja Galic'ko-Volins'kogo knjazivstva // Galichina i Volin' v dobu seredn'ovichchja. Do 800-richchja z dnja narodzhennja Danila Galic'kogo / In-t Ukraïnoznavstva im. I.Krip'jakevicha. Istorichni ta kul'turologichni studii. Vip.3. L'viv, 2001. S. 13-30; Ego zhe. Jurij L'vovich ta jogo politika // Tam zhe. S. 70-78; Ego zhe. Danilo Galic'kij. Zagadki i problemi // Galic'ka brama. 2001. № 9-10. Korol' Danilo ta jogo sin Lev. S. 12-16; Ego zhe. Druga galic'ka dinastija. Zagadki i problemi doslidzhen' // Pam'jat' stolit' (Kiiv). 2002. № 5. S. 35-48; Ego zhe. We odna zagadka genealogii Romanovichiv: chi isnuvala koroleva Marija L'vivna? // A se ego srebro: Zbirnik prac' na poshanu chlena-korespondenta NAN Ukraïni Mikoli Fedorovicha Kotljara z nagodi jogo 70-richchja. Kiiv, 2002. S. 161-164 ; Ego zhe. Peremis'ke knjazivstvo. Dzherela derzhavnosti // Peremishl' i Peremis'ka zemlja protjagom vikiv. Vip.3. Institucii / Pid red. Stepana Zabrovarnogo. L'viv, 2003. S. 39-50; Ego zhe. Korol' Danilo Romanovich.

Zagadki i problemi // Korol' Danilo Romanovich i jogo misce v ukraïns'kij istorii. L'viv, 2003. S. 24-29; Ego zhe. Korolivstvo Rusi: real'nist' i mifi // Drogobic'kij kraeznavchij zbirnik. Vip.7. Drogobich, 2003. S. 63-71; Ego zhe. De bula stoliceja Leva Danilovicha? (Dzhereloznavchij aspekt problemi) // Do dzherel. Zbirnik naukovih prac' na poshanu Olega Kupchinskogo z nagodi jogo 70-richchja. T. 1. Kiïv-L'viv, 2004. S. 712-720; Ego zhe. Belz'ki knjazi // Belz i Belz'ke zemlja. Naukovij zbirnik. Vip.1. Belz, 2004. S. 74-77; Ego zhe. Shtrihi do portretu knjazja Leva Danilovicha // Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi (z najdavnishih chasiv do XVIII st.). Vip. 5. Kiïv, 2005. S. 143-156; Ego zhe. Knjazha doba na Rusi: portreti eliti. Bila Cerkva, 2006. S. 327-331, 332-351, 470-512; Ego zhe. Kordoni Galic'ko-Volins'koï derzhavi: problemi ta diskusii // Zapiski NTSh. T. 252. 2006. S. 187-205; Ego zhe. Sojuz Galic'kih Romanovichiv z Avstrijeju ta Chehieju u XIII st. // Problemi slov'janoznavstva. Vip. 56. 2006. S. 263-273; Ego zhe. Reformi armii knjazjami Danilom Romanovichem ta Levom Danilovichem u seredini XIII st. // Visnik nacional'nogo universitetu «L'vivs'ka politehnika». № 571. Derzhava ta armija. L'viv, 2006. S. 89-93; Ego zhe. Knjaz' Ivan Birladnik: zagadka pohodzhennja // Genealogichni zapiski Ukraïns'kogo geral'dichnogo tovaristva. Vip.5. L'viv, 2006. S. 7-15; Ego zhe. Mati korolja Danila (zauvazhennja na poljah monografii D. Dombrovs'kogo // Knjazha doba. Istorija i kul'tura. Vip.1. L'viv, 2007. S. 45-58; Ego zhe. Korol' Danilo Romanovich: Zagadki ta diskusii // Terra cossacorum: studii z davn'oï i novoï istorii Ukraïni. Naukovij zbirnik na poshanu doktora istorichnih nauk profesora Valerija Stepankova. Kiïv, 2007. S. 383-403; Ego zhe. Knjaz' Lev Danilovich – polkovodec' i politik // Confraternitas. Juvilejnij zbirnik na poshanu Jaroslava Isaevicha [Ukraïna: kul'turna spadwina, nacional'na svidomist', derzhavnist'. Vip.15]. L'viv, 2006-2007. S. 115-124; Ego zhe. Knjaz' Ivan Birladnik: zagadkova postat' // Drogobic'kij kraeznavchij zbirnik. Vip.11–12. Drogobich, 2008. S. 51–62; Ego zhe. Ulus Nogaja i Galic'ko-Volins'ke knjazivstvo // Ukraïna – Mongolija: 800 rokov u konteksti istorii. Kiïv, 2008. S. 71–78; Ego zhe. Sojuz Vizantii ta Galic'ko-Volins'koï derzhavi za Angeliv // Knjazha doba: istorija i kul'tura. Vip.2. L'viv, 2008. S. 30–39; Ego zhe. Korol' Danilo Romanovich: politik i polkovodec' // Doba korolja Danila v nauci, mistectvi, literaturi. L'viv, 2008. S. 22–97; Ego zhe. Galic'ke knjazivstvo na Nizhn'omu Dunai // Galich i Galic'ka zemlja v derzhavotvorchih procesah Ukraïni. Galich, 2008. S. 3–18; Ego zhe. Ostannja emigracija korolja Danila Romanovicha // Naukovij visnik Volins'kogo nacional'nogo universitetu im. Lesi Ukraïнки. Istorichni nauki. № 13. Luc'k, 2009. S. 89–96; Ego zhe. Borot'ba Ljubarta-Dmitra Gediminovicha za vidnovlennja Galic'ko-Volins'koï derzhavi // Naukovij visnik Volins'kogo nacional'nogo universitetu im. Lesi Ukraïнки. Istorichni nauki. № 22. Luc'k, 2009. S. 120–127; Ego zhe. Pol'va. Mazovija, Litva ta Ugorwina u borot'bi za spadwino Romanovichiv // Problemi slov'janoznavstva. Vip. 59. L'viv, 2010. S. 52–66; Ego zhe. Galickaja zemlja i Vizantija v XI – XIV vv. // Kondakovskie chtenija. T.3. Belgorod, 2010. S. 255–280; Ego zhe. Tevtons'kij Orden u politici Galic'ko-Volins'kogo knjazivstva // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 2010. № 6. S. 4–17. Ego zhe. Vijna z mongolami na Volini u 1258-1260 rokah // Naukovij visnik Volins'kogo nacional'nogo universitetu im. Lesi Ukraïнки. Istorichni nauki. № 22. Luc'k, 2010. S. 9–13; Ego zhe. Galic'ko-bolgars'ki vidnosini u pershij tretini XIII stolittja // Knjazha doba: Istorija i kul'tura. Vip.3. L'viv, 2010. S. 201–212; Ego zhe. Ostanni

roki korolja Danila Romanovicha // Visnik L'vivs'koï komercijnoi akademii. Serija gumanitarnih nauk. Vip.10. Juvilejnij zbirnik na poshanu Stepana Geleja. L'viv, 2011. S. 100-106; Ego zhe. Galic'ko-volins'ki etjudi. Bila Cerkva, 2011; Lukoms'kij Ju. Arhitekturna spadwina Davn'ogo Galicha. Galich, 1991; Ego zhe. Nevidomi cerkvi na Podoli knjazhogo Galicha // Zapiski NTSh. T. 235. 1998. S. 570-598; Ego zhe. Voskresens'ka cerkva v Krilosi // Zapiski NTSh. T. 241. 2001. S. 275-298; Majorov A.V. Aleksandr Nevskij i Daniil Galickij (K voprosu o vzaimootnoshenijah russkikh knjazej s tatarami) // Knjaz' Aleksandr Nevs'kij / Otv. red. Ju.K. Begunov i A.N. Kirpichnikov. SPb., 1995; Ego zhe. Bojare i obwina Jugo-Zapadnoj Rusi v sobytijah 1187-1190 gg. (k probleme vnutriebwinyh otnoshenij v domongol'skij period) // Srednevekovaja i novaja Rossija. Sb. nauch. stat. K 60-letiju prof. I.Ja. Frojanova / Otv. red. V.M. Vorob'ev, A.Ju. Dvornichenko. SPb., 1996; Ego zhe. Gorodskie obwiny Galicko-Volynskoj Rusi v pervoj polovine XII v. Osnovnye tendencii politicheskogo razvitija // Gosudarstvo i obwestvo. Istorija. Jekonomika. Politika. Pravo. SPb.; Izhevsk, 1999. № 3-4; Ego zhe. O nekotoryh psihologicheskikh zakonomernostjah tradicionnogo soznanija v Drevnej Rusi (bojarin Volodislav Kormil'chich, knjaz'ja Igorevichi i gorodskaja obwina Peremishlja v kollizijah nachala XIII v.) // Istoricheskaja psihologija i mental'nost', Jepohi. Sociumy. Jetnosy. Ljudi / Red. kol. L.M. Shipicyna i dr. SPb., 1999; Ego zhe. Bor'ba Daniila Romanovicha za galickij stol s vengrami v konce 20 - nachale 30-h godov XIII v. Ch. 1. Galickaja obwina i knjaz' Daniil // Vestnik SPbGU. Serija 2. 1999. Vyp. 1; Ego zhe. Bor'ba Daniila Romanovicha za galickij stol s vengrami v konce 20 – nachale 30-h godov XIII v. Ch. 2. Galickaja obwina i korolevich Andrej // Vestnik SPbGU. Serija 2. 2000. Vyp. 2; Ego zhe. Galicko-Volynskaja Rus'. Ocherki social'no-politicheskikh otnoshenij v domongol'skij period. Knjaz', bojare i gorodskaja obwina. SPb., 2001; Ego zhe. Daniil Romanovich i galichane v kanun tatara-mongol'skogo nashestvija // Issledovanija po russkoj istorii. Sbornik statej k 65-letiju prof. I.Ja. Frojanova / Otv. red. V.V. Puzanov. SPb.-Izhevsk, 2001; Ego zhe. O rabote V.N. Tatiweva nad tekstom proekta Romana Mstislavicha (v svete izuchenija Akademicheskoi rukopisi vtoroj chasti «Istorii Rossijskoj» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. 2007. Vyp. 4. S. 10–18; Ego zhe. Kto predstavil V.N. Tatiwevu svedenija o proekte Romana Mstislavicha? // Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki. 2007. № 3 (29). S. 67–69; Ego zhe. «Konstitucionnyj proekt» Romana Mstislavicha v «Istorii Rossijskoj» V.N. Tatiweva // «V kratkikh slovesah mnogoj razum zamykajuwee...». Sbornik nauchnyh trudov v chest' 75–letija prof. R.G. Skrynnikova. SPb., 2008. S. 186–200; Ego zhe. Iz istorii vneshnej politiki galicko-volynskogo knjazja Romana Mstislavicha // Deneslovo. Zbirnik prac' na poshanu dijsnogo chlena NAN Ukraïni Petra Tolochka z nagodi jogo 70-richchja. Kiïv, 2008. S. 51–57; Ego zhe. O proishozhdenii vtoroj zheny Romana Mstislavicha: doch' imperatora Isaaka II v Galicko-Volynskoj Rusi // Karpati: ljudina, etnos, civilizacija. Ivano-Frankivs'k, 2010. S. 41-51; Ego zhe. Malovidomi grec'ki dzherela z istorii rus'ko-vizantijs'kih vidnosin pochatku XIII stolittja: tekst, pereklad, komentar // Zapiski NTSh. T. 260. Kn.2. L'viv, 2010. S. 243-247; Ego zhe. O proishozhdenii imeni i utochnenii daty rozhdenija Daniila Galickogo // Actis testantibus. Juvilejnij zbirnik na poshanu Leontija Vojtovicha // Ukraïna: kul'turna spadwina, nacional'na svidomist', derzhavnist'. Vip. 20. L'viv, 2011. S. 453-478; Ego zhe. Galic'ko-volins'kij knjaz'

Roman Mstislavich: volodar, vojn, diplomat. T. 1-2. Bila Cerkva, 2011; Aleksandrov D.N. Galicko-Volynskaja zemlja v XIII – pervoj chetverti XIV v. M., 1997; Dąbrowski D. Malženstwa Wasyłka Romanowicza. Problem mazowieckiego pochodzenia drugiej żony // Europa środkowa i wschodnia w polityce Piastów. Toruń, 1997. S. 221-233; Id. Malženstwa Daniela Romanowicza (aspekt Genealogiczny i polityczny) // Veneralibes nobiles et honesti. Studia z dziejów społeczeństwa Polski średniowiecznej / Prace ofiarowane prof. J. Bieniakowi. Toruń, 1997. S. 43-50; Id. Czy istniało dwóch synów Daniela Romanowicza o imieniu Mscisław? Przyczynek do Genealogii Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. T. 4 (15). 1999. S. 01-135; Id., Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań-Wrocław, 2002; Id. Polityka koligacyjna Daniela i Wasyłka Romanowiczów. Prolegomena // A se ego srebro. Zbirk prac' na poshanu chlena-korespondenta NAN Ukraїni M.F. Kotljara z nagodi jogo 70-richchja. Kiiv, 2002. S. 139-156; Id., Genealogia Mścislawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 212-399; Aleksandrovich V. Mistectvo Galic'ko-Volins'koї derzhavi. L'viv, 1999; Ego zhe. Holms'ka ikona Bogorodici // Istorichni ta kul'turologichni studii. Vip.1. L'viv, 2001; Ego zhe. Ukraїns'ka kul'tura XIII – pershoї polovini XV st.: Arhitektura i budivnictvo. Obrazotvorche ta dekorativno-uzhitekove mistectvo // Istorija Ukraїns'koї kul'turi. T.2. Vidpov red. Ja. Isaevich. Kiiv, 2001. S. 256-301; Ego zhe. Pokrov Bogorodici. Ukraїns'ka seredn'ovichna ikonografija. L'viv, 2010; Petrik A. Do istorii bojarstva ta bojars'kih rodiv Peremishl's'koї zemli // Drogobic'kij kraeznavchij zbirk. Vip. 6. 2002. S. 105-117; Ego zhe. Bojari ta cerkva Galichini j Volini kriz' prizmu litopisnih ta arheologichnih doslidzhen' // Drogobic'kij kraeznavchij zbirk. Vip. 7. 2003. S.80-102; Ego zhe. Bojarstvo Belz'koї zemli v konteksti suspil'no-politichnogo rozvitku Galic'ko-Volins'koї derzhavi // Belz i Belz'ke zemlja. Naukovij zbirk. Vip. 1. 2004. S.81-86; Mazur O. Volodislav Kormil'chich: shljah do knjazhogo stolu // Drogobic'kij kraeznavchij zbirk. Vip. 6. 2002. S. 118-129; Ego zhe. «Lotka knjaz' rus'kij, pribuv do Vishegrada»: gipotetichna identifikacija osobi // Drogobic'kij kraeznavchij zbirk. Vip.7. 2003. S. 72-79; Ego zhe. Stosunki belz'kih knjaziv Vsevolodovichiv z Romanovichami // Belz i Belz'ke zemlja. Naukovij zbirk. Vip. 1. 2004. S.78-80; Mic'ko I. Korolevich Lev Danilovich ta davnij L'viv (storinki z knigi) // Galic'ka brama. № 9-10 (81-82). L'viv, 2001. S. 18-23; Ters'kij S. Arheologija dobi Galic'ko-Volins'koї derzhavi. L'viv, 2002; Paslavs'kij I. Koronacija Danila Galic'kogo v konteksti politichnih i cerkovnih vidnosin XIII stolittja. L'viv, 2003; Knish Ja. Osnovni periodi istorii Belza // Belz i Belz'ke zemlja. Naukovij zbirk. Vip. 1. 2004. S. 66-73.

2. Vojtovich L.V. Volins'ka zemlja knjazivs'kih chasiv (X-XII st.) // Problemi istorichnoї geografii Ukraїni. Zbirk naukovih prac'. Kiiv,1991. S. 10-22; Ego zhe. Etnoteritorial'na pidosnova formuvannja udil'nih knjazivstv Volins'koї zemli // Volino-Podil's'ki arheologichni studii. T. 1. Pam'jati I. K. Sveshnikova (1915-1995). L'viv, 1998. S. 286-295.

3. PSRL. T. I. Stb. 290.

4. Gurevich F.D. Detinec i okol'nyj grad drevnerusskogo Novogrudka v svete arheologicheskikh rabot 1956-1977 gg. // Sovetskaja arheologija. 1980. № 4. S. 87-101; Ee zhe. Drevnij Novogrudok. M., 1981.

5. Vojtovich L. Knjaziv's'ki dinastii Shidnoĭ Ėvropi (kinec' IX – pochatok XVI st.). Sklad, suspil'na i politichna rol'. L'viv, 2000. S. 227-229.
6. PSRL. T. 2. Stb. 816, 818, 828, 831, 838, 862-863, 872-873, 920.
7. Voronin N.N. Drevnee Grodno // MIA. № 41. M., 1954.
8. Solov'ev A.V. Belaja i Chernaja Rus' // Russkoe arheologicheskoe obvestvo v korolevstve Jugoslavii. Belgrad, 1940. S. 64.
9. Pashuto V.T. Obrazovanie Litovskogo gosudarstva. M., 1959. S. 319.
10. Kuchinko M. Problema etnopleminnih ta administrativnih mezh Volins'koi zemli kincja H – seredini XIV st. // Galichina ta Volin' u dobu seredn'ovichchja. Do 800-richchja z dnja narodzhennja Danila Galic'kogo / Istorichni ta kul'turologichni studii. Vip. 3. L'viv, 2001. S. 191-192.
11. Vojtovich L.V. Volins'ka zemlja. S. 11.
12. Paszkiewicz H. Jagiełłonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. S. 272-273.
13. Musienowicz K. Granica mazowiecko-drehowicka na Podlasju we wczesnym średniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. 1960. № 5. S. 187-230; Jaskanis J. Badania archeologiczne w woj. Białostockim w latach 1945-1963 // Rocznik Białostocki. 1965. № 5. S. 97-123.
14. Grushev's'kij M. Istorija Ukraïni-Rusi. T. 2. L'viv, 1902. S. 608.
15. Gurba J., Kutyłowska S. Sprawozdanie badań wczesnośredniowiecznego gradziska w Chełmie Lubelskim // Sprawozdanie archeologiczne. T. 22. 1970. S. 231-241; Buko A., Dzen'kovskij T., Golub S. Holm dobi Danila Romanovicha u svitli rezul'tativ najnovishih rozkopok // Galichina ta Volin' u dobu seredn'ovychchja. Do 800-richchja z dnja narodzhennja Danila Galic'kogo. L'viv, 2001. S. 187-190.
16. Hruscevich G.K. Belavinskaja i Stolp'evskaja bashni pod Holmom // Pam'jatniki russkoj stariny v zapadnjah gubernijah. T. 7. 1885. S. 89.
17. Korduba M. Zahidne pogranichchja Galic'koĭ derzhavi mizh Karpatami ta dolishnim Sjanom // Zapiski NTSh. T. 138/140. 1925. S. 159-245.
18. Isaevich Ja.D. Teritorija i naselennja Chervens'kih gradiv (X-XIII st.) // Ukraïns'kij istoriko-geografichnij zbirnik. Vip.1. 1971. S. 81.
19. Tam zhe. S. 76-88; Isaevich Ja.D. «Grady chervenske» i Peremysl'skaja zemlja v politicheskikh vzaimootnoshenijah mezhdju zapadnym i vostochnymi slavjanami // Issledovanija po istorii slavjanskih i balkanskih narodov. M., 1972. S. 107-124; Peremishl' i Peremis'ka zemlja protjagom vikiv. Peremishl'-L'viv, 1996. S. 6-15.
20. Rapoport P.A. Voennoe zodchestvo zapadnorusskikh zemel' X-XV vv. L., 1967. S. 179-180, 188-190.
21. Tolochko P.P. Kievskaja zemlja // Drevnerusskie knjazhestva X-XIII vv. M., 1975. S. 5-57.
22. PSRL. T. 1. Stb. 325-326.
23. PSRL. T. 2. Stb. 396.
24. Tolochko P.P. Kievskaja zemlja. S. 11.
25. PSRL. T. 2. Stb. 774.
26. Rapov O.M. Knjazheskie vladenija na Rusi v X – pervoj polovine XIII v. M., 1977. S. 196.
27. Dashkevich N.P. Bolohovskaja zemlja i ee znachenie v russkoj istorii // Trudy III Arheologicheskogo siezda v Kieve 1874 g. T. 2. Kiev, 1876. S. 69-139; Ego zhe. Novejsšie domysly o Bolohove i bolohovcah // Universitetskie izvestija un-ta

sv.Vladimira. Kiev, 1884. № 6. S. 155-186; Ego zhe. Ewe razyskanija i voprosy o Bolohove i bolohovcah // Tam zhe. Kiev, 1899. Kn.1. S. 56-69; Petrushevich A. Kem byli bolohovskie knjaz'ja? L'vov, 1877; Molchanovskij N.V. Ocherk izvestij o Podol'skoj zemle do 1434 goda (preimuwestvenno po letopisjam). Kiev, 1885. S. 102-143; Grushevskij M.S. K voprosu o Bolohove // Chtenija v Istoricheskom ob-ve Nestora Letopisca pri Kievskom un-te. Kn. 7. Otd. 2. 1893. S. 3-11; Ego zhe. Istorija Ukraïni-Rusi. T. 3. L'viv, 1905. S. 155-161, 535-536; Andrijashev O. Litopisne Bolohovo i bolohivs'ki knjazi // Naukovij zbirnik za rik 1929. Zapiski istorichnoï sekcii UAN. T. 32. Kiïv, 1930. S. 20-31; Rappoport P.A. Goroda Bolohovskoj zemli // Kratkie soobwenija In-ta istorii material'noj kultury AN SSSR. Vyp. 57. M., 1955. S. 52-60; Lipko S.A. De buv davnij Bolohov? // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 1971. № 4. S. 99-104; Terewuk K.I. Do pitannja pro lokalizaciju Bolohivs'koï zemli // Doslidzhennja z slov'jano-rus'koï arheologii. Kiïv, 1976. S. 164-175; Krip'jakevich I.P. Galic'ko-Volins'ke knjazivstvo. L'viv, 1999. S. 25-26, 55-56; Vojtovich L.V. Volins'ka zemlja. S. 17-18; Ego zhe. Bolohivs'ki knjazi // Kiïv. 1991. № 6. S. 158-159; Ego zhe. Knjazivs'ki dinastii. S. 228-230; Kotljars' M.F. Galic'ko-Volins'ka Rus'. Kiïv, 1998.

28. Vojtovich L.V. Nawadki Chingiz-hana: vstup do genealogii Chingizidiv-Dzhuchidiv. L'viv, 2004. S. 101-102.

29. Sedov V.V. Dregovichi // Sovetskaja arheologija. 1963. № 3. S. 112-125; Ego zhe. Slavjane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja. M., 1970. S. 77-91; Ego zhe. Vostochnye slavjane XI-XIII vv. // Arheologija SRSR. M., 1982. S. 113-118.

30. PSRL. T. 2. Stb. 519.

31. Tam zhe. Stb. 993-994.

32. PSRL. T. 2. Stb. 993-994.

33. Vojtovich L. Knjazha doba na Rusi. S. 502.

34. Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów. S. 178.

35. Sm.: Tengovs'kij Ja. Obstavini vstupu knjazja Boleslava-Jurija Trojdenovicha na galic'ko-volins'kij prestol (Nevdomi rus'ki dokumenti z XIV stolitija) // Zapiski NTSh. T. 260. Kn.1. L'viv, 2010. S. 45-56.

36. Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów. S. 232.

37. Vojtovich L. Udil'ni knjazivstva. S. 84.

38. Vojtovich L.V. Kiïvs'ki knjazi z putivl's'koï dinastii // Kiïv. 1991. № 8. S. 149-150; Ego zhe. Udil'ni knjazivstva Rjurikovichiv i Gediminovichiv u XII-XV st. L'viv, 1996. S. 159.

39. Klimkevich R. L'viv i Ukraïna v najdavnishomu geral'dichnomu tvori // Hronika-2000. Vip. 35-36. Kiïv, 2000. S. 106; Grechilo A. Teritorial'ni simvoli Galic'ko-Volins'koï derzhavi (XIII – poch. XIV st.) // Korol' Danilo Romanovich i jogo misce v Ukraïns'kij istorii. L'viv, 2003. S.133; Knish Ja. B. L'vivs'ke korolivstvo // Postup (L'viv). 2003. № 129; bolee detal'no jeto bylo otobrazheno v doklade Ja. Knysha «Gosudarstvo Romanovichej za korolja Jurija i sozdanie Galickoj mitropolii» na Mezhnarodnoj konferencii, posvjawennoj 750-letiju koronacii korolja Danila i 700-letiju sozdanija Galickoj mitropolii (L'vov, 8-9 nojabrja 2003 g.), materialy kotoroj, k sozhaleniju, ne byli polnost'ju opublikovany.

40. Korduba M. Zahidne pogranichchja Galic'koï derzhavi mizh Karpatami ta dolishnim Sjanom // Zapiski NTSh. T. 138-140. 1925. S. 159-245.

41. Rozhko M.F. Karpats'ki fortenci dobi Kiïvs'koï Rusi // Kiïvs'ka Rus': Derzhava. Kul'tura. Tradicïi. Kiïv, 1982. S. 12-20; Ego zhe. Karpats'ki shljahi ta ih oborona // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 1990. № 10. S. 86-97.
42. Sm.: Arhivi Ukraïni. 1967. № 2. S. 73.
43. Vojtovich L. De bula stolicja Leva Danilovicha? (Dzhereloznavchij aspekt problemi) // Do dzherel. Zbirnik naukovih prac' na poshanu Olega Kupchinskogo z nagodi jogo 70-richchja. Kiïv–L'viv, 2004. S. 712-720.
44. Krip'jakevich I.P. Galic'ko-Volins'ke knjazivstvo. Kiïv, 1984. S.35-36.
45. PSRL. T. 7. S. 239-240.
46. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 2. M., 1953. S. 26.
47. Golubovskij P.V. Pechenegi, torki i polovcy do nashestvija tatar. Istorija juzhnorusskikh stepej IX-XII vv. Kiev, 1884. S. 207.
48. Dashkevich N.P. Gramota Ivana Rostislavicha Berladnika 1134 g. // Sb. stat. po istorii prava, posvjaw. M.F. Vladimirkomu-Budanovu ego uchenikami i pochitateljami / Pod red. M.N. Jasinskogo. Kiev, 1904. S. 366-369.
49. Grushevsk'ij M. Istorija Ukraïni-Rusi. T. 2. L'viv, 1905. S. 421-422.
50. Pashuto V.T. Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M., 1950. S. 169-171; Ego zhe. Vneshnjaja politika Drevnej Rusi. M., 1968. S. 194.
51. Nasonov A.N. «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. M., 1951. S. 143.
52. Levchenko M.V. Ocherki po istorii russko-vizantijskikh otnoshenij. M., 1956. S. 437-438.
53. Frolovskij A.V. Cheshsko-russkie torgovyje otnoshenija X-XII vv. // Mezhdunarodnye svjazi Rossii do XVII v. M., 1961. S. 75.
54. Zimin A.A. Istoriko-pravovoj obzor. Gramota Ivana Rostislavicha Berladnika // Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 2. M., 1966. S. 30-31.
55. Potin V.M. Drevnjaja Rus' i evropejskie gosudarstva v X-XIII vv. L., 1968. S. 228-229.
56. Brajchevsk'ij M.Ju. Geografichni mezhi Galic'kogo knjazivstva bliz'ko 1185 r. (z komentariv do «Slova o polku Igorevim») // Galich i Galic'ka zemlja. Zbirnik naukovih prac'. Kiïv; Galich, 1998. S. 26-27.
57. Rabinovich R.A. Prizrachnaja Berlad'. O dostovernosti odnoj fal'sifikacii // Stratum plus. № 5. SPb.-Kishinev-Odessa, 1999. S. 357-407.
58. Vojtovich L. Knjazivs'ki dinastii Shidnoi Evropi (kinec' IX – pochatok XVI st.). Sklad, politichna i suspil'na rol'. L'viv, 2000. S. 152.
59. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. Ocherki social'no-poli-ticheskikh otnoshenij v domongol'skij period. Knjaz', bojare i gorodskaja obwina. SPb., 2001. S. 220-222.
60. Bogdan I.I. Gramota knjazja Ivana Rostislavicha Berladnika 1134 g. // Trudy VIII Arheologicheskogo Siezda. T. 2. M., 1895. S. 163-164.
61. Sobolevskij A.I. Gramota kn. Ivana Berladnika 1134 g. // Trudy VIII Arheologicheskogo siezda. T. 2. M., 1895. S. 173-176.
62. Diplomă bârladeana din 1134 și hrisovul lui lung Koriatovici din 1347 // Revista istorica Româna. 1932. T. 2. V. 1.
63. Mohov N.A. Moldavija jepohi feodalizma. Kishinev, 1964. S. 82-83.
64. Kotljjar M.F. Rus' na Dunaï // Ukraïns'kij Istorichnij Zhurnal. 1969. № 9. S. 20-22; Jogo zh. Formirovanie territorii i vozniknovenie gorodov Galicko-

Volynskoj Rusi IX-XIII vv. Kiev, 1985. S. 78-82.

65. Pavlov P. Za ruskoto prisestvie na Dolni Dunav i blgaro-ruskie vrzki prez XI-XII // Dobrudzha. Sb. 3. 1986. S. 12-13.

66. Spinei V. Moldova in secolele XI-XIV. Chişinău, 1994. P. 21.

67. Kashtanov S.M. Iz istorii russkogo srednevekovogo istochnika. Akty X-XVI vv. M., 1996. S. 71-72.

68. Perhavko B.V. Knjaz' Ivan Berladnik na Nizhnem Dunae // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskaja struktura Drevnerusskogo gosudarstva. VIII Chtenija pamjati chl.-kor. AN SSSR V. T. Pashuto. M., 1996.

69. Rabinovich R.A. Prizrachnaja Berlad'. S. 357-358.

70. Sobolevskij A.I. Gramota kn. Ivana Berladnika 1134 g. S. 173-174.

71. Rabinovich R.A. Prizrachnaja Berlad'. S.377-379.

72. [Mahnovec' L.]. Litopis Rus'kij. Kiiiv, 1989. S.551.

73. Ratic O.O. Drevn'orus'ki arheologichni pam'jatki na teritorii zahidnih oblastej URSR. Kiiiv, 1957. S.60; Sveshnikov I.K. Arheologichni roboti L'viv'skogo istorichnogo muzeju v 1952-1957 rr. L'viv, 1959. S. 12-13; Rappoport P.A. Voennoe zochestvo zapadnorusskikh zemel' X-XIV vv. L., 1967. S. 12.

74. PSRL. T. 2. Stb. 318-319.

75. PSRL. T. 1. Stb. 311.

76. Vojtovich L. Knjazha doba na Rusi. S.334.

77. Litavrin G.G. Rus' i Vizantija vxIII veke // Litavrin G.G. Vizantija i slavjane. SPb., 1999. S. 505-506.

78. Vojtovich L. Sojuz Galic'kih Romanovichiv z Avstrieju ta Chehieju u XIII st. // Problemi slov'janoznavstva. Vip. 56. 2006. S. 263-273; Ego zhe. Knjaz' Ivan Birladnik: zagadka pohodzhennja // Genealogichni zapiski Ukraïns'kogo geral'dichnogo tovaristva. Vip.5. L'viv, 2006. S. 7-15; Ego zhe. Knjaz' Ivan Birladnik: zagadkova postat' // Drogobic'kij kraecnavchij zbirnik. Vip. 11-12. Drogobich, 2008. S. 51-62; Ego zhe. Persha galic'ka dinastija // Genealogichni zapiski. Vip. 7. L'viv, 2009. S. 1-25; Ego zhe. Galickaja zemlja i Vizantija v XI-XIV vv. // Kondakovskie chtenija. T. 3. Belgorod, 2010. S. 255-280.

79. Istorija Nikity Honiata // Vizantijskie istoriki, perevedennnye s grecheskogo pri Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii. T. 1. SPb., 1860. S. 420.

80. Pashuto V.T. Vneshnnja politika Drevnej Rusi. S. 195-196; O znanii jazyka sm. Niceta Choniata. De Manuele Comneno. Lib.4. Cap. 2. C. 172-173.

81. PSRL. T. 2. Stb. 524.

82. Moshin V. Russkie na Afone i russko-vizantijskie otnoshenija v XI-XII vv. // Bizantinoslavica. T. 11. 1950. S. 32-60.

83. Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevei sacra et profana. Bd. 3. Vindobonnae, 1865. P. 35, 26-34.

84. Bibikov M.V. Vizantijskie istochniki po istorii Rusi, narodov Severnogo Prichernomor'ja i Severnogo Kavkaza (XII-XIII vv.) // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1980 g. M., 1981. S. 76.

85. Choniatae Nicetae. Historia / Ed. I. A. Van Dieten. Berolini, 1975. P. 247; Ioannis Cinnami Epitome rerum... P. 267; Iz hroniki Mihaila Sirijca // Pis'mennye pamjatniki Vostoka. M., 1984. S. 83; Lilie R.-J. Die Schlacht von Myriokephalon (1176): Auswirkungen auf das byzantinische Reich in ausgehenden 12. Jahrhuert // Revue des Etudes Byzantines. T. 15. 1977. P. 257-275.

86. Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svjazej IX-XII vekov. M., 2001. S. 636.

87. Bibikov M.V. Rus' v vizantijskih pamjatnikah i Vizantija v drevnerusskikh proizvedenijah (k sravnitel'nomu izucheniju). // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. 1987 g. M. 1989. S. 168.

88. Welt der Slaven. № 22. 1977. S. 86-88.

89. Matuzova V.I. Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij. M., 1979. S. 74, 76-77, 83-85, 91.

90. Rybakov B.A. Russkie zemli po karte Idrisi 1154 g. // Kratkie soobwjenja In-ta istorii material'noj kul'tury. Vyp. 43. 1952.

91. Petrushevich A. Bylo li dva Galichi, knjazheskie goroda, odin v Ugorsko-Slovackoj oblasti, a drugoj po sju storonu Karpat nad Dnestrom, ili net // Naukovyj sbornik, izdavaemyj Literaturnym obwestvom Galicko-russkoj maticy. Vyp.1. L'vov, 1865. S. 24-49.

92. Tihomirov M.N. «Spisok russkikh gorodov dal'nih i blizhnih» // Istoricheskie zapiski. T. 40. M., 1952. S. 223.

93. Grekov I.B. Vostochnaja Evropa i upadok Zolotoj Ordy (na rubezhe XIV – XV vv.). M., 1975. S. 366.

94. Naumov E.P. K istorii letopisnogo «Spiska russkikh gorodov dal'nih i blizhnih» // Letopisi i hroniki. 1973 g. M., 1974. S. 150-163.

95. PSRL. T. 2. Stb. 505.

96. Nedkov B. Blgarija i ssednite i zemi prez XII vek spored Idrisi. Sofija, 1960. S.104-105.

97. Plahonin A. Pivnichno-Zahidne Prichornomor'ja v «Nuzhat al-Mushtak» al-Idrisi: sproba geografičnogo analizu istoričnogo dzherela // Istoriofrafični doslidzhennja v Ukraїni. Vip.10. Zbirki naukovih prac' na poshanu akademika V.A.Smolija (z nagodi 25-richchja naukoiv' dijal'nosti ta 50-richchja vid dnja narodzhennja). Ch.1. Kiїv, 2000. S. 449-457.

98. Bubenok O.B. Alany-Asy v Zolotoj Orde (XIII-XIV vv.). Kiev, 2004. S. 230-234.

99. Keenan E. Wan Jaroslav of Halich Really Shooting Sultans in 1185 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 22. 1998. P. 313–327; Id., Turkas Elements in the Igor Tale and Zadonšëina // The Slavonic and East European Revier. Vol. 80. London, 2002. № 3. P. 479–482; Id. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor Tale [Harvard Series in Ukrainian Studies]. Cambridge (Mas.), 2003; Kinan E. Chi mig Jaroslav Galic'kij 1185 roku striljati v sultaniv? // Kinan E. Rosijs'ki istorični miti. Kiїv, 2003. S. 252-268.

100. Zimin A.A. «Slovo o polku Igoreve». SPb., 2006.

101. Grabovich G. Vichne povernennja mistifikacij // Kritika. 2001. № 1-2; Filjushkin A.I. «Slovo»... so slezami smeshannoe. Kak genial'nuju drevnerusskuju pojemu pytalis' objavit' poddelkoj // Rodina: Rossijskij istoricheskij zhurnal. 2002. № 11–12. S. 185–188; Ego zhe. Psihopaticeskoe unichtozhenie «Slova o polku Igoreve»: recenzija na neizdannuju knigu Jedvarda Kinana // Logos: Zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury. 2002. № 2. S. 24–32; Strahova O. Jazykovaja problema sozdatelja «Slova o polku Igoreve» i lingvisticheskie vzgljady Jozefa Dobrovskogo // Slavjanovedenie. 2003. № 6. S. 33–61; Stoljarova L.V. «Slovo»

- i pustoslovie // Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 2002 g. M., 2004. S. 332–337; Zhivov V.M. Uliki podlinnosti i uliki poddel'nosti. Po povodu knigi: Keenan Edward L. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor Tale. Cambridge (Mass.): Distributed by Harvard University Press, 2003. XIII. 541 p. // Russkij jazyk v nauchnom osvewenii. M., 2004. № 2(8). S. 240–268; Agnew H. Josef Dobrovsky. Enlightened Hyper-Critic or Pre-Romantic Forger? // Kritika. 2005. Vol. 6. № 4. P. 845–855; Poppe N. O tjurkskih leksicheskijh zaimstvovanijah v «Slove o polku Igoreve» i «Zadonwine» // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. T. 55. SPb., 2004. S. 155-161; Poppe N. Further Note on the Turkie Lexical Elements in the Slovo o polku Igoreve and the Zadonshchina // The Slavonie and East European Revier. Vol. 82. № 1. London, 2004. P. 74-78; Ego zhe. Po povodu gipotez «skeptikov» o tjurkskih leksicheskijh zaimstvovanijah v «Slove o polku Igoreve» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2007. № 1–2. S. 52-56; Vilkul T.L. Rec. na kn. A.A.Zaloznaka «Slovo o polku Igoreve»: vzgljad lingvista // Ruhenica. T. 4. Kiev, 2005. S. 262–279; Kotljars M.F. Rukopisi ne gorjat'... Rozdumi nad knigoju (Zimin A.A. «Slovo o polku Igoreve»). SPb., 2006) // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 2007. № 3. S. 190–196; Sokolova L.V. Novye mify o starom (po povodu interv'ju na radiostancijah «Jeho Moskvu» i «Svoboda» v svjazi s vyhodom knigi A.A.Zimina «Slovo o polku Igoreve» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2007. № 1–2. C. 23–38; Danylenko A. The Latest Revision of the Slovo o polku Igoreve, or Was Jaroslaw of Halych Really Shooting From His 'Altan' in 1185 // The Slavonie and East European Revier. Vol. 84. № 2. London, 2004. P. 921-935; Franklin S. The Igor' Tale: A Bohemian Rhapsody? // Kritika. Vol. 6. № 4. 2005. P. 833–845; Gal'perin Ch. «Podlinnik? Poddelka? Opjat' poddelka?»: Jedvard Kinan. Jozef Dobrovskij i proishozhdenie «Slova o polku Igoreve» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2007. № 1–2. S. 5-22.
102. Pletneva S. Polovcy. M., 1990. S. 120-122.
103. Zaloznjak A.A. Slovo o polku Igoreve. Vzgljad lingvista. M., 2004. Izd. 2. M., 2007; Ego zhe. Mozhno li sozdat' «Slovo o polku Igoreve» putem imitacii // Voprosy jazykoznanija. 2006. № 5. S. 3–21.
104. Zhivov V.M. Chego ne mozhet fal'sifikator [Rec. na kn. A.A.Zaloznaka «Slovo o polku Igoreve»: vzgljad lingvista. M., 2004. 352 s.] // Otechestvennye zapiski. 2004. № 4 (19); Golinskaja E. «Slovo o polku Igoreve»: tochka v spore? // Nauka i zhizn'. 2006. № 5; Es'kov K. «Slovo o polku Igoreve»: seans chernoj magii s polnym razoblacheniem // URL: <http://afranius.livejournal.com/46212.html> (data obrawenija: 1.09.2011).
105. Zaloznjak A.A. «Slovo o polku Igoreve»: vzgljad lingvista, M., 2004. S. 265-323.
106. Vojtovich L. Kil'ka replik z privodu diskusii pro avtentichnist' «Slova o polku Igorevim» // Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi. Kiïv, 2006. S. 595-605; Ego zhe. Znovu pro diskusiju z privodu avtentichnosti «Slova o polku Igoreve» // «Slovo o polku Igoreve» ta jogo doba. Galich, 2007. S. 17–33; Ego zhe. «Kelijnij ditopisec» Dmitra Tuptala ta «Slovo o polku Igorevim» // L'viv's'ka medievistika. Vip. 1. Dmitro Tuptalo u svitli ukraïns'kogo baroko. L'viv, 2007. S. 187–197; Ego zhe. Plisnes'k, «Debra Kisanja» i problema avtentichnosti «Slova o polku Igorevim» // Drugi «Ol'zhini chitannja». L'viv, 2007. S. 74-78; Ego zhe. Chi buli mechi haraluzhni? // Visnik institutu arheologii. Vip. 2. L'viv, 2007. S. 74-79; Ego

zhe. Znovu pro diskusiju z privodu avtenticnosti «Slova o polku Igorevim» ta stosovno jogo avtoriv // Zapiski NTSh. T. 256. L'viv, 2008. S. 32–49; Ego zhe. Kil'ka zauvag do novoi diskusii navkolo «Slova o polku Igorevim» // Fortecja. Zbirnik zapovidnika «Tustan'»: na poshanu Mihajla Rozhka. L'viv, 2009. S. 40–56.

107. Uspenskij F. Imperator Aleksej II i Andronik Komnin // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveswenija. № 212. 1880. S. 95-130; № 214. 1881. S. 52-85; Ego zhe. Poslednie Komniny. Nachalo reakcii // Vizantijskij Vremennik. T. 25. 1927-1928. S. 1-23.

108. Choniatae Nicetae. Historia / Rec. I.A. van Dieten. Berolini, 1975. P. 323–325 (P. 247).

109. Uspenskij F.I. Obrazovanie vtorogo Bolgarskogo carstva. Odessa, 1879. S. 35-36.

110. Litavrin G.G. Dva jetjuda o vosstanii Petra i Asenja // Litavrin G.G. Vizantija i slavjane. SPb., 1999. S. 354-362.

111. Sm.: Zaliznjak A.A. Slovo o polku Igoreve. Vzgljad lingvista. M., 2004; Chernov A. Tri imeni avtora «Slova o polku Igoreve». Tekst kak ottisk lichnosti avtora: kto ukrylsja pod psevdonimom Hodyna. 2005 // URL: <http://chernov-trezin.narod.ru> (data obravenija: 1.08.2011); Vojtovich L. Kil'ka replik z privodu diskusii pro avtenticnist' «Slova o polku Igorevim»// Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi. Vip 6. Kiïv, 2006. S. 595-608; Ego zhe. Znovu pro diskusiju z privodu avtenticnosti «Slova o polku Igorevim»ta stosovno jogo avtoriv // Zapiski NTSh. T. 256. L'viv, 2008. S. 32–49.

112. Jeti argumenty byli sobrany v doklade Andrijana Shijchuka (Rumynija) «K voprosu juznyh granic Galickoj Rusi (po materialam vizantijskoj istoriografii), proiznesennom na V mezhdunarodnom kongresse ukrainistov v Chernovcah 28 avgusta 2002 g. na zasedanii sekcii «Galicko-Volynskoe knjazhestvo», kotoryj, k sozhaleniju, ostalsja neopublikovannym.

113. Dashkevich Ja. Davnij L'viv u virmens'kih ta virmeno-kipchac'kih dzherelah // Ukraïna v minulomu. Vipusk 1. Kiïv-L'viv, 1992. S. 10-11.

114. Vojtovich L. Nawadki Chingiz-hana: vstup do genealogii Chingizidiv-Dzhuchidiv. L'viv, 2004. S. 108-109.

115. Egorov V.L. Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. M., 1985. S. 33-35.

116. Bert'e-Delagard A.L. K voprosu o mestonahozhdenii Mavrokastrona «Zapiski grecheskogo toparha» // Zapiski Odesskogo ob-va istorii i drevnostej. T. 33. 1919. S. 1-20.

117. PSRL. T. 7. S. 240.

118. Rybakov B.A. Russkie zemli po karte Idrisi 1154 goda // Kratie soobw. In-ta istorii material'noj kul'tury. № 43. 1952. S. 15-18.

119. Polevoj L.L. Ocherki istoricheskoi geografi Moldavii XIII-XIV vv. Kishinev, 1979. S. 67.

120. Egorov V.L. Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. S. 79-82; Kravchenko A.A. Srednevekovyj Belgorod na Dnestre (konec XIII-XIV v.). Kiev, 1986.

121. Kravchenko A.A. Srednevekovyj Belgorod. S.83-84.

122. Popescu-Spinieni M. România in istoria cartografici până la 1600. Vol.1. București, 1938. P. 74.
123. Egorov V.L. Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v VIII-XIV vv. S. 136, 139.
124. Nordenskiöld A.E. Periplus. Stockholm, 1897. P. 33. Taf. VII.
125. Pashuto V.T. Oчерки по istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M., 1950. S. 302.
126. PSRL. T. 3. S. 44-45; T. 4. S. 29; T. 10. S. 99-102; T. 15. S. 351-352; Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis / Ed. G. Fejer. T. 4. Vol. 3. Budaе, 1832. Dok. 15.07.1264; Palackij F. O ruskom knjaze Rostislave, otcе cheshskoj korolevy Kunguty i rode ego // Chtenija v Moskovskom ob-ve istorii i drevnostej rossijskih. 1846. № 3. S.11-16; Palauzov S.N. Rostislav Mihajlovich, knjaz' Machvy // Zhurnal Ministerstva Narodogo Prosvewenija. 1851. № 8. S. 27-49; Wertner M. Az Árpádok czaládi története. Nagybecskerek, 1892. P. 463-475.
127. Kristó G. Die Arpadendynastie. Geschichte Ungarns von 895 bis 1301. 1993. S. 240.
128. Monumenta Poloniae Historica. T. 2. Lwów, 1872. P. 841-842; T. 3. Lwów, 1878. P. 175.
129. Dąbrowski D. Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami zachodnimi w latach 1264-1299/1300 r. // Galichina ta Volin' u dobu seredn'ovichhja. Istorichni ta kul'turologichni studii. Do 800-richhja z dnja narodzhennja Danila Galic'kogo. L'viv, 2001. S. 47-49.
130. Id. S. 61.
131. Grushevs'kij M. Istorija Ukraïni-Rusi. T. 3. L'viv, 1905. S. 98-100.
132. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis / Ed. G. Fejer. T. 6. Vol. 2. Budaе, 1830. P. 216-217; Kupchins'kij O. Akti ta dokumenti Galic'ko-Volins'kogo knjazivstva XIII – pershoi polovini XIV stolit'. Doslidzhennja. Teksti. L'viv, 2004. S. 125-129.
133. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis. P. 213-214, 239-240.
134. Fedaka S. Galic'ko-Volins'ka derzhava i Zakarpattja // Korol' Danilo Romanovich i jogo misce v Ukraïns'kij istorii. L'viv, 2003. S. 71.
135. Pachovs'kij V. Sribna zemlja. Uzhgorod, 1993. S. 41.
136. Wenzel G. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. Pest, 1811. P. 166-167.
137. Stavrovs'kij O. Slovac'ko-pol's'ko-ugors'ke prikordonnja do XVIII st. Prjashiv, 1967. S. 14, 377.
138. Vegesh M. Lev Danilovich // Vcheni, pis'menniki i politichni dijachi pro Ukraïnu. Vip. 2. Uzhgorod, 1996. S. 34-39.
139. Himenec' Ju. Zakarpattja – zemlja Ukraïns'koï derzhavi. Uzhgorod, 1991. S. 17.
140. Trojan M. Mukachivs'kij zamok. Uzhgorod, 1982. S. 9.
141. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus as civilis / Ed. G. Fejer. T. 8. Vol.2. Budaе, 1834. P.326.
142. Vojtovich L. We odna zagadka genealogii Romanovichiv: chi isnuvala koroleva Marija L'vivna? // A se ego srebro: Zbirnik prac' na poshanu chlenakorespondenta NAN Ukraïni Mikoli Fedorovicha Kotljara z nagodi jogo

70-richchja. Kiïv, 2002. S. 161-164.

143. A magyar nép története. 3 köt. Budapest, 1896. 66-69 l.; Mel'nik V. Istorija Zakarpattja v usnih narodnih perekazah ta istorichnih pisnjah. L'viv, 1970. S. 36.

144. PSRL. T. 2. Stb. 935-936.

145. PSRL. T. 2. Stb. 936; Monumenta Poloniae Historica. T. 3. P. 702.

146. PSRL. T. 2. Stb. 936; Hlavaček I. Novy zioemek formulare Tobiase z Bechyne // Československy Časopis Historycky. R. 6. 12958. Z. 3. S. 560.

147. Dąbrowski D. Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami zachodnimi. S. 55.

148. Tęgowski J. Zabiegi księcia kujawskiego Władysława Łokietka o tron krakowski w latach 1288-1293 // Zapiski kujawsko-dobrzyńskie. T. 6. Historia. 1987. S. 54-55.

149. Vojtovich L. Jurij L'vovich i jogo politika // Galichina ta Volin' u dobu seredn'ovykhchja. Do 800-richchja z dnja narodzhennja Danila Galic'kogo. L'viv, 2001. S. 73-74.

Aleksandr Maiorov

Was Daniil of Halich Crowned by Pope Innocent IV?

1. Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075 – 1953) / Collegit, introductione et adnotationibus auxit Athanasius G. Welykyj. Romae, 1953. T. 1 (1075-1700).

2. Velikij A.G. Problema koronacii Danila // Korona Danila Romanovicha. 1253-1953 rr. Dopovidi Rims'koï sesii II naukovoi konferencii Naukovogo tovaristva im. Shevchenka (Rim, 18 grudnja 1953 r.). Rim; Parizh; Mjunhen, 1955 (Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka. T. 164). S. 95-96.

3. Tam zhe. S. 96.

4. Tam zhe. S. 95.

5. Tam zhe. S. 97-104.

6. Kotljар N.F. Daniil, knjaz' Galickij. Dokumental'noe povestvovanie. SPb., 2008. S. 288. Sm. takzhe: Kotljар M.F. Danilo Galic'kij. Biografichnij naris. Kiïv, 2002. S. 304.

7. PSRL. M., 1998. T. II. Stb. 826.

8. Tam zhe. Stb. 827.

9. Rocznik Krasinskich / Ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1878. T. III. P. 132.

10. Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratре Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus: hoc est, collectio veterum monumentorum quae hactenus latuerant in variis codicibus ac bibliothecis. Parisiis, 1715. R. 353-405. V 1761 g. tekst pamjatnika byl perepechatan v novom izdanii Trudov Je. Baljuza: Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratре Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta et non paucis ineditis monumentis opportunisque animadversionibus aucta opera ac studio Loannis Dominici Mansi. Lucca, 1761. T. I.

11. Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratре Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi [Ex Stephano Baluzio] // *Rerum Italicarum Scriptores* / Ed. L. A. Muratori. Mediolani, 1723. Vol. III. Parte 1. P. 592.

12. Sm.: Pagnotti F. Niccolo da Calvi e la sua Vita a Innocenzo IV con una breve introduzione sulla istoriografi a pontifi cia dei secoli XIII e XIV // *Archivio della Societa Romana di storia patria*. Roma, 1898. Vol. 21. P. 7–120; Vogel R. Nikolaus von Calvi und seine Lebensbeschreibung des Papstes Innozenz IV. Munster, 1939.

13. Podrobnее sm.: D'Acunto N. 1) La cattedra scomoda. Niccolò da Calvi, frate Minore e vescovo di Assisi (1250–1273) // *Il difficile mestiere di vescovo (secoli X – XIV)*. Verona, 2000 (Quaderni di storia religiosa. T. 7. P. 189–216; 2) Assisi nel Medio Evo. Scritti di storia ecclesiastica a civile. Assisi, 2002. P. 207–235.

14. «At Rutenos quoque, qui ad Romanam curiam suos solemnes nuntios destinarunt ut eis Legatum mitteret, per quem instruerentur et informarentur in side catholica, cum more Graecorum et ritu viverent, missus est Dominus Albertus Archiepiscopus Livoniae et Prussiae. Ubi quidem ad Regem subsequenter ab apostolica sede Legatus missus Domnus Abbas de Mazario, qui coronavit eundem». – Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus. P. 369. Sm. takzhe: Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta... T. I. P. 198; *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. III. Parte 1. P. 592.

15. «Gregorii abbatis de monte sancti Danielis et fratrum H. et A. de ordine fratrum Praedicatorum carissimi in Christo fi lii Danielis regis Russiae nuntiorum» (*Historia Russiae Monumenta* / Ab. A. J. Turgenev. St. Petropoli, 1841. T. I. Nr. 75. P. 66–67; *Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV* / Ed. A. Potthast. Berolini, 1875. T. II. Nr. 12689. P. 1069).

16. PSRL. T. II. Stb. 867.

17. Sm.: Panishko S. Do problemi lokalizacii davn'orus'kogo Ugrovs'ka // *Kiivs'ka starovina*. 1997. № 5; Mazurik Ju., Ostap'juk O. 1) Lokalizacija bashti v litopisnomu Ugrovs'ku // *Minule i suchasne Volini j Polissja: kraj na mezhi tisjacholit'*. Materiali H naukoivoi istoriko-kreeznavchoi konferencii. Luc'k, 2002; 2) Arheologichni doslidzhennja litopisnogo Ugrovs'ka na Volini // *Zamosc'ko-Volins'ki muzejni zoshiti*. T. I. Zamość, 2003.

18. PSRL. T. II. Stb. 859.

19. Tam zhe. Stb. 867–868.

20. Tam zhe. Stb. 859.

21. Podrobnее sm.: Selart A. Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum // *Tuna: ajalookultuuri ajakiri*. Tallinn, 2002. Nr. 2. S. 11–21. Sm. takzhe: Bautz Fr. W. Albert II. Suerbeer // *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon* / Bearb. und hrsg. von Fr. W. Bautz. Hamm, 1975. Bd. 1. Sp. 84.

22. PSRL. T. II. Stb. 827.

23. Sm.: Nasalli Rocca E. Il monastero del Mezzano di Piacenza e l'abate Obizzo (sec. XIII) // *Benedictina*. Roma, 1956. T. X.

24. Cm.: Gołab K. Opat Obizzo i jego legacja // *Nasza przeszłość: Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce*. Kraków, 1959. T. X.

25. Sm., naprimer: *Scriptores rerum Prussicarum: die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* / Ed. T. Hirsch, M. Toeppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. T. II. R. 134.

Mikhail Nesin

The Galician Veche of 1229-1234.

1. Nesin M.A. Galickoe veche v 1204-1229 gg. // *Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal* / Otv. red. S.G. Suljak. Kishinev, 2011. № 2 (24). S. 5-26.

2. PSRL. T. 2. M., 2000. Stb. 754-755; Nesin M.A. Galickoe veche v 1204-1229 gg.

3. PSRL. T. 2. Stb. 756.

4. Galicko-Volynskaja letopis' (Podg. teksta, perevod i komm. O.P. Lihachevoj) // *Pamjatniki drevnerusskoj literatury/ XIII vek. M., 1981. S. 389.*

5. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. Oчерki social'no-politicheskikh otnošenij v domongol'skoj period. Knjaz', bojare i gorodskaja obwina. SPb., 2001. C. 503-504.

6. Kostomarov N.I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej. M., 2004. S. 108.; Kotljars N.F. Daniil, knjaz' Galickij. SPb., 2008. S.117.

7. Shabaga A.V. Opyt modelirovanija social'nyh processov: prichiny voennyh konfliktov v Galicko-Volynskoj Rusi. M., 2003. S. 164.

8. PSRL. T. 2. Stb. 738.

9. Grushev'skij M.S. Hronol'ogija podij Galic'ko-Volin'skoï litopisi. // *Zapiski Naukovogo Tovaristva im. Shevchenka. L'viv, 1901. T. 41. S. 23; Shabaga A.V. Opyt modelirovanija... S. 164.*

10. PSRL. T. 2. Stb. 762.

11. Shusharin V.P. «Vengerskie» izvestija Galicko-Volynskoj letopisi // *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Probl. istochnikovedenija. Chtenija pamjati chl.-kor. AN SSSR V.T. Pashuto. Moskva, 18-20 apr. 1990 g. Tez. dokl. M., 1990.*

12. PSRL. T. 2. Stb. 762.

13. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 529.

14. Kostomarov N.I. Russkaja istorija... S. 112.

15. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 530.

16. PSRL. T. 2. Stb. 762.

17. Pashuto V.T. Oчерki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M., 1950. S. 77.

18. Pashuto V.T. Oчерki... S. 73-88.

19. Tolochko P.P. Russkie letopisi i letopiscy X-XIII vv. Spb., 2003. S. 242-245.

20. Nesin M.A. K istorii proishozhdenija Galicha // *Rusin. Mezhdunarodnyj zhurnal* / Otv. red. S.G. Suljak. Kishinev, 2010. № 3 (21). S. 67-69.

21. Nesin M. A. Galickoe veche v 1204-1229 gg.

22. PSRL. T. 2. Stb. 762.

23. Tolochko P.P. O «kramole bezbozhnyh bojar galichskih» // *Tolochko P.P. Viborni tvoriv 1998-2008 rr. K., 2008. S. 342.*

24. PSRL. T. 2. Stb. 762.

25. Stefanovich P.S. «Vernost'» v odnoshenijah knjazja i družiny na Rusi v XII - XIII v. // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2008. № 1. S. 78.
26. PSRL. T. 2. Stb. 719, 729, 750.; Nesin M. A. 1) Galickoe veche v sobytijah 1187-1188 gg. // Rusin. Mezhdunarodnyj zhurnal / Otv. red. S.G. Suljak. Kishinev, 2009. № 3 (17). S. 35-36. 2) Galickoe veche v 1205-1229 gg.
27. Gil'debrand G. Nemeckaja kontora v Polocke // Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja. Riga, 1879. T. II. S. 45; Novgorodskaja I letopis' starshego i mladshogo izvodjv (dalee - NIL) // PSRL. T. 3. M., 2000. S. 21, 205; Cimeonovskaja letopis' // PSRL. T. 18. M., 2007. S. 82. Nesin M.A. Galickoe veche v sobytijah... S. 36, 46 (primech. 52).
28. Frojanov I. Ja., Dvornichenko A.Ju. Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi. L., 1988. S.148- 149. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 340-346. Nesin M. A. Galickoe veche v 1204-1229 gg.
29. PSRL. T. 2. Stb. 774.
30. Grushev'skij M.S. Hronol'ogija podij... S. 22-24. Shabaga A.V. Opyt modelirovanija... S. 165.
31. PSRL. T. 2. Stb. 762.
32. PSRL. T. 2. Stb. 729, 755, 765.
33. Sm., napr.: perevod O.P. Lihachevoj izvestija Galicko-Volynskoj letopisi o bojarskoj kramole 6741 g.: Galicko-Volynskaja letopis'... S. 389.
34. PSRL. T. 2. Stb. 718.
35. PSRL. T. 2. Stb. 774, 775.
36. PSRL. T. 2. Stb. 762.
37. PSRL. T. 2. Stb.748
38. PSRL. T. 2. Stb. 722.
39. PSRL. T. 2. Stb.,750.
40. Shabaga A.V. Opyt modelirovanija... S. 175.
41. PSRL. T. 2. Stb. 774.
42. PSRL. T. 2. Stb. 756.
43. Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraïni – Rusi. K., 1992. T. III. S. 52.; Pashuto V.T. Ocherki... S. 216; Kotljars N.F. Galicko-Volynskaja letopis' (istochniki, struktura, zhanrovyje i idejnye osobennosti) // Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy (dalee - DGVE). 1995 god. M., 1997. S. 104; Tolochko P.P. O «kramole...». S. 52.
44. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 568.
45. Tolochko P.P. O «kramole...». S. 52.
46. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S.566.
47. Novgorodskaja I letopis' starshego i mladshogo izvodov (dalee – NIL) PSRL. T. 3. M., 2000. S. 24, 209.
48. Litopis rus'kij: za Ipat'skim spiskom pereklav L. Mahnovec'. Kiïv, 1989. S. 393; Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 571. Sr.: Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraïni – Rusi. T. III. S. 52; Pashuto V.T. Ocherki... S. 216; Kotljars N.F. Galicko-Volynskaja letopis'... S. 104; Tolochko P.P. O «kramole...». S. 52.
49. PSRL. T. 2. Stb. 813.
50. NIL. S. 67, 273.
51. Danilova L. V. Ocherki po istorii zemlevladienija i hozjajstva v Novgorodskoj zemle v XIV-XV vv. M., 1955. S. 88.; Podvigina N.L. 1) Klassovaja bor'ba v Novgorode v konce XII-XIII v. // Vestn. MGU. Istorija. 1968. № 6. S. 58-59; 2)

- Ocherki social'no-jekonomicheskoy i politicheskoy istorii Novgoroda Velikogo v XII-XIII vv. M., 1976. S. 144-146.
52. NIL. S. 67, 273. Lukin P.V. O social'nom sostave novgorodskogo vecha. XII-XIII vv. po letopisnym dannym // DGVE 2004 g. M., 2006. S. 186.
53. Lukin P.V. O social'nom sostave... S. 185-186.
54. Janin V.L. Novgorodskie posadniki. M., 1962. S. 136-138, 182, 186; Podvigina N.L. 1. Klassovaja bor'ba... S. 58-59; 2) Ocherki social'no-jekonomicheskoy i politicheskoy istorii Novgoroda Velikogo... S. 144-146. Alekseev Ju.G. «Chernye ljudi» Novgoroda i Pskova (k voprosu o social'noj jevoljucii drevnerusskoj gorodskoj obwiny) // Istoricheskie zapiski. T. 105. M., 1979. S. 247-48.
55. NIL. S. 70, 278.
56. Danilova L. V. Ocherki po istorii... S. 88.
57. Martyshin O.V. Vol'nyj Novgorod. Obwestvenno-politicheskij stroj i pravo feodal'noj respubliki. M., 1992. S. 182.
58. Petrov A.V. 1) O bor'be «stareishih» s «men'shimi» i vystuplenijah «kramol'nikov» v Novgorode vtoroj poloviny XIII v. // Vestnik. Leningr. un-ta. Ser.2. Istorija, jazykoznanie, literaturovedenie. 1991. Vyp.1. 2) Ot jazychestva k Svjatoj Rusi. Novgorodskie usobicy (k izucheniju drevnerusskogo vechevogo uklada. SPb., 2003. S. 223-224.
59. NIL. S. 50, 247.
60. NIL. S. 60, 261.
61. NIL. S. 326.
62. NIL. S. 67, 273.
63. NIL. S. 327.
64. Petrov A.V. Ot jazychestva... S. 37.
65. NIL. S. 67, 273.
66. Lukin P.V. O tak nazываемoj mnogoznachnosti ponjatija «veche» v russkih letopisjah. Domongol'skoe vremja // Neischerpaemost' istochnika. K 70-letiju V.A. Kuchkina. M., 2005.
67. Nesin M.A. Galickoe veche v sobytijah... S. 42-43 (primech. 34).
68. Sm., napr.: Lukin P.V. Veche: social'nyj sostav // Drevnjaja Rus': ocherki politicheskogo i social'nogo stroja. M., 2008.
69. Sm., napr.: Sergeevich V.I. Veche i knjaz'. M., 1867.
70. Platonov S.F. Velikij Novgorod do ego podchinenija Moskve v 1478 godu i posle podchinenija do Nishtadskogo mira 1721 g. Novgorod., 1916. S. 5.
71. PSRL. T. 2. Stb. 762.
72. Galicko-Volynskaja letopis'... S. 390. (Kommentarij O.P. Lihachevoj)
73. Sr.: Pashuto V.T. Ocherki... S. 214.
74. PSRL. T. 2. Stb. 763.
75. Sr.: Tolochko P.P. Russkie letopisi... S. 239, 279.
76. PSRL. T. 2. Stb. 763.
77. PSRL. T. 1. Stb. 12.
78. PSRL. T. 2. Stb. 494-496.
79. PSRL. T. 2. Stb. 763.
80. Tam zhe.
81. Tam zhe.

82. Sm., napr.: Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejših vremen. Kn. 2. M., 1992. S. 149. Kostomarov N.I. Russkaja istorija... S. 117.
83. PSRL. T. 2. SPb., 1843. S. 340.
84. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 462. Tolochko P.P. 1) Russkie letopisi.... S. 239. 2) O «kramole...». S. 342.
85. Grushev'skij M.S. Hronol'ogija podij... S. 24. Shabaga A. V. Opyt modelirovanija... S. 167
86. PSRL. T/2. Stb. 763.
87. Zubrickij D.I. Istorija drevnego Galichsko-Russkogo knjazhestva. L'vov, 1855. Ch. 3. S. 112-113; Rybakov B.A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. M., 1982. S. 517; Sverdlov M.B. Genezis i struktura feodal'nogo obvestva v Drevnej Rusi. L., 1983. S. 203; Solov'ev S.M. Istorija... Kn. 2. S. 149. Granberg Ju. Veche v drevnerusskijh pis'mennyh istochnikah: funkcii i terminologija // DGVE. 2004 g. S. 42. Tolochko P.P. O kramole... S. 342.
88. Grushev'skij M.S. Istorija Ukraïni-Rusi T. 2. S. 476. Primech.
89. Lukin P.V. O tak nazывaemoj mnogoznachnosti...
90. Presnjakov A.E. Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi. M., 1993. S. 399. Pashuto V.T. Cherty političeskogo stroja Drevnej Rusi // Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe značenie. M., 1965. S. 50.
91. Cit. po: Golovko A.B. Social'naja funkcija gorodskogo naselenija v jepohu feodal'noj razdroblennosti: (na primere južnoruskijh gorodov) // Drevnerusskij gorod. K., 1984. S. 31.
92. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 509.
93. Nesin M.A. K istorii vozniknovenija Galicha...
94. PSRL. T. 2. Stb., 764.
95. Lukin P.V. O tak nazывaemoj mnogoznachnosti... S. 69.
96. Kostomarov N.I. Daniil... S. 117; Tihomirov M.I. Drevnerusskie goroda. SPb., 2008. S. 163-164; Ctefanovich P.S. «Vernost'»... S. 78-79.
97. Solov'ev S.M. Istorija Rossii... Kn. 2. S. 149.
98. PSRL. T. 2. Stb. 764.
99. Dombrovskij D. K voprosu o datah rozhdenija Daniila i Vasil'ka Romanovičej (zametki k stat'e A.P.Tolochko// Srednevekovaja Rus' (dalee - SR) Vyp. 8. M., 2009.
100. Tolochko A.P. Izvesten li god rozhdenija Daniila Romanoviča Galickogo? // SR. Vyp. 7. M., 2007.
101. Guwin O. Vstup Chernigivs'kih Ol'govičiv u borot'bu za Galic'ko-Volins'ku spadwinu: tragedija Igorevičiv // Galic'ko-Volins'ka derzhava: peredumovi viniknennja, istorija, kul'tura, tradicii//Tezi dopovidej Mizhnarodnoj naukovoï konferencii. Galich, 19-21 serpnja 1993 r. L'viv. 1993.
102. Nesin M.A. Galickoe veche v 1204-1229 gg.
103. PSRL. T. 2. Stb. 764.
104. Frojanov I.Ja. Mjatežnyj Novgorod. SPb., 1992. S. 71-72.
105. Brajčevskij M.Ju. Dovženok V.V. O vremeni složenija feodalizma Drevnej Rusi // Voprosy istorii (dalee - VI). 1950. № 8 M., 1950. S. 76.
106. Ljapushkin I.I. Slavjane Vostočnoj Evropy nakanune obrazovanija drevnerusskogo gosudarstva. L., 1967. S. 161-164; Bulkin V.A., Dubov I.V.,

- Lebedev G.S. Arheologicheskie pamjatniki Drevnej Rusi IX-XI vekov. L., 1978. S. 140.; Sedov V.V. Vostochnye slavjane v VI - XIII vv // Arheologija. SSSR. M., 1982. C. 255.
107. Frojanov I.Ja. 1) Kievskaja Rus'. Očerki social'no-politicheskoj istorii. L., 1980. S. 20-46; 2) Mjatezhnyj Novgorod... S. 68-72.
108. Gorskij A.A. 1) Družhina i genezis feodalizma na Rusi // VI. 1984. № 9; 2) Drevnerusskaja družhina. M., 1989. S. 15-25 i dr.
109. Neusyhin A.I. Dofeodal'nyj period kak perehodnaja stadija razvitija ot rodoplemennogo stroja k rannefeodal'nomu (na materialah istorii Zapadnoj Evropy rannego srednevekov'ja) // Problemy istorii dokapitalističeskikh obvestv. M., 1968. C. 597, 616.
110. Gorskij A.A. Drevnerusskaja družhina. M., 1989. S. 25.
111. Gorskij A.A. Sistema gosudarstvennoj jekspluatacii i social'naja organizacija gosподstvujuwego klassa v Kievskoj Rusi // Obwee i osobennoe v razvitii feodalizma v Rossii i Moldavii. Problemy feodal'noj gosudarstvennoj sobstvennosti i gosudarstvennoj jekspluatacii (rannij i razvitij feodalizm) / Čhtenija, posvjawennye pamjati akademika L. V. Čherepnina: tezisy dokladov i soobwenij. M., 1988. S. 114.
112. Gorskij A.A. Drevnerusskaja družhina... S. 79-82.
113. Frojanov I.Ja. Kievskaja Rus'... S. 74-78.
114. Gorskij A.A. Drevnerusskaja družhina... S. 80.
115. Frojanov I.Ja. Kievskaja Rus'... S. 69-77.
116. PSRL. T. 2. Stb. 730, 736.
117. Sm., napr.: Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraïni-Rusi T. III. C. 68; Tolochko P.P. Russkie letopisi... S. 240.
118. PSRL. T. 2. Stb., 765.
119. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'...S. 514.
120. PSRL. T. 2. Stb. 765.
121. Tam zhe.
122. Lukin P.V. Drevnerusskie «voi» IX - nachala XII v. // SR. Vyp. 5. M., 2004.
123. PSRL. T. 2. Stb. 765.
124. Tam zhe.
125. Tam zhe.
126. Galicko-Volynskaja letopis'... (perevod O. P. Lihachevoj). S. 389.
127. Pashuto V.T. Očerki... S. 158.
128. Linnichenko I.A. Kritičeskij obzor novejshej literatury po istorii Galickoj Rusi//Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvewenija, 1891. № 91 maj - ijun'. S. 475. Pashuto V.T. Očerki... S. 184; Frojanov I.Ja. Dvornichenko A.Ju. Gorodagosodstva... S. 151-152. Sr.: Kotljars N.F. Formirovanie territorii i vozniknovenie gorodov Galicko-Volynskoj Rusi IX-XIII vv. K., 1985. S. 132.
129. PSRL. T. 2. Stb. 765.
130. Tam zhe.
131. PSRL. T. 2. Stb. 771, 773.
132. Kotljars N.F. Formirovanie territorii... S. 111.
133. PSRL. T. 2. Stb. 765.
134. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 514.
135. PSRL. T. 2. Stb.765.

136. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 514.
 137. PSRL. T. 2. Stb. 448.
 138. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 514.
 139. Majorov A.V. Bor'ba Daniila Romanovicha za galickij stol s vengrami v konce 20-h - nachale 30-h godov XIII v.: Ch. 2. Galickaja obwina i korolevich Andrej // Vestn. SPbGU. Ser. 2. Istorija, jazykoznanie, literaturovedenie. 2000.
 140. Janin V. L. Novgorodskie posadniki. M., 1962. S. 47; Frojanov I.Ja. Mjatezhnyj Novgorod. S. 151-152.
 141. Frojanov I.Ja. Mjatezhnyj Novgorod. S. 152. Sm. takzhe: Afanas'ev S.A. Obwina i knjaz' v drevnem Pskove XII-XIII vv. // Vestnik Lenigngradskogo un-ta. 1990. Vyp. № 3. L., 1990. S. 90-93.
 142. Frojanov I.Ja. Mjatezhnyj Novgorod S. 152; PSRL. T. 1. M., 2000. Stb. 476.
 143. Grushev'skij M.S. Hronol'ogija podij... S. 25, 63; Shabaga A.V. Opyt modelirovanija... S. 170.
 144. PSRL. T. 2. Stb. 771.
 145. Majorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'... S. 552.
 146. Majorov A.V. O sostave uchastnikov drevnerusskogo vecha (po materialam Novgoroda i drugih regionov Drevnej Rusi) // Peterburgskie chtenija – 96 / Otv. red. T.A. Slavina. SPb., 1996.
 147. Kotljarskij N. F. Galicko-Volynskaja letopis'... S. 104.
 148. Galicko-Volynskaja letopis'... S. 389. (Perevod O.P. Lihachevoj); PSRL. T. 2. Stb. 772.
 149. Szalay L.V. Geschichte Ungarns. Pest, 1869. Bd. 2. S. 30-33.
 150. Shabaga A.V. Opyt modelirovanija... S. 165.
 151. PSRL. T. 2. Stb. 772.
 152. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis Vudae, 1829. P. 324, 153; Pashuto V.T. Ocherki... S. 215.
 154. Kotljarskij N.F. Daniil, knjaz' Galickij... S. 207.
 155. Tatišev V.N. Istorija Rossijskaja s drevnejših vremen T. 3. M., 1964. S. 228.
 156. PSRL. T. 2. Stb. 746.
 157. Tolochko P.P. Russkie letopisi... S. 243.

Bishop Iov (Smakouz)

Priest Ignatii Hudima (1882-1944) - Martyr for the Orthodox Faith and Russian Ideals in Galician Rus'.

1. Resheniem Svjawnenogo Sinoda Pol'skoj Pravoslavnoj Cerkvi ot 7 ijulja 1994 g. svjawnenomuchenik Maksim Sandovich byl prichislen k liku svjatyh. V svjatcah Pol'skoj Pravoslavnoj Cerkvi - svjawnenomuchenik Maksim Gorlickij (Pamjat' 24 avgusta/6 sentjabrja). URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41000.htm> (data obravenija: 10.09.2011).

2. An extended commentary.

3. An extended commentary.

4. Suljak S. Rusiny v istorii: proshloe i nastojawee // Rusin. Mezhdunarodnyj

istoricheskij zhurnal / Otv. red. S.G. Suljak Kishinev, 2007. № 4 (10). S. 29-30. Sm. primechanie 1 k stat'e kandidata istoricheskikh nauk, prezidenta Obwestvennoj asociacii «Rus'» Sergeja Suljaka «Talergof i Terezin: zabytyj genocid». URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/suleak-talergof-terezin.html> (data obrawenija 10.09.2011).

5. An extended commentary.

6. Gladik V.P. Muchenik za Pravoslavie i russkie idealy na Galickoj Rusi o. Ignatij Gudima. Izdanie Prosvetitel'skogo fonda im. prot. Ioanna Naumovicha v Amerike po blagosloveniju Vysokopreosvjawennejshego Feofila, mitropolita vseja Ameriki i Kanady. Philadelphia, Pa, 1943. S. 7.

7. Cm.: URL: <http://www.monasterelesna.org/oMonastyre.htm> (data obrawenija: 10.09.2011); URL: http://www.talergof.org.ua/alfavitny_ukazatel1-g.html (data obrawenija: 10.09.2011).

8. Gladik V.P. Ukaz. soch. S. 9.

9. An extended commentary.

10. Voennye prestuplenija Gabsburgskoj monarhii. Galickaja Golgofa, Talergofskij al'manah. L'vov, 1924. Tipogr. Stavropigijskogo instituta. Prilozhenie (na galicko-russkom narechii). URL: <http://galich.org/5/5.htm> (data obrawenija: 10.09.2011).

11. An extended commentary.

12. Frolov K.A. Bendasjuk Semen Jur'evich // Pravoslavnoj Bogoslovskoj Jenciklopedii. T. 4. S. 594. URL: <http://www.pravenc.ru/text/78014.html> (data obrawenija: 10.09.2011).

13. Gladik V. P. Ukaz. soch. S. 10.

14. Frolov K.A. Russkie Karpaty – Terra Incognita Pravoslavnogo mira. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/ruskarpaty.htm> (data obrawenija: 10.09.2011).

15. Cit. po: Frolov K.A. Ukaz. soch. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/ruskarpaty.htm> (data obrawenija: 10.09.2011).

16. Voennye prestuplenija Gabsburgskoj monarhii. Galickaja Golgofa, Talergofskij al'manah. L'vov, 1924. URL: <http://galich.org/5/5.htm> (data obrawenija. 10.09.2011).

17. Cit. po: Klopova M. «Russkoe dvizhenie» i ego sud'ba nakanune Pervoj mirovoj vojny. URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/klopova_rudvi.html (data obrawenija. 10.09.2011).

18. Cit. po: Klopova M. «Russkoe dvizhenie»...

19. Rossija. Gosudarstvennaja Duma. Chetvertyj sozyv. Sessija II. 10 maja 1914 g. S. 386. Cit. po: Klopova M. «Russkoe dvizhenie»...

20. Tam zhe.

21. Levickij K. Icropija politichnoi dumki galic'kih ukrainciv. 1848-1914. Na pidstavi. L'viv. 1926. S. 99. Cit. po: Klopova M. «Russkoe dvizhenie».

22. N.N. Shebeko - S.D. Sazonovu. 2/15 ijunja 1914 g. // AVPRI. F. 133. Op. 470. 1914 g. D. 165. L. 116. Cit. po: Klopova M. «Russkoe dvizhenie»...

23. Skvorcov D. Jeh, byli ljudi!.. 750-letiju stolicy Galickoj Rusi posvjawaetsja. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=1315> (data obrawenija: 10.09.2011).

24. Talergofskij al'manah: propamjatnaja kniga avstrijskih zhestokostej i nasilij nad karpatorusskim narodom vo vremja vseмирnoj vojny 1914-1917 gg. Vyp. 1-4. L'vov: Izdanie Talergofskogo komiteta, 1924-1932, Vypusk 3: «Talergof», Chast'

1-ja, Izdanie Talepgofskago Komiteta. Tipografija Stavropigijjskago Instituta pod upravleniem Mirona Macaka. L'vov, 1930. S. 134.

25. Bibliografija k «Terezin i Talergof» V.V. Vavrika. Sostavitel' R.D. Mirovich. URL: <http://ukrstor.com/talergof/liter.html> (data obravnenija: 10.09.2011); Svitlinskij Bogdan. Avstro-Ugorwina i Talergof (v 25-litie vsemirnoji vojni). (na galicko-russkom narechii). URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/switlinskij_awsourogorscina.html#glaw_14 (data obravnenija: 10.09.2011). Sm. takzhe: «Al'bom snimkov iz koncentracionnogo lagerja dlja voenno-arestovannyh russkih galichan i bukovincev v Talergofe, v Shtirii (1914-1917). Izdanie Talergofskogo komiteta. L'vov, 1923, Tipografija Stavropigial'nogo instituta pod upravleniem Ju.I. Sidoraka. URL: <http://galich.org/6/6.htm> (data obravnenija: 10.09.2011).

26. Kurillo Feofil Vasil'evich. Dnevnik lemka iz Talergofa (s 14-go sentjabrja 1914 g. po 22-oe avgusta 1915 g.). URL: http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah3-x.htm#almanah3_zhisl (data obravnenija: 10.09.2011).

27. Kurillo F. Ukaz. soch. URL: http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah3-x.htm#almanah3_zhisl (data obravnenija: 10.09.2011).

28. Julian Nikolaevnch Kiselevskij (†1928 g.) pod № 543 v trude: Vavrik V.P. Chleny Stavropigiona za 350 let. (1586-1936). URL: <http://www.stavropigion.lviv.ua/vavrik-brat4iki.html> (data obravnenija: 10.09.2011); Talergofskij al'manah. Vyp. 4. S. 118. (<http://www.zaistinu.ru/ukraine/church/almanah4-x.htm> (data obravnenija: 10.09.2011)).

29. Stat'ja «Gudima Ignatij Filippovich» iz Vikipedii. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F3%E4%E8%EC%E0_%C8%E3%ED%E0%F2%E8%E9_%D4%E8%EB%E8%EF%EF%EE%E2%E8%F7 (data obravnenija: 10.09.2011).

30. Mogila № 1619, TA P, 14, 108. Ofic. spis. Mirovich R.D. (sostavitel'). Alfavitnyj ukazatel' zhertv avstro-mad'jarskogo terrora vo vremja pervoj mirovoj vojny 1914 - 1918 gg. na oblastjah Galickoj i Bukovinskoj Rusi s biograficheskimi i bibliograficheskimi dannymi. 3-ja, znachitel'no popolnennaja redakcija. Posvjawaetsja 50-letnej godovwine Talergofskoj tragedii Prikarpatskoj Rusi. L'vov, 1971 g. URL: http://www.talergof.org.ua/alfavitnyi_ukazatel1-g.html (data obravnenija: 10.09.2011).

31. Gladik V.P. Ukaz. soch. S. 12-13.

32. An extended commentary.33. Gladik V.P. Ukaz. soch. S. 14.

34. Gladik V.P. Ukaz. soch. S. 14.

35. Tam zhe. S. 12-13.

36. Posvjawaetsja 50-letnej godovwine Talergofskoj tragedii Prikarpatskoj Rusi. (Sostavil R.D. Mirovich. L'vov, 1971 g.)» pod № 1939 (Rel. 4/8. 1914. № 477/pr. CGIA 1 s. 138, 155, 204 (S. 1331). TA 1, 139; P, 13, 14, 20, 32, 57, 105, 108, 109; Sh, 90, 134; 1U, 116, 118. Vavrik. Talergof. S. 19, 51. Obvinitel'nyj akt po delu Bendasjuka i tov. (Prilozhenie k «Prikarpatskoj Rusi» № 1294 za 1914 god. «Prikarpatskaja Rus'» za 17/8. 1914. № 2.). Vavrik V.R.: Za chto sudili 25 let tomu nazad? (V gaz. «Russkij Golos». 1939. № 125 i sledujuwие ocherki Vavrika V.R.: Otec Ignatij (v Kalendare obwestva im. M. Kachkovskogo na 1935 g. S. 175-195); o Ignatij Gudima (v gazete «Russkij Golos» za 14/3. 1927. № 216); Zhertva avstrijskogo terrora o Ignatij Gudima (v gazete «Russkij Golos». 1930. № 27); V kol'ce shtykov (v gaz. «Russkij Golos». 1928. № 280-281); Skripka o Ignatija (v gaz. «Russkij Golos» za 2/12. 1928. № 288); Talergof. V vodovorote bor'by.

(v gaz. «Russkij Golos» za 18/4 1925 № 117) i Na zakate gasnuvih dneĳ (rukop. zapiski svĳaw. P.M. Mikuly.). URL: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (data obrawenija: 10.09.2011); Vavrik V.R. Terezin i Talergof (K 50-letnej godovwine tragedii Galicko-Russkogo naroda). Izd. protoiereĳ R.N. Samelo, 1966 g. URL: <http://www.ukrstor.com/talergof/terezin.html> (data obrawenija: 10.09.2011); Gladik V.P. Ukaz. soch. S. 12-13.

37. Soglasno Tolkovomu slovarju zhivogo velikoruskogo jazyka V. Dalĳa, kruchina – to, chto mozhet krushit' nrawstveno cheloveka: grust', toska, pechal', ogorchenie, gore, dlitel'noe dushevnoe stradanie, tomlenie.

38. Cit. po: stat'ja «Gudima Ignatij Filippovich» Vikipedii.

39. Gromik V. Sajt «Derev'jani cerkvi L'vivwini» - Brodivs'kij rajon URL: <http://decerkva.org.ua/2brodD.html> (data obrawenija: 10.09.2011).

Tatiana Sologub-Kotsan

Ornamental Motifs of Hutsul Folk Embroidery in Transcarpathia (The Yasinian Center) at the End of the 19th to the Middle of the 20th Centuries.

1. Pol'ovi materili zibrani u selah Rahivs'kogo rajonu // Arhiv avtora.

2. Bodnar I.Ja. Ornamentika karpats'kih vishivok // Narodna tvorčhist' ta etnografija. 1969. № 2. S. 57.

3. Bodnar I.Ja. «Ustavki» Kosmacha ta Verhovini // L'vivs'kij derzhavnij institut prikladnogo ta dekorativnogo mistectva. VII naukova konferencija. L'viv. 1996. S. 15.

4. Zaharchuk-Chugaj R.V. Ukraĳns'ka narodna vishivka: zahidni oblasti URSS. Kiĳv, 1988. S. 130.

5. Kokish G.S. Kolomijki pro odĳag // Arhiv Muzeĳu gucul'stva s. Roztoki Rahivs'kogo rajonu. S. 2.

6. Pol'ovi materili zibrani u selah Rahivs'kogo rajonu // Arhiv avtora.

7. Kocur N.M. I na tim rushnikovi. Metodichnij posibnik. Donec'k, 2007. S. 3.

8. Litvinec' E.M. Ukraĳns'ke narodne mistectvo vishivannja ta nanizuvannja. Kiĳv, 2004. S. 15.

9. Fondi Zakarpats'kogo muzeĳu narodnoĳ arhitekturi ta pobutu, inventarnij nomer (dali FZMNAP E:): 12393/257.

10. Zaharchuk-Chugaj R.V. Ukraĳns'ka narodna vishivka: zahidni oblasti URSS. S. 96-97.

11. FZMNAP E: 12393/257.

12. Zaharchuk-Chugaj R.V. Ukraĳns'ka narodna vishivka: zahidni oblasti URSS. S. 108.

13. Litvinec' E.M. Ukraĳns'ke narodne mistectvo vishivannja ta nanizuvannja. K., 2004. S. 15.

14. Selivachov M.R. Dominantni motivi ukraĳns'koĳ narodnoĳ ornamentiki (kinec' XIX–XX st.) // Narodna tvorčhist' ta etnografija. 1990. № 2. S. 73.

15. FZMNAP E: 12491/340.

16. Bodnar I.Ja. Ornamentika karpats'kih vishivok // Narodna tvorčhist' ta etnografija. 1969. № 2. S. 57-58.

17. FZMNAP E: 12544/393.

18. Litvinec' E.M. Ukraïns'ke narodne mistectvo vishivannja ta nanizuvannja. S. 15.
19. FZMNAP E: 12490/339.
20. FZMNAP E: 12543/392.
21. Selivachov M.R. Dominantni motivi ukraïns'koï narodnoï ornamentiki (kinec' XIX–XX st.) // Narodna tvorčist' ta etnografija. 1990. № 2. S. 69.
22. FZMNAP E: 12632/481.
23. FZMNAP E: 12634/483.
24. Zaharchuk-Chugaj R.V. Ukraïns'ka narodna vshivka: zahidni oblasti URSR. S. 83-84.
25. Gribanich I. Narodnij odjag guculiv Zakarpattja drugoi polovini XIX – 50-h rr. XX st. Uzhgorod, 1995. Vip.1. S. 103.
26. Zaharchuk-Chugaj R.V. Vishivka // Etnogenez ta etnichna istorija naselennja Ukraïns'kih Karpat. Tom II. Etnologija ta mistectvoznavstvo. L'viv, 2006. S. 650.
27. FZMNAP E: 12491/340.
28. FZMNAP E: 12544/393.
29. FZMNAP E: 12634/483.
30. FZMNAP E: 12491/340.
31. FZMNAP E: 12543/392.
32. FZMNAP E: 12544/393.
33. FZMNAP E: 12305/184.
34. FZMNAP E: 12543/392.
35. FZMNAP E: 12636/485.
36. FZMNAP E: 12632/481.
37. Pol'ovi materili zibrani u selah Rahivs'kogo rajonu // Arhiv avtora.

Vasilii Kotsan

The Interior Plan of the Folk Abode in Transcarpathia of the 19th and first half of the 20th Centuries.

1. Daniljuk D.D. Istorichna nauka na Zakarpatti (kinec' XVIII – persha polovina XX st.). Uzhgorod, 1999. S. 193.
2. Tam zhe. S. 201.
3. Zhatkovich Ju. Zamitki etnografichni z Ugors'koï Rusi // Etnografichni zbirnik. 1896. T. II. S. 1-38.
4. Mazurok O.S. Jurij Zhatkovich jak istorik ta etnograf. Uzhgorod: UzhNU, 2001. – 292 s.
5. Zhatkovich Ju. Etnograficheskij ocherk ugro-russkih: kompleksne vidannja / [Uporjadkuvannja i peredmova O.S. Mazurka]. Uzhgorod: Mistec'ka linija, 2007. – 392 s.
6. Obidnij M. Stari gucul's'ki hati v seli Kvasah // Pidkarpats'ka Rus'. Richnik HII-HIII. 1936. S. 54-58.
7. Kozminova A. Podkarpatska Rus. Praha, 1922.
8. Kozminova A. Podkarpatska Rus. Prace a zivot lidu. Uzhorod, 2007. – 131 s. (perevidannja knigi «Pidkarpats'ka Rus'», 1922).
9. Vovk F. Studii z ukraïns'koï etnografii ta antropologii. K., 1995. – 367 s.

10. Potushnjak F. Postrojka doma v narodnom virovanii // Rus'ka pravda. 1940. 4 avgusta, 6 avgusta.
11. Simonenko I.F. Byt naselenija Zakarpatskoj oblasti // Sovetskaja jetnografija. 1948. № 1. S. 63-89.
12. Simonenko I.F. Poselennja, sadibi ta zhitlo na Zakarpatti // Materiali z etnografii ta hudozhn'ogo promislju. Vip. II. K., 1956. S. 60-109.
13. Simonenko I.F. Socialistichni peretvorennja v pobuti trudjavih sela Neresnici Zakarpats'koj oblasti. K., 1957. – 379 s.
14. Jurchenko P.G. Derev'jane zodchestvo Ukraïni (XVIII–XX st.). K., 1949. – 213 s.
15. Malanchuk V.A. Inter'er ukraïns'kogo narodnogo zhitla. K., 1973. – 326 s.
16. Bojkivwina. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. Kiïv: Naukova dumka, 1983. – 304 s.
17. Gucul'wina. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. Kiïv: Naukova dumka, 1987. – 471 s.
18. Lemkivwina. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. L'viv, 1999. – 504 s.
19. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. K., 1987. – 271 s.
20. Samojlovich V.P. Narodnoe arhitekturnoe tvorcestvo. K., 1977. – 654 s.
21. Samojlovich V.P. Ukraïns'ke narodne zhitlo. K., 1972. – 437 s.
22. Makushenko P.I., Petrova Z.A. Narodnaja arhitektura Zakarpatt'ja. M., 1976. – 361 s.
23. Daniljuk A. Ukraïns'ka hata. Kiïv, 1991. – 112 s.
24. Sapoliga M. Narodne budivnictvo ukraïnciv Shidnoï Slovachchini // Naukovij zbirnik Muzeju ukraïns'koï kul'turi u Svidniku. № 7. Bratislava-Prjashiv-Svidnik, 1976. S. 387-480.
25. Sapoliga M. Narodne zhitlo ukraïnciv Shidnoï Slovachchini . Bratislava-Prjashiv, 1983. – 387 s.
26. Fedaka P.M. Zalezhnist' mizh formami sim'ri narodnogo zhitla v Ukraïns'kih Karpatah (druga polovina XIX – pochatok XX st.) // Narodna tvorchist' ta etnografija. 1987. №1. S. 18-24.
27. Fedaka P.M. Zmini v narodnomu zhitli kolgospnogo seljanstva Zakarpattja (50 – 60-ti roki) // Narodna tvorchist' ta etnografija. 1978. № 5. S. 22-27.
28. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. Uzhgorod: Grazhda, 2005. – 352 s.
29. Fedaka P.M., Tivodar M.P., Mazjuta M.A. Zakarpatskij muzej narodnoj arhitektury i byta. Uzhgorod, 1981. – 71 s.
30. Fedaka P.M. Formuvannja girs'kih poselen' // Etnogenez ta etnichna istorija naselennja Ukraïns'kih Karpat. T. II. Etnologija ta mistectvoznavstvo. L'viv, 2006. S. 141-161.
31. Mala enciklopedija ukraïns'kogo narodoznavstva / [Za zag. redakcieju S. Pavljuka]. L'viv: In-t narodoznavstva NANU, 2007. – 832 s.
32. Sapoliga M. Narodne zhitlo ukraïnciv Shidnoï Slovachchini. S. 174.
33. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st.. Uzhgorod: Grazhda, 2005. S. 172.
34. Bojkivwina. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. Kiïv: Naukova dumka, 1983. S. 166.

35. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. S. 112.
36. Gucul'wina. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. Kiïv: Naukova dumka, 1987. S. 110.
37. Sapoliga M. Narodne zhitlo ukraïnciv Shidnoï Slovachchini. – 174 s.
38. Fedaka P.M. Formuvannja girs'kih poselen'. S. 156.
39. Daniljuk A. Ukraïns'ka hata. Kiïv, 1991. S. 51.
40. Blomkvist E.Je. Krest'janskije postrojki russkikh, ukraincev i belorusov // Vostochnoslavjanskij jetnograficheskij sbornik. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. S. 224.
41. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. S. 112.
42. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 174.
43. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. K., 1987. S.113.
44. Sapoliga M. Narodne zhitlo ukraïnciv Shidnoï Slovachchini. S. 210-211.
45. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 175.
46. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. S. 113.
47. Simonenko I.F. Byt naselenija Zakarpatskoj oblasti. S. 73.
48. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 180.
49. Mala enciklopedija ukraïns'kogo narodoznavstva. S. 345.
50. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. S. 123.
51. Mazurok O.S. Jurij Zhatkovich jak istorik ta etnograf. S. 180.
52. Dvojnikova E.S., Ljamin N.V. Hudozhestvennye roboty po derevu. M., 1972. S. 44.
53. Mala enciklopedija ukraïns'kogo narodoznavstva. S. 433.
54. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 181.
55. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. S. 114.
56. Sapoliga M. Narodne zhitlo ukraïnciv Shidnoï Slovachchini. S. 188.
57. Nikorak O.I. Suchasni hudozhni tkanini Ukraïns'kih Karpat. Kiïv: Naukova dumka, 1988. S. 104.
58. Kocan V.V. Ogljadova ekskursii po ekspozicii Zakarpats'kogo muzeju narodnoï arhitekturi ta pobutu // Arhiv Zakarpats'kogo muzeju narodnoï arhitekturi ta pobutu. S. 14-15.
59. Daniljuk A. Ukraïns'ka hata. S. 48.
60. Makushenko P.I., Petrova Z.A. Narodnaja arhitektura Zakarpat'ja. M., 1976. S.40.
61. Mazurok O.S. Jurij Zhatkovich jak istorik ta etnograf. Uzhgorod: UzhNU, 2001. S. 218.
62. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 182.
63. Zhatkovich Ju. Etnograficheskij ocherk ugro-russkikh. S. 118.
64. Fedaka P.M. Narodne zhitlo ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 183.
65. Goshko Ju.G. Narodna arhitektura Ukraïns'kih Karpat. S. 114.
66. Lemkivwina. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. L'viv, 1999. S. 321.
67. Mala enciklopedija ukraïns'kogo narodoznavstva. S. 671-672.
68. Daniljuk A. Ukraïns'ka hata. S. 59.
69. Nikorak O.I. Ukraïns'ka narodna tkanina XIX-XX st. L'viv, 2004. S. 412.
70. Bajrak Ja.M., Fedaka P.M. Zakarpats'kij muzej narodnoï arhitekturi ta pobutu. Putivnik / Ja.M. Bajrak. Uzhgorod: Karpati, 1986. S. 28.

71. Makushenko P.I., Petrova Z.A. Narodnaja arhitektura Zakarpat'ja. S. 41.
72. Gontar' T.A. Posuda i domashnjaja utvar' karpatskih ukraincev v konce XIX – pervoj chverti XX vv. // Sovetskaja jetnografija. 1978. № 4. S. 81.
73. Obidnij M. Stari gukul's'ki hati v seli Kvasah // Pidkarpats'ka Rus'. – Richnik XII-XIII. 1936. S. 56.
74. Lemkivwina. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. L'viv, 1999. S. 376.
75. Fedaka P.M. Narodne zhitlo Ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 184.
76. Bajrak Ja.M., Fedaka P.M. Zakarpats'kij muzej narodnoï arhitekturi ta pobutu. Putivnik. S. 68.
77. Gontar' T.A. Posuda i domashnjaja utvar' karpatskih ukraincev v konce XIX – pervoj chverti XX vv. S. 47.
78. Fedaka P.M. Zalezhnist' mizh formami sim'ri i narodnogo zhitla v Ukraïns'kih Karpatah (druga polovina XIX – pochatok XX st.). S. 19.
79. Sapoliga M. Narodne zhitlo Ukraïnciv Shidnoï Slovachchini. S. 247.
80. Fedaka P.M. Narodne zhitlo Ukraïnciv Zakarpattja XVIII–XX st. S. 186.
81. Sapoliga M. Narodne zhitlo Ukraïnciv Shidnoï Slovachchini. S. 248.
82. Daniljuk D.D. Istorichna nauka na Zakarpatti (kinec' XVIII – persha polovina XX st.). S. 201.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Войтович Леонтий Викторович - доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории средних веков и византистики Львовского национального университета им. И. Франко, старший научный работник Института украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины. journalrusyn@rambler.ru

Иов (в миру Виктор Фёдорович Смакоуз) - кандидат богословия, епископ Каширский, викарий Московской епархии, управляющий патриаршими приходами в Канаде. bishjob@telus.net

Коцан Василий Васильевич - соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Ужгородского национального университета (УжНУ), заведующий отделом экспозиции Закарпатского музея народной архитектуры и быта. kocanv@rambler.ru

Майоров Александр Вячеславович - доктор исторических наук, профессор, завкафедрой музееведения Санкт-Петербургского государственного университета. journalrusyn@rambler.ru

Несин Михаил Александрович - выпускник кафедры исторического регионоведения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. petergof-history@yandex.ru

Сологуб Татьяна Яковлевна – старший научный сотрудник отдела экспозиции Закарпатского музея народной архитектуры и быта. sologubt@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leontii Voitovich - doctor of of history, hrofessor of the faculty of me-dieval and byzantine history at the I. Franko National University of Lviv, senior scholar of the I. Kripiakevich Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Studies of the Ukraine, prize winner of the Hrushevsky National Academy of Sciences of the Ukraine. journalrusyn@rambler.ru

Iov (Smakouz) - candidate of theology, bishop of Kashira, vicar bish-op of the diocese of Moscow, administrator of the Patriarchal parishes in Canada. bishjob@telus.net

Vasilii Kotsan - candidate of the faculty of history of the ancient world and middle ages of the Uzhgorod National University, head of the depart-ment of expositions of the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life. kocanv@rambler.ru

Aleksandr Maiorov - doctor of of history, professor and director of Museum Studies of St. Petersburg University. jurnalrusyn@rambler.ru

Mikhail Nesin - graduate of the faculty of historical regional studies of the St. Petersburg State University. petergof-history@yandex.ru

Tatiana Sologub-Kotsan - senior Researcher of the Transcarpathian museum of folk architecture and life. sologubt@rambler.ru

SUMMARY

Leontii Voitovich**The Boundaries of the Galician -Volynian State.**

The history of the Galician-Volynian State has been researched for more than two centuries but the question of its boundaries continues to be discussed. Like any other medieval state, its boundaries have shifted at various times in history, although in general, many of its territories have remained stable from the times of the kinship princedoms to later times coinciding with the boundaries of the political entities at the end of the 13th C. The territory of the Galician-Volynian State under Lev Daniilovich reached its maximal size which included the Kievan and Pereyaslav Lands, a significant part of Lower Dnestrovye, the territory between the Dniester and Pruth Rivers, possessions in Transcarpathia and in the lands of Lublin. The Turov-Pinsk Princes at that time remained vassals of the Galician-Volynian rulers.

Aleksandr Maiorov**Was Daniel Galitsky crowned by Pope Innocent IV?**

The article gives information about the coronation of Galicia-Volyn Prince Daniel Romanovich of the Lives of Pope Innocent IV, compiled in the mid 13 th century Niccolo da Calvi, the Bishop of Assisi.

Mikhail Nesin**The Galician Veche of 1229-1234.**

The events in Halich at the end of the 20`s and during the 30`s of the 13th C. are known as the struggle of Daniil Romanovich for the rule of Galicia. To understand this struggle it is important to study the activity of the Veche in Galicia at the time. The other thing is that the condition of the sources is such that much work is required to read them correctly. In this article we only look at a relatively small component, basically 1229-1234.

Bishop Iov (Smakouz)**Priest Ignatii Hudima (1882-1944) - Martyr for the Orthodox Faith and Russian Ideals in Galician Rus`.**

The martyr for the spiritual ideals of Holy Rus', Priest Ignatii Hudima, repeatedly suffered repression from the Austro-Hungarian authorities for his convictions. At the beginning of WWI he was interred in the concentration camp at Thalerhof where he endured mockery and torture. Subsequently, because of the physical and moral torment, Ignatii Hudima suffered from a severe psychotic condition from which he never recovered. According to existing information Father Ignatii was shot by Hitler's Nazis during their occupation of Western Ukraine.

Tatiana Sologub-Kotsan

Ornamental Motifs of Hutsul Folk Embroidery in Transcarpathia (The Yasinian Center) at the End of the 19th to the Middle of the 20th Centuries.

In the given article the author analyzes the designs of embroidered clothing of the Hutsuls of Yasinia from the collection of Maria Hrytsak, which are housed at the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life. Ornamental folk designs of the Yasinia area of Transcarpathian Hutsul Land are characterized predominately by geometric motifs. The rhombus of various configurations, eight-petalled roses, various variants of direct or slanted crosses, s-shaped designs («numbers», «tapeworms», «ram's horns») are the most widespread. Besides this, in the embroidery of the region understudy, along with the geometric, are also found stylized plant ornamentation. A complex flower motif also had significant distribution.

Vasilii Kotsan

The Interior Plan of the Folk Abode in Transcarpathia of the 19th and first half of the 20th Centuries.

A short analysis of the historiography of the research problematics is given at the beginning of the article. The work can be divided into several parts in which each is characterized by the same or different components of the interior of traditional folk homes of Transcarpathia. The basic parts of the home and their functions, articles, decoration and religious items are quite widely described along with the evolution of the pantry and entrance as separate parts. At the end of the article the author attempts to characterize the interior situation and organization of life in the house.

Правила публикации в журнале «Русин»

Редколлегия журнала «Русин» принимает только статьи, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилию, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес, почтовый адрес с индексом.

Статьи не должны превышать 1 а.л. (32 000 знаков с пробелами) с обязательной аннотацией на английском языке, сообщения – 0,5 а.л., рецензии – 0,2 а.л.

Члены редколлегии знакомятся с материалом и принимают решение о публикации. Отзывы членов редколлегии и рецензентов автору не сообщаются.

Формат текста

Абзац – отступ 1,27 см.

Междустрочный интервал – 1,5.

Шрифт Times New Roman, размер 14.

Без переносов!

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова, во всех остальных случаях – только е.

Сокращения

При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., И.О. отделяются пробелом от фамилии.

Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е годы, а не двадцатые годы.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг.

Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в.

Писать только полностью: так как, так называемые.

Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.

% ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %.

Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом: 4 700 000, 1 560.

000 могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн., млрд.

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

Кавычки – только «», если завышенное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются прямые двойные кавычки: «"раз", два, три, "четыре"».

Сноски и ссылки в тексте оформляются в порядке следования в тексте арабскими цифрами. Различия между сносками, отсылающими к примечаниям или библиографическому описанию источников, не делается. Авторские примечания и библиографическое описание источников даются в конце статьи единым блоком.

Фамилии И.О. авторов – курсивом.

Сноски не автоматические, пронумерованные арабскими цифрами.

Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой.

Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpg (разрешением не менее 300 dpi).

Подписка на Международный исторический журнал «Русин»

Периодичность выхода – 1 раз в квартал.

Объем – 192 стр.

Формат – А5.

Тематика: история населения Карпатской Руси.

Язык: русский, русинский, украинский. По согласованию с редакцией допускаются публикации и на других языках.

Постоянные рубрики: история, языковедение, знаменитые русины, публицистика, русинская библиография.

Стоимость подписки на один экз. с учетом почтовых услуг:

США и Канада: 8 USD (все комиссии платит подписчик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Европа: 6 EURO (все комиссии платит подписчик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Украина: 45 гривен;

Россия: 220 рублей;

Молдавия: 35 леев.

В платежном документе просим указать, за что перечислены деньги: за подписку на журнал «Русин», а также за какие номера и их количество.

Для того чтобы оформить подписку, необходимо перечислить необходимую сумму на счет Общественной ассоциации «Русь» и выслать письмо на адрес редакции или на электронный адрес sergei_suleak@rambler.ru

В письме необходимо указать почтовый адрес подписчика, номер платежного документа и перечисленную сумму. По возможности просим выслать копию платежного документа.

Subscription to the International Historical Journal «Rusin»

Regularity of Publication - once quarterly.

Number of Pages - 192.

Format - A5.

Themes: History of the Population of Carpathian Rus'.

Languages: Russian, Rusin, Ukrainian. Other languages are permitted in consultation with the editor.

Rubrics: History, Linguistics, Famous Rusins, Publications, Rusin Bibliography.

The rate of subscription for each edition including postage:

USA and Canada: 8 USD (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Europe: 6 EURO (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Ukraine: 45 GRIVNA;

Russia: 220 RUBLES;

Moldova: 35 LEI.

Please indicate in the payment orders which editions of «Rusin» and the number ordered. Money orders and cheques are made payable to: Association «Rus'» and mailed to the address of publication. Subscriptions may also be made by email sergei_suleak@rambler.ru

With the order please include the address of subscriber, copy and reference number of payment order.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ОПЛАТЫ:

USD

Intermediary Bank: Citibank N.A.
New York, N.Y
SWIFT Code: CITIUS33
Corresp. Acc. - 36141833
Beneficiary Bank: BC Victoriabank S.A.
Chisinau, Moldova
SWIFT: VICBMD2X
IBAN: 222400100181787
Asociatia Obsteasca «Rusi»

EURO

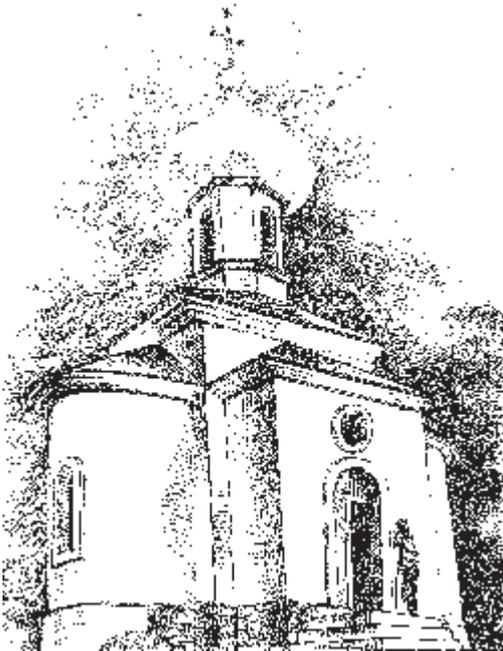
Intermediary Bank: Commerzbank AG Frankfurt am Main, Germany.
SWIFT Code: COBA DE FF
Corresp. Acc. - 400886414200
Beneficiary Bank: BC Victoriabank S.A. Chisinau, Moldova,
SWIFT: VICBMD2X
IBAN: 22516031078
Asociatia Obsteasca «Rusi»

РОССИЙСКИЕ РУБЛИ

Банк получатель: Сбербанк РФ
г. Москва.
БИК 044525225
К/с 30101810400000000225
ИНН 7707083893
КБ «Викториабанк» АО.
Р/с 30111810200000000220
Назначение платежа: подписка на журнал «Русин»
Для Общественной ассоциации «Русь»
счет № 22516031078

МОЛДАВСКИЕ ЛЕИ

Asociatia Obsteasca «Rusi»
Фискальный код 40038013
Расчетный счет 225100000181787 в BC «Victoriabank» SA, филиал 3.
Код банка VICBMD2X416
Назначение платежа: подписка на журнал «Русин»

**Православный храм
святого
великомученика
Димитрия Солунского
в с. Булгак
Рышканского района
Республики Молдова.
Макет разработал
художник Сергей
Сулин (Молдавия).**

**Жители села Булгак
обращаются с просьбой о помощи
в строительстве храма!**

**Просим перечислять средства на счета
Общественной организации «Русь».**

**В платежных документах просим
указывать: благотворительный взнос на
строительство храма.**

**Общественная организация «Русь»
опубликует отчет о поступлении и расхо-
довании средств в журнале «Русин».**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2011, № 3 (25)

Кишинев
Республиканская общественная ассоциация «Русь»,
2011. - 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (373 22) 27-02-84, 28-75-59, факс: 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Подписано к печати 4.10.2011. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 700 экз.
Заказ 366.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2011 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир»

ПЕСНЯ О МАРКОВЕ

Слова народные, записаны П.П. Женеvским.

Есть крепость в Терезине,
Кругом канал с водой,
В темнице под землею
Там Марков молодой.

Сидит там посол Марков,
Родной он вспомнил край,
«Отчизна дорогая!
Прощай, прощай, прощай!»

Давно не видит солнца,
В тюрьме все ночь и ночь ...
«Коль выречешься Руси,
Тебя мы пустим прочь!»

Закован он в железа,
Течет кровь с ног и рук ...
«За нашу Русь Святую
Я не боюсь муж».

В ночи его осудили,
Пришел с веревкой кат...
«На Русь плюнь, доктор Марков,
И будешь нам, как брат».

«Изрежьте вы мне тело!
До капли пейте кровь.
За нашу Русь Святую
На смерть я все готов».

Уж Марков крест целует,
Уж смерти бьет пора . . .
«Отчизна дорогая
Да здравствует! Ура!»

«Он смерти не боится?
Так знов его туда!
Опять в тюрьму - темницу,
Пусть чахнет там всегда!»

Прощай нам, посол Марков,
Прощай, прощай герой.
Как долго Русь на свете
Чтить будет подвиг твой.

Катруся. Сборник стихотворений, песен, кантат, декламаций, смешных комических рассказов, поговорок и пословиц русских народных писателей, собранный Е.И. Дычкевич (Прилес). Посвящается просветителю Галицкой Руси протоиерею о. Ивану Григорьевичу Наумовичу. Нью-Йорк, 1948. С. 68.

Дмитрий Андреевич Марков (1864-1938) – политик, публицист, видный деятель карпаторусского национального движения. Крестьянский сын, закончил во Львове гимназию и богословский факультет, в Инсбруке получил степень доктора юридических наук. Депутат Галицкого сейма и Австрийского парламента. В 1914 г. за свои убеждения был приговорен к смертной казни. Приговор был заменен на вечную каторгу в Терезинской крепости. Вышел на свободу после распада Австро-Венгрии. Отстаивал права Галицкой Руси на Парижской мирной конференции (1919-1920).

